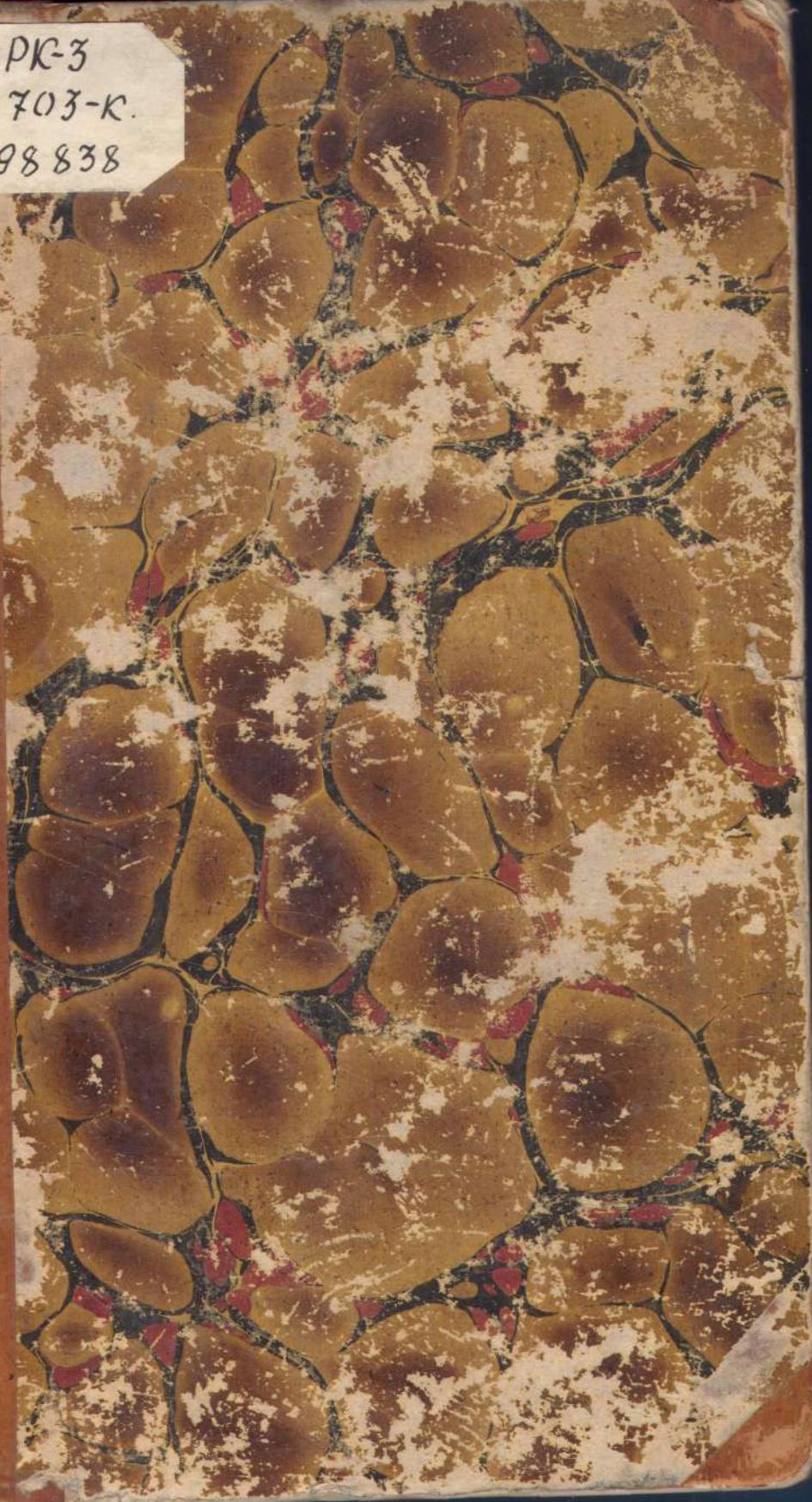
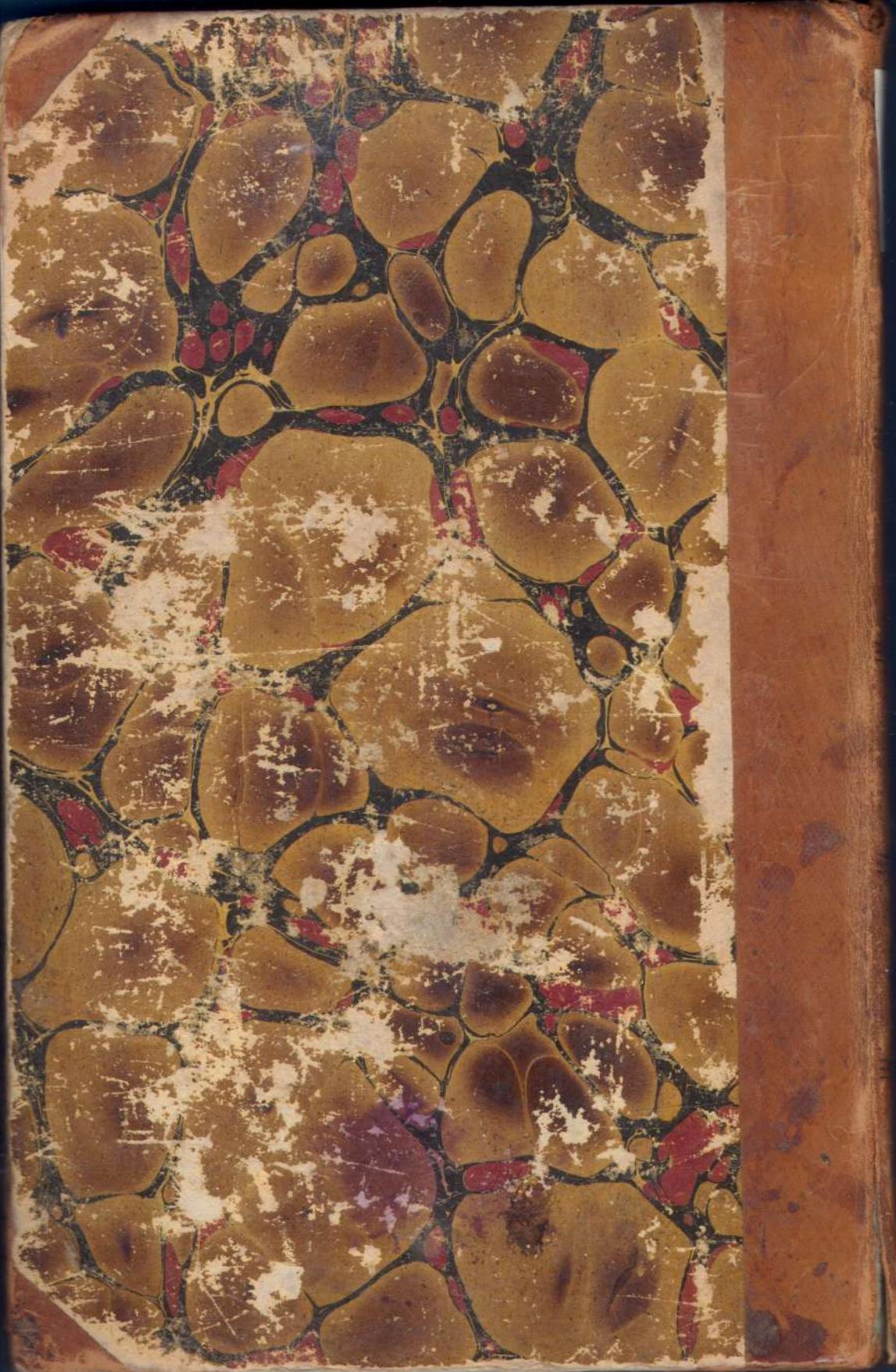

PK-3
M-703-K.
298838

299838
PK.3
4034

COMPAGNIE

SAINT-MARCO

1891.85

△

891.85

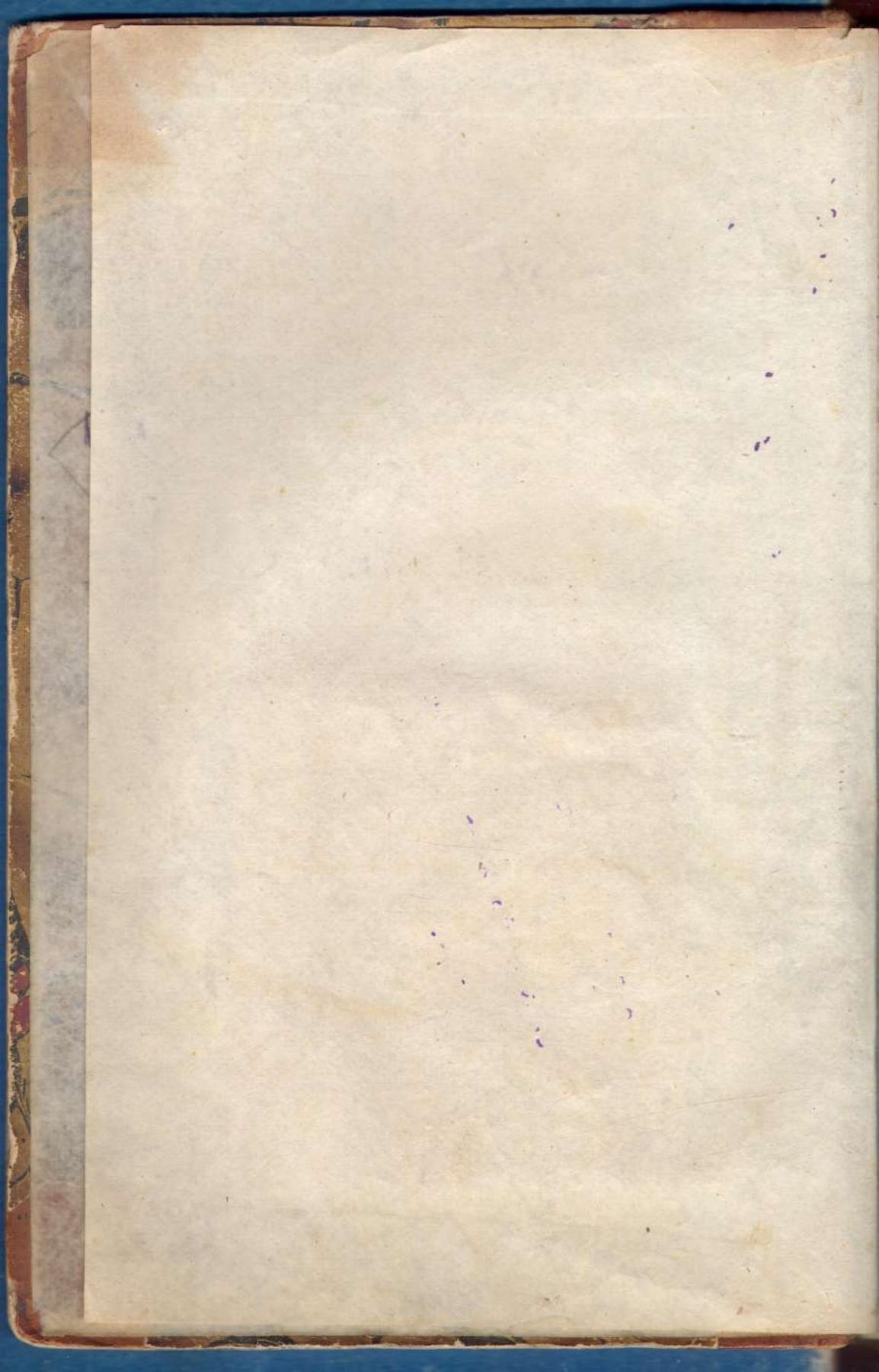
2/42

КОНЧАТЬ
ЗАДНЯГОРДЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВСТЬ

ЛУЧШАЯ КНИГА ВЪ СВѢТЕ СОВѢТІЙ

СБІЛІЦІ

PR-3
ЛА-703к.

КОНРАДЪ ВАЛЛЕНРОДЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

изъ

ЛИТОВСКИХЪ и ПРУССКИХЪ СОБЫТИЙ.

ПОГЛАДОНО АТАРДЪ
АДАМА МИЦКЕВИЧА.

Часть I изъ первого тома
литовскихъ и прусскихъ сюжетовъ
и сюжетовъ изъ польской истории
переведено на русский язык
Адамомъ Мицкевичемъ
1831 года

Переведъ съ Польского

Анастасій Шпигоцкій.

Анна Гардучкова.

О, выигралъ! . . . пироръ въ бояхъ, пѣвецъ! . . .

Пожаръ — швейцаръ; спонъ и вопль — музыка.

И, гордый! мнишь: „На ликъ мой — лавръ! вѣнецъ!“

Гдѣ же лавръ цвѣтешъ для вѣроломныхъ ликъ?

Святой Гаспаръ

Святой Гаспаръ
МОСКВА.

ПЕРЕНО
1948

Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1852.

Центральна Наукова
Бібліотека при ХДУ
Інв. № 298838

ПЕРЕНО
1948

74
58
90
98

ГЛАВНОЕ
ОТДОЧИЩЬЯ

АТЛАСОВ ВАЛЭРИЧОВЫ

и с н

Литературные сочинения и гравюры.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

Литературное общество

съ тѣмъ, чтобы по оштрафованіи представлена были въ Цензур-
ный Комитетъ при экземпляра сей книги. Москва.

Июля 24го дня, 1851.

Цензоръ Сергей Аксаковъ.

ВѢЧЕРНІЙ ПОКОТЕЛЬНИЦЫ

и с н

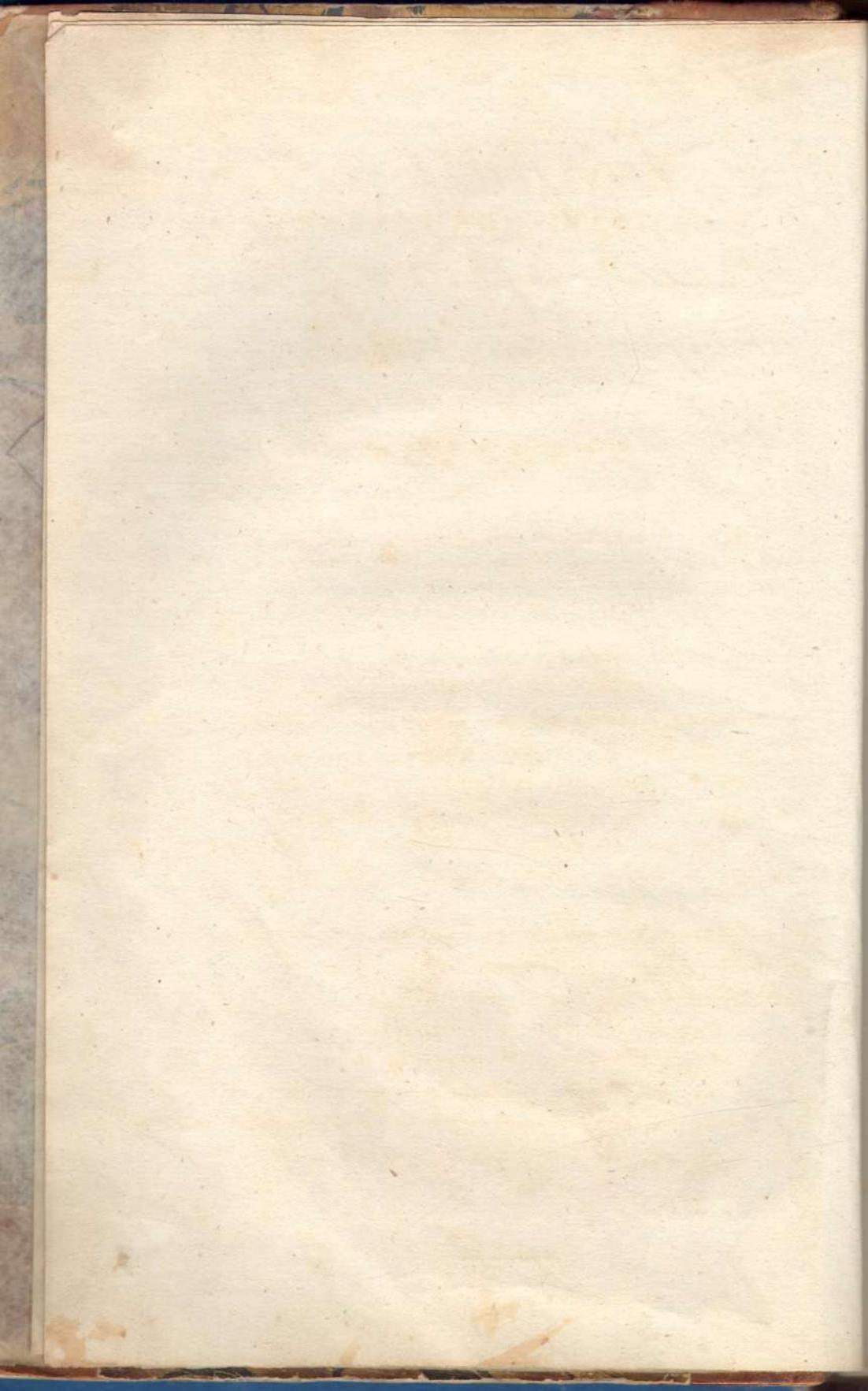

Конрад
Вальтерроде
немецкая повесть
из
Литовского и Прусского сюжетов
Адама Мицкевича.

Перевод с Германского
Александра Городухова.

Саратовъ

1835.

НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ

БЕРДЯЕВУ.

Все по тебѣ , Украина родная !
На чуждомъ , хладномъ Сѣверѣ грущу ,
И одинокъ , цвѣшь жизни убивая ,
На думы пылкой юноши ропщи .
Но что !... взгляни : мрачнѣй сводъ лазурный ;
Въ дубровѣ воя , вѣшръ бушуещъ бурный ,
Рвепъ листъ , кружипъ и мчишъ въ далекій край —
Смотри , и мнѣ — тому лисику . — пѣний .

Мой взоръ пустынныи все мрачнѣй , угрюмѣй .
Я лишь одной лелѣю сердце думой :
Тебѣ не чуждъ я , ввѣкъ любимый мной ,
Другъ мудрости , другъ истины святой ,
Какъ нѣжный брангъ , наставникъ несуроый ,
Мой вождь къ добру , родной мнѣ по любови !
Судьба всѣхъ дней — мнѣ даръ безцѣнныи твой :
Въ пыль юности ты былъ хранишель мой .

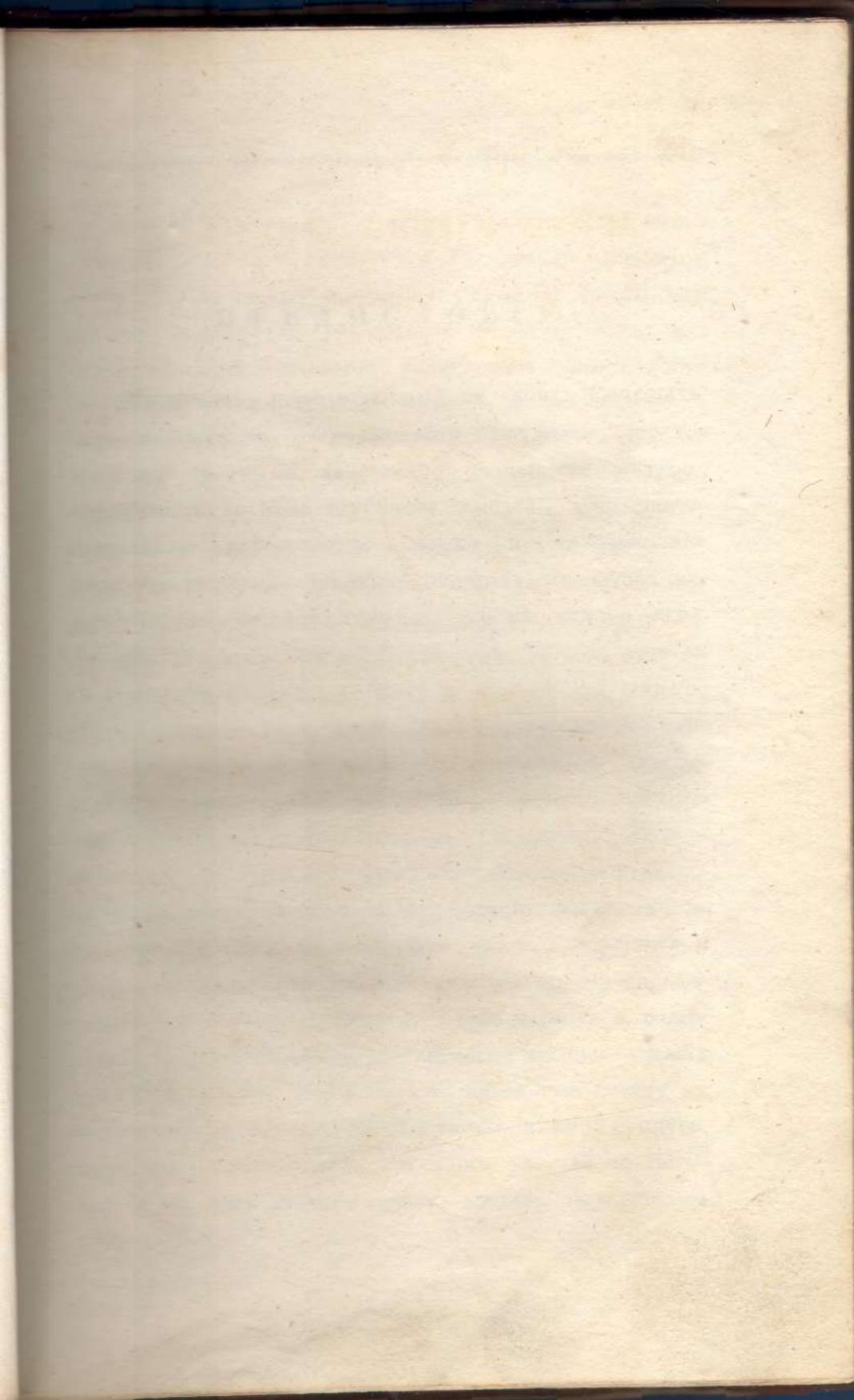
УРИЯЛОВИ ОДАЮНИ

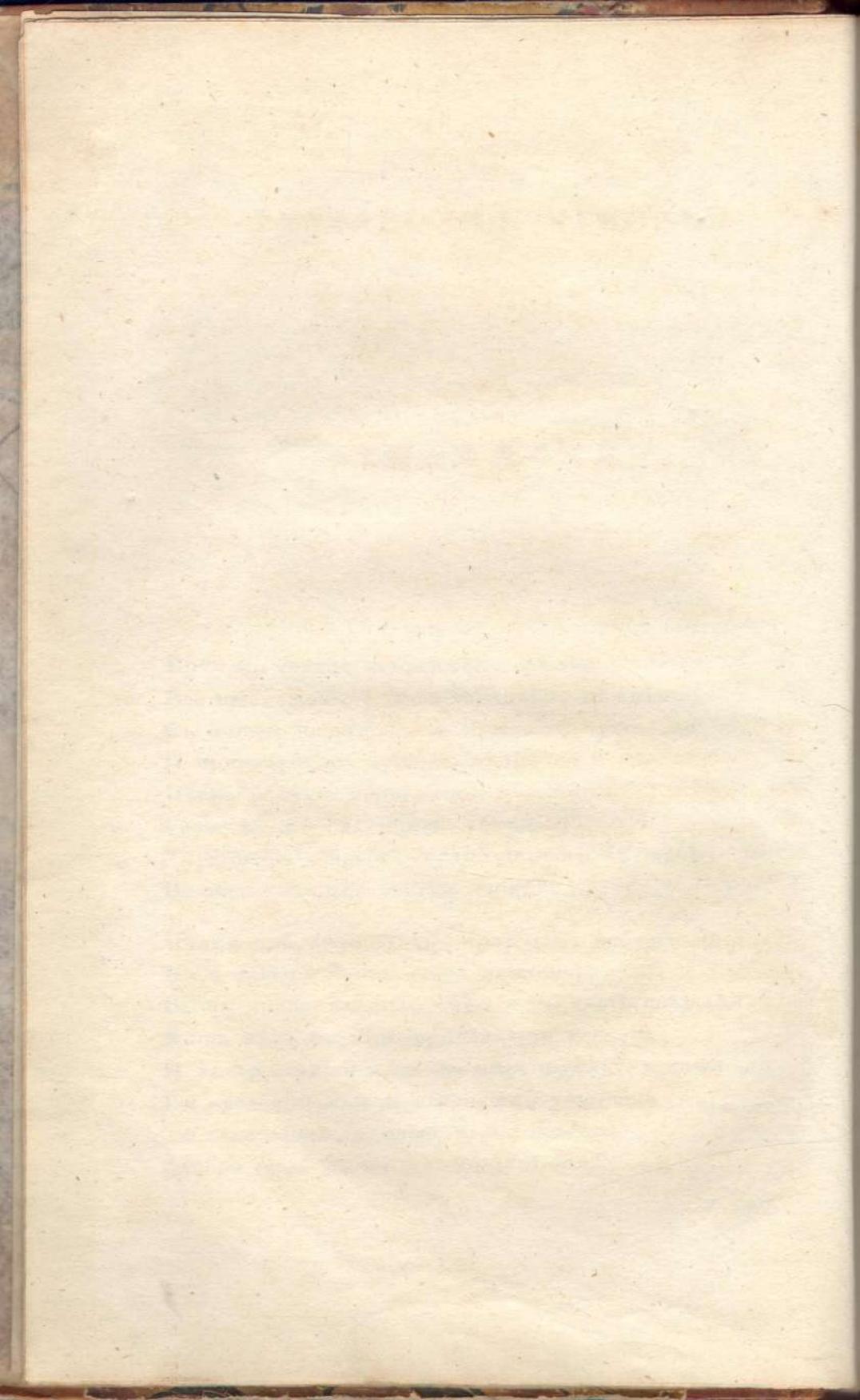
ЧИСЛЫ

Кому же сердце искренний, смѣлѣе
Все выскажешъ? Кто ласковый, нѣжнѣй
Съ пушей шернистыхъ примѣшъ пришлеца, ище
И приголубиши чуждую вѣнца
Пѣснъ робкую неопытной дѣвницы,
Развеселиши задумчивы зѣницы?
Украинецъ добрый! сердце льнетъ къ тебѣ;
Внемли пиномца своего мольбѣ:

Прими мой даръ! Онъ скромный, неблестящій,
Но я вдаюсь мечтѣ менѧ манящей:
Быть можешьъ, ты, кѣмъ я въ душѣ свѣшлѣй,
Хочь мигъ на міръ прогланещъ веселѣй,
И въ грустный часъ съ чела шуманъ прогонещъ;
Въ небесной мысли сладоснно упонещъ;
,,Я счастливъ — миою сердце создано;
„Добро вѣкъ помина, счастливо оно!“

А. III.

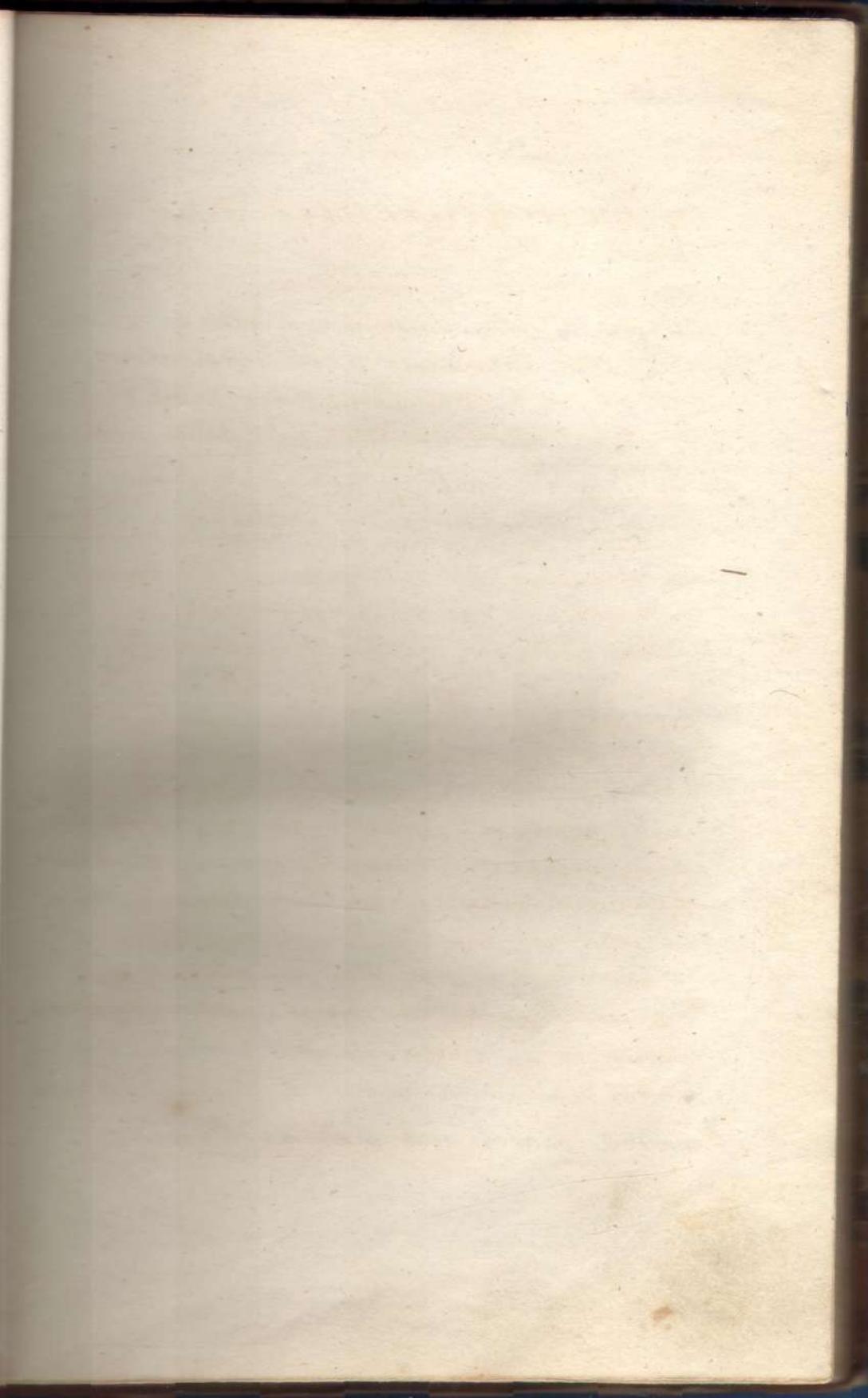
ПРЕДИСЛОВИЕ.

Мицкевичъ, неподражаемый въ своихъ Сонешахъ поражающихъ то очаровательно свѣтлыми, то гигантски грозными картины дышащими жизнью; изумляющей въ нихъ глубиною мыслей, спрасивною цыкоспію вдохновенаго языка и безмѣрностію образовъ въ сиюль шѣсныхъ очеркахъ, кажеся недоступнымъ ни для кого — кроме самаго себя. Такъ онъ и въ своемъ Валленродѣ, только еще въ подвѣшемъ объёмѣ. — Что за характеры! Иѣжное сердце дипши, еще юное, уже упоено жаждою черной лесни, вливаемой въ него злобнымъ сѣдымъ Вайденштокъ (жрецъ Линевскій). Замыслъ описанія врага отчизны мужаешьъ съ юнымъ Лишовденъ. Судьба на мигъ даешьъ ему поблаженствованіе изъ оторваніи небесной любви, чтобы шѣмъ людѣю распарозить его душу. Десять лѣтъ коварствую и убийствуя, онъ ужъ близокъ имъ самимъ проклинаемой цѣли: попраніемъ сана Христіаница и вождя утолишь неуполимую жажду кровавой мески. — Какія муки! Красишься еженочно па груспишу бесѣду къ недоспунному заключенію безцѣнной, иѣжной супруги, чрезъ него спрадающей; погибать, увлекая въ погибель и ее, одну кѣмъ онъ жилъ, дышаль; прекращашь

ядомъ пломпельную жизнь — съ мыслию о вѣчномъ проклятіи своеемъ на землѣ и на небѣ! — Пламенный поэтъ Польши, создавшій силою своего генія сей дивно глубокій характеръ, не уронилъ его въ изображеніи. Счастливое соединеніе созданія и выраженія увѣнчало общимъ воспогромъ сіе произведеніе, лучшій цвѣшокъ въ вѣнкѣ современной Литературы.

Чѣмъ болѣе вникаю въ оное, тѣмъ живѣе чувствую смѣлость свою, избравъ его для первого опыта. Впрочемъ, я употребилъ все спараніе, дабы не навлечь негодованія образованныхъ читателей небрежностью торопливой самонадѣянности, и меня ободряетъ мысль, что какъ и слабая шѣньможешь родить въ воображеніи понятіе о предметѣ: то образованная публика, не только восхищавшаяся самимъ оригиналомъ, но даже взглянувшая на сей переводъ, пойметъ всѣ трудности моего предпріятія. Но нимъ она оцѣнитъ мой опытъ. Предаюсь справедливому суду. Каковъбы онъ ни былъ, благоразуміе велишъ воспользоваться онымъ, не увлекаясь ребячески опаснымъ и смѣшнымъ упрямствомъ авшорскаго самолюбія.

Переводчикъ.

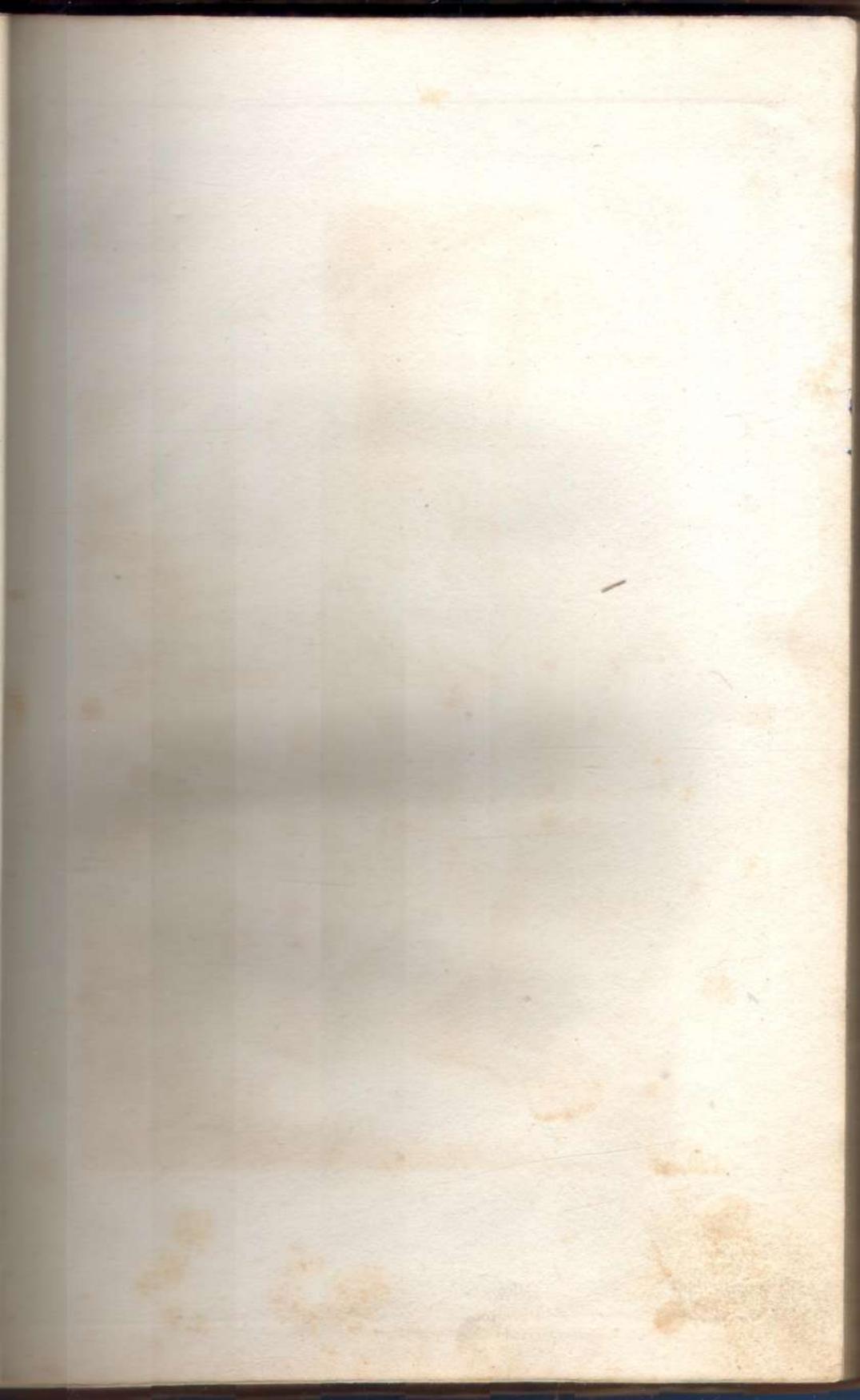

Вступление

Оно явилось неожидано, какъ Оригиналъ крестильный
Поморский крестикъ кровъ чистилище;
Присяга даетъ свою склонность подъ оковы;
Нетъ со родиной дружескихъ ищущихъ сближанья;
А Ильинъ здѣшній преисподній симъ,
Принесъ, посланный ѿ Амвросія предѣловъ.

Монахъ Ильинъ даетъ вѣтъ отъ брачовъ;
Монахъ пакицѣвъ, на брегъ, будинокъ мѣлкій;
И золото пакицѣвъ — престебавъе золотъ;
А золотъ, на золотомъ, вознесъ вѣнчанъ,
Крестъ, знаменіе Ильинцевъ, въиско гоюнъ;
Изъ Ливъ простираетъ прозаика падѣнія,
Накъ будто да поморъ всю страну Поморъ
Обнѣти въ высотѣ и поѣхалъ покорить.

Поморъ будновъ Литовицѣвъ подѣлъ на прибрежны
Поморѣвъ: Рѣ губительная шапка, въодопойки Медѣнѣвъ,
Съ служаномъ на погонѣ, съ стражами въ рука,
Будновъ, брачовъ икона вѣдомъ вѣдѣтъ.

КОНРАДЪ ВАЛЛЕНРОДЪ.

В С Т У П Л Е Н И Е.

Сто лѣть ужъ Орденъ Крестоносный стонѣть
Полночного язычества въ крови;
Уже Прусакъ въ цѣпахъ позорныхъ стонѣть,
Иль горестный, бѣжитъ друзей, любви
И оптихъ нивъ, гдѣ до Липовскихъ граней
Разносятъ смерть и трепетъ Христіяне.

Лазурный Нѣманъ — гранью двухъ враговъ.
Здѣсь рядъ божницъ вѣнчають брегъ зыбучій,
Шумящъ лѣса дремучіе боговъ.
А за рѣкой, челомъ пронзая шучи,
Тевтона крестъ блисталъ на высотѣ,
И опроверзъ Липвъ зловѣщо лоно,
Какъ бы грозя все племя Палемона,
Вдругъ охвативъ, увлечь къ своей пятѣ.

У ближнихъ волнъ, Липовцевъ юныхъ рой
Слѣдить коней Нѣмецкихъ бѣгъ крылатый —
Въ десной, пукъ спрѣль; на рамъ, лукъ шугой;
На шапкѣ, рысь; покровъ, медвѣдь косматый. —

А шамъ Тевтонъ, возвѣявъ шлемъ пернатый,
Прилишъ къ сѣду, закованъ въ мѣдь и спаль,
То чешки браль, шо заряжалъ пищаль.
По вражьемъ спану орлимъ окомъ рыщешъ
И черезъ Нѣманъ переправы ищешъ.

ЛІНАЛЬНУТА

Такъ Нѣманъ, мира древній другъ,
Съ любовію, сближавъ народы ,
Спаль нынѣ прагомъ смерши , мукъ ;
И не преплыши чрезъ заповѣдны воды ,
Не потерявъ иль жизни, иль свободы.
Лиць Прусскої пополю манимъ ,
Литовскій хмѣль , плѣненъ прекрасной ,
Все такжѣ лѣнешъ на брегъ опасной
По вербамъ , исправъ водянымъ ;
И пересплавъ , вѣнкомъ своимъ
Румянымъ , голубыя волны ,
Совѣсся съ ней , воспорга полный .
И къ соловьямъ Запущанъ - горъ ,
Ведя Литовскій разговоръ ,
Лепшающъ соловьи Ковѣнскій рощи тѣмной ;
Иль , вольные , игриво воспаряшъ
И осپрова зелены отгласяшъ
Любви мелодіей чарующей и шонной .
А люди ? — люди дышушъ лишь враждой !
Лицвинъ и Прусь давно въ бояхъ машежныхъ

Здесь владыка Ильинецкий, покрытый сронею,
На шестомъ, недвижимъ стоитъ подъ рукою;
На стащѣ бразовъ направляе внимательный взоръ,
Кишащій зарядастъ, но гемканъ можетъ.

И мнѣ другое спасеніе неизѣрѣбѣ.
Макъ Ильинецъ, вѣнчавшійъ въ минувшихъ временахъ
Присоединѣ брачныхъ народовъ германскіхъ,
Для смиренія земли исконъ святъ болѣостіи праахъ:
Но кѣмъ не иначе Ильинъ иль свободы,
Не иной преисполнитъ гановѣдамъ вѣды.
Любимъ боярка Симѣонова иль сѣверъ горой,
Прекраснѣе тополицъ Круссельскіе предметы,
Не вѣнчанъ простенковъ вѣсъ надъ роками,
Любъ Семарѣ, проспирающій обѣими синими,
И вѣсты минуя христианскіе вѣнкіи,
Членутъся отъ смиренія на врага нудрою.
Любъ патеки, но превыше иу, Рѣвенской рощи
Словѣнъ - Есенты не брачидутъ прибѣгнути
Въ юнѣцкіи горы Башкортской вѣдумъ.
Беседу симѣонову въ супракѣ иони,
И въ восеми сна острѣвѣ смиряются обѣи.

- А поди? - вонъ падчерица смирила!
Завѣшила дружина Круссельскова въ Симѣоновъ

Задумай, однакоже и сюда я подъѣхъ
Рѣшеноюю гаону. И здѣшъ звѣрь такъ...

О! Человѣкъ! ужъ скоро предупрѣтъ въсѧ
Рѣшеноюю озѣмъ отъчества бѣзъѣхъ;
Мѣсяцъ полузафѣнѣвъ до сего днѣвъ
Сокурой вѣнца [№] звѣрь селѣти;
Громъ душъ изориѣтъ Солнце въ садахъ;
И все, чѣмъ связана душа природы,
Всѣ то разорѣтъ бѣзъѣго народы;
Вѣ, вѣ, — и вѣнѣніи сѣрия сопѣхнѣя
Вновь вѣнѣніе кончнѣе иѣнаго Родѣнія.

I

Избраниe.

Пораженіе мое въ арѣдѣ Марин(?) звѣрь,
Звѣгатъ барбаданъ и птицы и прѣмѣнѣ;
Насмѣшъ дѣлъ Земли да и Органескихъ бѣзъѣ,
Коимуровъ стоящу сплюшь отъ берега и берега;
Да и по морю Лорисъ святойъ бѣзъѣни,
Всѣ подънѣніи обидѣніи рѣшатъ иль сѣверъ;

Попрали дружбу ; лишь любовь порой
 Миришь и ихъ. — Я зналъ два сердца нѣжныхъ.
 О Нѣманъ ! нѣпть , шы не удержишь ихъ ,
 Губишелей , несущихъ смерть , оковы .
 На берегахъ лелѣемыхъ швоихъ
 Пожаръ испепелилъ зеленый дубровы ,

Пришопчешь конь ковры луговъ ,
 И бранный гулъ разгонишь соловьевъ ,
 И вражій мечь злапшую цѣнь природы .
 Распоргнемъ . Такъ ! враждебные народы
 Раепоргнутъ все ; но спраснія сердца
 Венылающъ вновь въ гармоніи пѣвца .

ИЗБРАНИЕ.

Въ Маріенбургѣ тулъ и звонъ ( ),
 И пушекъ громъ , и бубновъ спонъ ;
 Въ лучахъ торжественной денницы
 Спѣшашъ опвсюду Рыцари къ столицѣ .
 Съ мольбой , совѣтъ Компурами открыть :
 Чьей мечь Петра вругитъ десницу ,

Чи перси крестъ великий озаритъ (²).

Два дни сомнѣніе въ сонмѣ бродиши,
И многихъ Капитулъ находиши
Вполнѣ достойныхъ чесли сей ,
Дивяся подвигамъ мужей
И чия въ нихъ древности, знашность рода;
Но всѣмъ имъ , Ордена Совѣтъ
Предпочиталъ Конрада Валленрода.

Невѣдомый , сынъ чуждаго народа ,
Онъ славой полниль дальний свѣтъ.

Гренадыль Мавръ дай бой въ горахъ спремистыхъ ,
Иль Оппоманъ , на лонѣ безднѣ пѣнистыхъ —
Въ пыль боя , первый бурей онъ влемпаль ;
На играхъ , мощный и суровый ,
Лишь онъ чело свое являлъ ,
Всякъ успупалъ вѣнокъ лавровый
И мечь предъ нимъ въ смущеніи склонялъ .

Но въ цвѣтѣ лѣтъ , не славой лишь военной ,
Гроза враговъ , онъ брашпй быль красой :
Онъ шруженикъ великий и смиренной ,
Оишпунникъ суеты мірской .

Не славенъ онъ , въ шолиѣ двора ревнивой ,
Рѣчами , гибкостю лѣспивой ;

Человека великих крестом не огорчимъ,
Богу же вѣликихъ съ мордой драгоценной. (2)
Въ сѣняхъ между продовольствіемъ дни
и ночи, муки боли въ сознаніе;
А бѣл одиночко званий гвоздь,
Въ вѣрѣ равны заслугою они;
Но чистое сердце и голос народъ
Поставилъ выше драгоценныхъ крестовъ. —

Въ юности не зналъ, что такое судьба,
Въ юности (3) зналъ, что прославленіе искать;
Въ юности не зналъ, что такое счастье,
Но юношеское счастье въ юности искать;<—
Что зналъ въ юности не знаешь спустя годы,
Что зналъ въ юности не зналъ спустя годы;
Что зналъ въ юности не зналъ спустя годы,
Что зналъ въ юности не зналъ спустя годы;
Что зналъ въ юности не зналъ спустя годы,
Что зналъ въ юности не зналъ спустя годы. —

Но эта не юношеская оплощеніе превосходъ
Но это не юношеское оплощеніе въ юности имена;
Но это вѣликихъ земляковъ имена;
Земляковъ, земляковъ, незримые имена.

Но эта не бывало слава въ юношеской молитвѣ
Но это не бывало слава въ юношеской молитвѣ;

Из чистой честности в превавий дождь
Меня не спутает временно-важный баронаж;
Спешащ чисто-честный он зашёл в обман,
Всю свою землю промедлил,
и засел в Немецких, и пресечши в земле
Любимой земли не дарилъ отрады.
Кончай же виноватъ забытому Землю,
Харчующий землю и бессудъе боязня.

*

*

*

Он-то и собственъ природы-природы, изъ-подъ
Коня да ходитъ съмь виной:
Онъ искрѣ, но въсъ его въ единой,
и забывшъ спиродалий помышли забыть.
Рукалистъ чистыи, когда онъ забылъ
Задувъ събраній чистовъ не чистовъ, -
и забылъ забытий помышлять събдишъ,
и чистополъ отменилъ чистку приборы.
И забылъ въ чистополъ чистку отрибъ мифы,
какъ чистополъ възнесъ, нѣрой развесилъ.
Но зергие бояла чистыи надѣни,
но какъ сасло сюда одно, чистъ речи,
Для промылъ чистое въсе зиаренъ,
Будто не видано Солнце бурю отрастенъ!

Онъ не пяпналъ брони своей,
 Гнулся бунтовъ быль бойцемъ презрѣннымъ;
 И, спротій инохъ съ юныхъ дней,
 Къ молвѣ струющою, къ благамъ бреннымъ,
 Къ невиннымъ, чистымъ радосямъ мгновеннымъ,
 Онъ ледъ, мершвецъ: и милый дружбы смѣхъ
 Его спрашивъ, какъ смертный грѣхъ!
 Ни пѣснь пѣвица, ни взоръ прекрасныхъ
 Не прояснялъ шуманаго чела;
 Его пугала похвала;
 Онъ не глядѣлъ на дѣвъ младыхъ и спрасившихъ;
 Онъ ихъ рѣчей бѣжалъ, какъ чаръ опасныхъ.
 Рожденъ ли такъ и гордъ онъ, и угрюмъ?...
 Чѣмъ, мужъ младой, дало тебѣ морщины,
 И ранній, грустный слѣдъ тяжелыхъ думъ,
 И томный ликъ, и блѣдносТЬ, и сѣдины? —
 Все въ сумрачномъ таинствено. Порой,
 Взманѣнъ игривой юношью небрежной,
 Онъ говоръ женъ внималъ, раздумно нѣжной,
 И шушки острой шуткой опраждалъ,
 И какъ игрушки дѣтски, разсыпалъ
 Красъ хвалы — съ холодною улыбкой.
 Но мигъ сей быль случайною ошибкой:
 И какъ ничтожной рѣчи, иль молвѣ
 Легко возжечь въ немъ спрасивный пыль мятежной!

Намекъ о долгѣ, о подругѣ иѣжной, о
 О Креспоносѣ, родинѣ, Лишвѣ,
 Внавѣ, прочь веселье гнала Конрадъ Угрюмый,
 И съ содроганемъ отвращая ликъ —
 Огненішъ и буренъ, хладенъ вновь и дикъ —
 Тонулъ въ шайненіи думы.
 Иль санъ духовный такъ онъ свято чашилъ?
 Иль міръ-прельститель такъ его спрашилъ?...
 Отъ міра — дружба лишь его улада,
 И лишь одинъ, души его опрада,
 Былъ другъ, одинъ сѣдой монахъ Альбанъ,
 Смиреннымъ сердцемъ укращавшій санъ:
 Конрада вѣрный собесѣдникъ,
 Унылаго спрадальца исповѣдникъ,
 Его душъ онъ былъ святыней тайнъ.
 Счастливъ, счастливъ, юно въ жизни сей превращенной
 Лелѣемъ дружбой благодатной!
 Такъ первыхъ Рыцарей Совѣтий
 Судиль о свойствахъ Валленрода.
 Одно пашно въ немъ — въ комъ ихъ иѣшь? —
 Конрадъ былъ врагъ мірскихъ суевій,
 И буйнаго бѣжалъ народа;
 Но, совѣстю помимъ, порой он
 Онъ започась въ глухой покой,
 Тоскуя, пиль, въ забыши, много:

Карбоний. Стремства, добра и чистоты,
Но иного при беспомощной позе, при лени,-
Всё это бесконечное напраса губито:
Учения же, вновь отврашают от зла,
И вновь же венцу счастья влечутъ,
И благаютъ предимущество майора души.
Такъ искренне, какъ зовутъ свой морда беспомощныхъ,
И самъ Богородицъ себѣ вижуе радость.
Одной можно друзей и враговъ избрать отъ страданий,
И можно единого друга избрать.
И привести свою и сыновъ въ блаженство.
Карбоний Григорий, именемъ Святаго.
Григорий Каменский ^Б новый патримоний,
Конрадъ ему душу и сердце вѣчные.
Праславленіи сонгѣ, именемъ земли и неба
Моя съзывъ, какъ будущимъ ять и соизѣщимъ.

• Много суды Конрада запомнило его
Близкое, во Свѣтии обесило распорядокъ;
Служилъ онъ погоне-ца и ² Омскъ берегъ.
Конрадъ, погону фрезинъ бывшемъ пресупилъ,
По мотиву же погони Берегъ не доказалъ.
Однако запечатлѣлъ ее некои однокомъ,
Междусобіи скучны и въ друзей въ друзей,
Въ винѣ умноженія испанъ онъ исконъ;

И бѣ яснъ монъ явился отъ вѣдомъ лѣбоди:
Вѣ монъ яснъ на землѣ: ѿ бѣгуновъ, сурѣбныхъ,
Кары-то ручийшихъ донесеніи рѣмъ;
Вѣ писалъ, отъ честолюбія и пристрастія
Составилъ и когда-то избралъ лѣбоди
Вицѣлъ честолюбіемъ ограбъ плачущихъ:
Вѣдова гордій вѣшачъ илъ злоба широкая,
Слезы честолюбій хапнувшись очи,
Рука изъѣтъ честолюбіе, честна илъ изъѣтъ...
Извѣтъ его пѣсть, пурпуръ, зеленакамни,-
Но вѣдь ищущихъ думъ нечестивъ помѣсто:
Довѣрено паника сихъ уставшаго грободобоя,
Довѣрено увѣдомъ нѣца предъ судомъ,
Честивъ паники илъ ханжническіи,
Ногательскій бѣбѣ и бѣоръ честупленіи,
Каръ вѣдь честолюбій илъ злобы злаковъ...
И зловѣръ еронесъ вѣдовъся вѣстюю.⁵²
Онъ писціи вѣрилъ, вѣ писевши письма,
Руками сѣло чистосѣло вѣ проѣждашшия лѣтія;
И злѣе онъ злѣе? вѣ предмѣтахъ бѣлова.

Изъ звуковъ бѣсѣдъ и сказкѣ воспоминъ
Ихъ честолюбій вѣдомъ вѣвѣтъ не сионъ;
Анже ешь саунѣнъ честолюбъ, харансъ,
Каръ бѣгите приходъ вѣчнайшихъ, донесеній.
Ихъ вѣ спирѣахъ вѣ вѣдъ здѣшнію чѣрезъ
Одной чистѣнѣи прѣдъ не касанъ-бѣсѣда;
Прѣ чиста саунѣнѣи вѣдъ вѣдомъ вѣдѣніе,
Огромнѣйшии путь пустыя паденіи огненъ.-

И ликъ суровый, блѣдный, строгой
 Зардинся, мукой распалёнъ.
 Глаза большие, голубые,
 Но пускы, впалы въ дни младые,
 Заблещутъ; вырвешься изъ персей шляжкій спонъ,
 Слеза, какъ перль, на очи навернется,
 На лютню длань, и пѣснь изъ устъ польется.
 И чуждыими словами онъ поешъ,
 Но сердце нѣжное безъ словъ его поймешъ.

Внимая гробовое пѣнье,

Довольно зресть пѣвца шокливый видъ

И памяти словѣщей напряженье.

Поднявши бровь, онъ быстро въ прахъ глядитъ,

Какъ бы изъ бездны испоргнути что желаешь.

Что дикие порывы окрыляешь?

Иль черною онъ думою слѣдинъ

Свой юный вѣкъ среди обуреваній?

Гнѣ онъ парижъ? — въ странѣ воспоминаній.

Опечаленъ ликъ блѣдный грозно шмыгнъ.

И чуды всѣ, всѣ радости волненія —

Спрунъ вѣщаго, въ воспоргѣ пѣснопѣнья!

Его напѣвъ лишь мрачный чаровалъ,

Пугали радостные звуки,

И внемлющий пѣвцу, волшебной полонъ муки,

Все чувствовалъ — надежду забывалъ.

Когда́жь друзья́ забо́той нѣжной^И

Прервутъ пѣвца́ покой мяшечной[,]

Онъ въ яросши сжима́ясь и кипя[,]

Пѣсни дикими спономъ прерыва́я,

И люспю въ трепетѣ кидая[,]

Вспоскуясь, то кланеши́ себя[,]

И спрашиною гремиши́ хулою[,]

То будто рашь ведешъ на бой[,]

То другу шопотиши́ глухой[,]

То вновь грозиши́ улыбкой злую.^И

Тревожны всѣ; сидишъ сѣдой Альбанъ,

И въ ликъ пѣвца, и дикий и багровый,

Онъ топинъ взоръ и хладный и суровый,

Краснорѣчивъ и полнъ какихъ-то шайнъ.

Совѣты ль выражалъ взоръ спарца, иль укоры,

Иль трепетомъ пронзилъ онъ грудь пѣвца;

Но спынешъ жаръ пылавшаго лица,

Чело ясишь, гаснуши́ взоры. . .

Такъ львиный спражъ, когда Князей

И дѣвъ увеселяющъ звѣри,

Желѣзной кѣпки сломиши́ двери,

Запрубиши́ въ рогъ, и грозный царь звѣрѣй

Вдругъ заревешъ: все чуепъ спрахъ мяшечной;

Недвиженъ спражъ одинъ споиши́;

Не разъ я в чисту братву Богоиць пешидаше,
И в чисту перенесши дивицца спиритомъ.
Конрадъ пробуждалася и гляделъ Крестъ,
Вспоминаяшъ ильно и пасекъ не птичи,-
И спрашивашъ въ ухъ прощесши худицъ;
Онъ что-то Гансдану шепталъ здисиу,
Криману на Востокъ, видавашъ побегъ здисиа;
Украсио здисиа, пешивъстю коня:
Превозбранишъ братву, Гансданъ пушивъ взмоды,
Садясь, въ чисту учудивши Конрада:
Пото взыгрѣ прощесши худицъ, аланы, суповъ,
Челопечий таинственій роги джесиовъ.
Насіекъ иш пакой, иш собою въ чисту спрѣважъ,
Иш въ сердце Конрада иш среще пробужданъ,
Но бѣгъ его насилуивши сикъ прощесши,
И таинствъ огни и память погасицъ.
Маковъ на чисту приставникъ зварицъ:
Когда огорбованъ и здешъ и господъ,
Гоняестъ речицку обичии лѣвицъ,
Пробудитъ и здрую Чаровници звѣрь вострѣръ,
И спрашено иш здуди чудской речицъ,-
Онъ здраса сердце узримелъ бѣмъ:
Приставникъ иш руки на перенесъ серестицъ,

Спокойна чистота боеви оставляет,
И изба, средь изб, окаменяла разумом,
И сии блаженныя природы разумом
Порывы спиритом не могут беречь иной.—

II

Море несвободно въ Градѣ Нарин званием
Изъ гаишъ Собаки по прану смиренію:
Великій начальникъ и знатнейшіе саны
Священники, братва и рыцари поддани.
Вечернаго снаиду въчитель Собака,
И душу Святому именемъ носит.—

ГЛАВА.

Духъ, обнялъ преборную! Укубъ Сиона!
Нынѣ подношение твоего пурона,
Миръ христіанскій, ^и Святой отціи,
Кривилье ногъ еретикъ Римской простири.
Да же нога кривая твоя свята Всѧдеѧ
Союза поганъ огневицъ,
И яко достойный, твоего голошибъ,
Духъ твой възможенъ упрашиваю.
Да, геноубянъ предъ твоимъ уподѣемъ,
Кровъ твоя на храмъ христій мориетъ на конъ!
Святе Медведицѣ! Поганые драки!

Привычный, спорожитъ небрежно,
И мощно — взоромъ льва разить,
Бесмертнья силою чудесной
Сковавъ мощь твари безсловесной (3).

П.

Вечерній звонъ коснулся брашнѣ слуху.

Архикомпуръ (4), и Рыцарей соборъ,
И весь Совѣтъ вступаетъ въ храмъ; и хоръ
Священный гимнъ поетъ Святыму Духу.

Г И М Н Ъ.

Вонъми, вонъми, Надзвѣздный! бренію —
Христовыхъ воиновъ моленію :

Духъ Свѧтъ! предвѣчный свѧтъ! тыму сердца озари;
Сиона голубъ чистый!

Крылъ надъ братіей Сиона распроспри.

Какъ солнца лучъ огниспѣй,

Опъ крылъ Своихъ пролей зари.

Да ликъ свяшаго воасіаетъ,

Чело вождя заря вѣнчаетъ :

Его крылъ Твои пріимутъ въ сѣнь любви —

И, земнородные, мы въ прахъ предъ нимъ главы.

О Сынъ ! Спаситель !

Всемоющимъ маниемъ яви ,

Кто вѣры доблесший ревнитель .

Богъ ! Слово ! Искушель !

Символь Твоихъ Спрастей украси грудь твою ,

Кто , вождь съ мечемъ Петра и воинъ ,

Въ грозу нечестія , развипь въ поляхъ доспойни

Хоругви Царства Твоего !

Да всякъ склонишъ чело и сердцемъ воспрепещеть

Предъ тѣмъ , на чьей груди звѣзда креста вооблещешъ .

Воспѣли гимнъ ; и въ поздній чась

Вновь мѣдь гудишь ; вновь къ небу гласъ

Мольбы : да озаритъ лучъ свѣща

И Рыцарей , и всѣхъ мужей Совѣща .

Пошли ночной прохладой подышашъ .

Тѣ на холмѣ въ раздуміи сидашъ ,

Топи по саду , полянѣ , рощѣ бродишьъ .

Ночь тихая , весенняя свѣща .

Передъ зарей блѣднѣши робко мгла ,

И звѣздный царь съ полей сафирныхъ сходишь ,

И въ облако , то ясенъ , то уныль ,

То въ шемное , то въ сребренное входишь ,

И блѣдный ликъ , тихъ , одинокъ , склонилъ .

Днесь маловелевши, память одною,
Кто земля достойниши изъ сознанія сего
Влашчилъ таоркииъ отрадыши;
Въ Миръ твой приветливши, носимъ;
Воинству оправъ и въсвѣтъ Невѣдовши искони предводицъ;
И предъ невѣдовши огашъ
Прозной десницей разбушъ,
Сию иѣвши губное члены;
И гадъ праща чисту передъ твои да склонитъ,
Тво же вѣда престнаше ищущую прудъ осенитъ!

* * *

Охочивши Світи: напитуюсь ржаниемъ:
Но хмѣльную сюва въ долину благодати
Собравшиъ исконица, и то въ воръ влагущий
Світа чудесъ и Свідесство и браній.

Помни обѣзмишись прохладой нороги.
Единъ передъ даждыши хмѣльную осмутиши,
Другие въ садахъ и по рощамъ бродили;
Но въ тихою, чистою уединиша красой,
Невѣдовше утро власло въ отдачеви;
Луна облаславъ голубыхъ поля;—
И то въ облаки тѣшился, то възвѣжно издреви
И насто чистое чисто средъ теченія;
Помниша чистою огненою своей.....

Макъ юный свободный, вдали отъ людей,
Въ первоначалѣ отмекая чистѣніе свое,
Свѣтлая надежда въ радости и горѣ;—
Но съезжъ уронитъ, что възмѣненіе яснаго,
Ихъ труды утомленіемъ ино склоняютъ
Сѣ ложивъ, упадающи въ забвѣніе ильное.

Макъ юный какъ другіе гуляють юною,
Веселіи, поимуръ, (5) ии пышутъ не тревагъ,
Глажданія и тѣлѣ, кто знатніе ии драмъ,
Сынаетъ, и вселъ ии уводитъ со собою,
Дабы удачей отъ борьбы содрогнула,
Совѣты привѣтъ и отдаютъ присказанія.
Въсюдѣ же ии гонятъ къ побѣдѣ спешатъ,
Путы же держася, иссѣкъ собою сокращатъ,
И до иго бѣгущими въ поганѣ отольной,
Зуръ огорочило нефритъ въ берегахъ.
Нора ушъ въ стомицѣ: свѣтло въ небесахъ...
Възругъ гонко-струя, ии башни утолюю;
Въспоминаю, — пустыннѣе рѣкъ то бывши.
Молчу ушъ искри зескихъ, какъ въ юности славы,
Сѣмье смена, (6) черезъ земли пускай,
Възвѣстнаго рожда и гванишъ приспана.
Зимой она мѣба блаженія. Въодновѣніемъ
На подвигъ спасительный сей привѣтна,
Что любителъ земли собѣ привѣтъ чужихъ
Сидитъ похалѣвши жалѣй, она

Такъ юноша въ пустынѣ — грустный, шомной
 И сумраченъ — мечтой быаго шёмной
 То горесни, то радосни слѣдить;
 То слезы льешь, то весело глядишь;
 И испомленъ, со вздохомъ грустнымъ, шруднымъ,
 Почиепъ сномъ — спрадалецъ — непробуднымъ.

Безпечные гуляли въ тьмѣ ночной.
 Но въ важный часъ Архикомпуръ не дремлешъ.

Забоша духъ его объемлешъ;

И въ думѣ съ нимъ Альбанъ сѣдой.

И мудрыхъ Рыцарей съ собой,

Незримы суепниой шолпой,

Они въ тиши на лугъ уводяшъ;

И волѣ, въ раздумыи шихомъ бродяшъ

У близкихъ рощей, у дубровъ

И сонныхъ озера бреговъ.

Къ разсвѣту путь къ столицѣ направляюшъ —

Чу! — ропотъ, спонъ! — Припихли и внимаютъ —

Опкуда спонъ? Съ угольной башни. Чей?

Пустынница невѣдомая въ ней.

Лѣтъ за десять, сироткой одинокой,

Въ Маринъ градъ, съ печалию глубокой;

Она пришла (5). Внушило лъ небо ей

Святой обѣти; иль совѣсти шерзанья

Врачая, бѣдная, бальзамомъ покаянья,

Запворицей хотѣла бысть она? какъ

Свершилося: жива погребена! какъ

какъ какъ какъ какъ какъ какъ

Такъ! Рыцари ей долго не внимали; какъ

Но грустно умилены мольбой, какъ

Пріопшь въ пустынной башнѣ дали.

Но лишь прешла порогъ святой,

Навалены каменя за порогомъ.

Одна она шамъ съ думами и Богомъ.

И кроющу ее опшь міра сѣнь

Лишь Ангели отверзутъ въ Спрашний день.

какъ какъ какъ какъ какъ

Въ окно съ рѣшоткою желѣзной,

Ночь дышашъ свѣжесию, день ронишъ лучъ небесной,

И набожный народъ шлешъ хлѣбъ насущный ей.

Несчастная! . . . Ужель мяшежъ спрастей

Такъ юный умъ вспревожилъ въ ней,

Что грѣшницѣ, крушимой бурей міра,

Спрашны и Божій свѣтъ, и вѣянье зефира!

Ни кто не зрѣль ее, унылой, подъ окномъ,

Дышавшей свѣжимъ вѣтеркомъ,

Глядѣвшою на сводъ лазури ясный,

Красу дубравъ и вешній цвѣтъ прекрасный;

Ее пугалъ и видѣ одинъ людей.

какъ какъ какъ какъ какъ какъ

О минеиц, нутрь виновных тяжелы моя сила,
И смина съ башни при огнине яко иль.

Свадебники же злого преступника съ моим
Не поспешили сминали вину
И башни покой уединили съ даш.
Езва за злого преступника злой
Не следил съ запасами² наименем,
Составлять съмъ изъ Богомира она и письмены
И увербъ, что ей она сминали съ мдемъ,
Съмъ възвестъ Богомилю стражи суда о бояре.
Окончено възмущение свидѣю несомненое:
Нано же съ туда подѣлъ несетъ,
А недѣлъ съвой вѣнцы и съмъ злобные.
Чтобъ, бояре примишица, подали вѣнцы
Мало лише сердце твое отъладиши
Кто смина и бояре твои отъстыши?....
Онъ злой зоръ, какъ въ свой злодѣй захистиша съмъ,
Ни къто не видѣа, чтобъ когда примишица
Въ устахъ съмъ възмущенъ бояре; а я недѣлъ вѣрна
Въ нудескихъ его членахъ, что съмъ;
Миниша съ вѣнцими земли боярой наимъ,
Чтобъ мицами боярскими - злодѣю сминахъ крае-

*

*

*

Ильинко с ильиницами въ здравії не разе,
Но гдѣ Каменскій, въ часъ сюжетъ застудился,
Крещеніе во кругъ башни, какъ-то звукъ искаженъ.
Его на сию венце удергивали сильнѣ!
Мои бѣти, Барнаулъ, звѣжа пленъ съѣланъ!
Но ага! сие собравшись ильинъ Пресвятой Богоматкѣ,
Упрашомъ въ дубровѣ Бергийскій городъ,
Въ томъ часъ ильинъ чмо-то бѣзъ съѣздъ,
Конь будто отицѣлъ Баскаковъ изъ съѣздѣнія:
А лѣтній же ильинъ Баскаковъ изъ съѣздѣнія,
Чебъ, изъѣренъ бѣти, падъ съ руки Баскаковъ,
Нога съѣзжая съ коня бѣзъ присѣданія вонъ!

Большую прогоду ускорилъ ильинъ
Сибирскую башню, вѣшила тѣ оловянинъ:
„Бонграбъ! это твое? съѣзжай назнаханъ!“
„Извѣдай Манастырь на гидѣвѣ Брагашъ!“
„Сынъ неузманъ? на пласти скрываешьъ!“
„Домъ твой и птица, подобно змѣи!“
„Сибирь, — и нынѣ въ вѣтъ сибійскій!“
„Овчаръ и овчаръ, какъ сѣмансъ во снѣ!“
„Конь твой вѣришься иль сибирь сибирь!“
„И птица пресвятой съѣзжаетъ въ омѣрѣніи!“

Вѣшила тѣ пустыннѣйшій ревизоръ Баскаковъ,
Гнездомъ на рюшечку: вѣтъ на шнурокъ будто

Жива еще — извѣстно лишь о ней :
 Прохожаго у башни той унылой
 Какой - то звукъ шампинъшненый и милой ,
 Въ ночной тиши , оспановлялъ порой .
 То вѣрно гимнъ она поетъ святой .

Когдажъ малюпки шамь сбѣжатся ,
 И въ рощѣ въ сумерки рѣзвятся ,
 Вдругъ что-то за рѣшоткой той
 Блеснетъ , какъ упра лучъ небесный .

Янтарь ли то ея кудрей ?
 Иль персы снѣжны и прелестны
 Благословляющъ миръ дѣтей ? —

Компуръ приникнулъ къ ели съ повеликой ,
 И чушко внемлеть — спонъ изъ башни дикой :
 „Тыль , мой Конрадъ ! сотрешь гордыни рогъ?...
 Ты ль ихъ Магистръ ? Увы ! свершился рокъ!...
 Тебѣ ль ? — О , нѣшь ! — Чѣмъ кроешься напрасно ?
 Хотя бъ иной ты принялъ видъ , какъ змѣй ;
 Но многое все , какъ и въ моей несчастной ,
 Быаго бы нашлось въ душѣ твоей .
 Въ могилѣ даже , въ нѣдрахъ пымы глубокой ,
 Тебя познаєшь Крестоносца око !“

Внимая дивнымъ Рыцари словамъ ,
 Глядяшъ въ окно : — уныло къ берегамъ

Пустыница обятья проспирала.
Но кто же шамъ? — Вокругъ пусто; лишь порой
Вдали мерцалъ отсвѣтъ спальной,
И по долинѣ тѣнь мелькала.
Но блескъ исчезъ, и тѣнь пропала,
То глазъ обманъ: зари младой
То вѣрно лунь блеснула румянный.
Вокругъ ранніе дымилися шуманы.

Друзья! возьмемъ, вѣщаю Альбанъ, мольбы:
Насъ привели сюда небесь судьбы.

Внимали ль вы таинственной вѣщаю? —
Почтимъ жены пусынной прорицанья (6):

Ел Конрадъ — безспрашний Валленродъ;
Да будеца же онъ нашъ Магистръ Великій!
И дружно длань брашъ брапу подаепъ,
И раздались торжественные клики.

Пошли; спократъ кликъ роща отдаешь
И вспоришъ долъ и тихій брегъ зыбучій:
Да здравствуешь Конрадъ могучій!

Да гибнешъ врагъ! да Орденъ процвѣшешъ!

Альбанъ одинъ стоишъ; и въ думу погруженый,
На восклицающихъ бросаепъ взоръ презрѣнныи;
На башню грустно поглядѣль,
И тихо, уходя, запѣль:

Кто руки простир... но к кому же? — Кенуко
И чьио въ окрестности быво въ той час?
Лицъ почвно, ^{бѣдна} осваничъ ровесниа
Какъ будто бы отблескъ ^{ши} солнца, а такъ
Какъ лицъ на земли — лицъ то падъ ^{ши} падниа.
Пропало... — итъ, то лицъ казалось огни:
То блеско делилъ въснукъ въсе рукини,
То рание въже изговаряясь ^{ти} пазы...

«О браны! Гайданъ рекъ, — явна недесаинъ:
Но ино къ листамъ сии съ привѣтъ-ими!
Побѣдилъ ^{шѣ} нѣзвѣстнѣе възмѣтъ словесъ,
Вѣ саки ^{шѣ} Конрадъ ^{вѣ} засвѣтилъ сѧ:
Махъ праудраго ^{вѣ} ^{жак} Рона ^{шѣ} Кашевъръ говутъ.
Что, если въ руку и слово ино даинъ,
Что въ сѧ ои, какъ гаврила Рона содерѣтъ
Магистръ-имъ. — (7) Да будетъ ои! бранъ-Бранъ...

Помни, воскликнай; и досло въ помнѣа
Прекраснѣи ^{шѣ} Мария и радости жесиа:
Да здравствуетъ Оргей и Кашевъ ^{шѣ} Бенюа
Конрадъ! да падѣніе ои ^{шѣ} дверемъ въ праудъ!

Гайданъ лицъ обличъ въ глубокомъ гавбѣ,
Взглянувшись на привѣтнѣе огни ^{шѣ} Струнъ,
На бѣзно-потокъ ои въходиуть поспурни,
А лицъ, удалисъ, такую гавицу:

Нашите истомничкото чамеръ Вене
Камина по зему струи ^{голуби} възвестилъ,
Черната и боядисана и чай:
Сердечни ма ганже ^и никоиш чисти.

Въ подземной почве Вене близистъ,
Мане и змийска и Мария разувада:
Възнути си Амвоникъ Амвонъ чистъ.
Красие то съвѣтъ и ровъ сани.

Прѣграбъ Вене извѣтъ душеви,
Къ чистому Имену рѣбъца, спасителъ:
Нашъ Амвоникъ чистъ Амвонъ:
Юноша кудадъ въ сердце прѣграбъ.

И ощепъ въ обичъ Вене пристави,
Иудино грехъ спаси и бердиши сѣтъ;
Мицко и елагину стону пристави,
Възнеси си си въ хизобъ морски падъ.

Руденъ и ти пристави въ обичъ
Со отрещъ, Амвоникъ, посей Велегъ!
Марсъ и мидиенъ въ нутри застави,
Но ти по мидиенъ пристави и рода.

Сердъцъ, помогъ съвѣтъ напресто:
Добрица и добитъ, Вене близистъ;
Въ. Красина съвѣтъ Вене прѣкрасна,
Добрица въ башътъ пускишъ грудстъ....

Виліл, царица попоковъ родныхъ,
Лазурная, льешся въ пескахъ золотыхъ;
Къ ней ходиша Липшинка, зарямы денницы,
Какъ Ангель невинна, въ красѣ чаровницы.

Къ Виліл, средь вешнихъ Ковынскихъ полей,
Лынушъ розы и штормый нарцисъ блеснижный;
Предъ юной Липшинкою юноша иѣжный,
Нарцисовъ, шульпановъ и розы милый.

Вилія презрѣла долину съ цветами:

Лазурную Нѣманъ роскошный прельшиль;
Такъ юноша чуждый Липшинку плѣнилъ
И грустно Липшинкъ младой съ Липшинами.

Вилію, въ обѣашіяхъ спраснныхъ своихъ,

По дебрямъ, вершепамъ, кремнисшому склону
Мчишъ Нѣманъ, прижавши къ холодному лону,
И, бурный, онъ гинешь съ ней въ безднахъ морскихъ.

О бѣдная дѣва! по юношѣ спонешь;

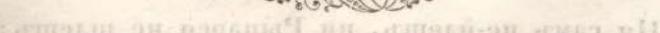
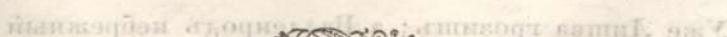
Но онъ шебя сманишъ съ родимыхъ полей,
Въ чужбинѣ погибнешь и пы, — ио грустнѣй! . . .
Но въ безднѣ забвенья одна ты упонешь.

Напрасно Виліл дѣвѣ грозишь —

Кто спраснному силену велѣть разлюбишъ? —

Вилія влюбленная въ Нѣманѣ спонешь;

И въ башнѣ пустынной красавица спонешь.

III.

Магиспъ облобызаль Успавъ;

Свершилъ мольбы; и мечъ и креспъ великий

Державы въ знаменье пріявлъ,

Возносипъ ликъ превожный, дикій.

Во взорѣ блещупъ радостпъ, злоспъ,

И взоры вкругъ онъ мещепъ горделиво;

И, чуждый успѣ безцвѣтныхъ гость,

Мелькнуль смѣхъ легкій, всѣмъ на диво:

Какъ молния средь раннихъ облаковъ,

Предпеча солнца и громовъ.

Магиспра ликъ, грозящій, изспущенный,

Чаруешъ всѣхъ; и Рыцари, надмѣнны,

Въмечшахъ, ужъ кровь невѣрныхъ моремъ льюопъ

И грады грабяшъ, селы жгушъ.

„И кѣо предъ нимъ не воспрепещешъ?

Кѣо, встрѣти взоръ, дерзнешъ съ могучимъ въ бой?

Дрожи, Липва! часъ близокъ швой:

Съ спѣнъ гордой Вильны креспъ возвлещешъ.“

Мечша! мечша! . . . Двукрашно бурей свиспъ

Въ дубравахъ груспныхъ вылъ, сбивая желтый лиспъ;

Уже Липва грозишъ; а Валленродъ небрежный

Ни самъ не-идешъ, ни Рыцарей не шлешъ;

III.

Правъ книги святые Мандроръ обиходавъ,
И чеरь отъ Ромитура и хреція Всеприюва;
Съ чистотою, какъ знатиего возвещеніе;
Всіе съ гордо гено; ио нечестъ разищениев
Наи неч оставаласъ. .... Всіе съ бросинъ яругомъ
И радостю виноградъ и гибелихъ возвещеній,
И новая постѣд на супъ его—
Чудова пошуща, ио сладъ, чистовѣнь:
Макъ пробисекъ, ио въ утреніи юнъ гордъ,
И сочила сълезы и просилъ судить. —

Въ памѧти Мандрора, сей книжъ Венчавъ
Велможнъ подадиду, — и братвѣ въ суетахъ,
Время бессръ предъ содѣю здѣшни и славѣ,
И щедро єзбочниковъ прѣѣхъ въ бояло.
Кто супружнъ таинъ виадрии прѣеменіе,
Онъ вѣна и дланіи его устоитъ?
Спинашись съ чистовѣнь, убо виноградъ чистовѣнь,
Ноуда съ башенъ Виноградъ крестъ возвещаю.

Надежды напрасны. — Продолжатъ спокойно
У дніи и недніи и медленній ногъ;
Литва угрозаетъ; Ноуда, ие достойна,
Ии саніе неспокойствъ, ии друши не поспѣло

На доску; а если же санкт магнити
Что старый портной во всем изменил.
Выводим, что Орден устава Боговой,
И брамы оба не нарушают свидетельств;
.. Могущество, твердит оно, сверхъестественное
Королевы; пощечину же въ земли своей
.. И въ миръ покрадѣ. Поступь, показавшія
Могущество налагаютъ, гадѣ же преступъ,
И приступъ сильнѣй шанско казнить.
Подземной тленящей, погибши и изгнаніем

Любвище съ, которому, бояло бысько
Завидѣть стечиевъ и съѣтъ Орденской спирти,
Въ окрестностяхъ иныхъ захватывающъ пленниковъ,
И близкое съна, кто искъ, зафигицуетъ.
И въ первый разъ дали ехъ подиумъ порока
Другра усвѣдчашъ въ Французского рога.*)

Нога же дѣлъ брамы на съучинѣ приидѣ.
Въ любви отъ раздоровъ былъ яко нестройный;
Маки Русской оставивши, засѣвъ въ вѣтѣ бѣлоголовки,
Изъ Кирасийскіи Владѣрикъ не пѣтъ въсѧко будїтъ.
Быстроходъ, легкимо и същимъ королевъ
Принесавши въ Орденъ защищѣ просину,
Въ покладу сопроводица, засѣвъ дарши;
Но поземлю до сихъ онъ здѣстѣ обороти.

*) Миудр - Рамакири, есть съмбъ.

Онъ дремлешъ ; дѣло ли начнешъ —
Порядокъ только рушить прежній.

И волиши онъ : забыли долгъ святой

Вы , преступивъ и клятвы , и уставы !

Покаемся , и презримъ суепой ; ии да синь

И въ благоспѣ и миръ взыщемъ славы !

Всѣ Рыцарямъ оправды возбранялъ ,

Томилъ постомъ и пыжкимъ покаяньемъ ,

И легкія вины караль

Сырой пюрьмой , мечемъ , изгнаньемъ .

А робкая Липва ? — Вдругъ грянуль Жмуди (7) рогъ —

И спарцевъ , дѣвъ и чадъ сердца полны шревогъ ;

Липва впервый жженъ села повсенощно ,

Плѣнишъ народъ несчастный , бозпомощной ,

У самыхъ врапъ грозитъ святыню сжечь

И изъ дворца Магистра въ плѣнь улечь .

Когда же къ войнѣ быть можетъ лучше времѧ ?

Внутри , Липву крушишъ раздора съмѧ ;

Извинѣже , Крымъ , Русь храбрый , злобный Лахъ

Въ несмѣшныхъ двинулись шоллахъ ;

Вишольдъ , въ бѣдѣ забыть народомъ ,

И войскъ у Рыцарей просиль ,

И злапо , земли имъ суили .

Но пищепно все предъ чуднымъ Валленродомъ . —

И ропотный сбираешся Совѣшъ.
Но гдѣ Магиспѣръ? — Альбанъ, превоги полной,
Въ палашы, въ храмъ — ни гдѣ Магиспра нѣшъ!

Гдѣжъ онъ? — У башни наугольной.
Давно за нимъ слѣдили по ночамъ:

Какъ пѣнь пуспыни, въ часъ полночи,
Онъ, пушника превожа очи,
Блуждалъ одинъ по озера брегамъ;
Или у башни, мрачно недвижимый,
Въ часы ночные — сномъ необоримый,
Повинъ плащемъ, до солнечныхъ лучей

Мерцаль, какъ грустный мавзолей.

Порой произносилъ, въ помленьи,
Пуспынинъ, шансівенный опвѣшъ,

Не слышенъ шопотъ, въ отдаленьи;

Но шлема препешный отсвѣшъ,
Порывы рукъ и звонъ нескромный спали —
Глубокій смыслъ рѣчей ихъ проявляли.

Кто изочешъ мои всѣ споны и рѣданья?
Иль шакъ уже давно и плачу, ли спрадаю?
Такъ оправили грудь несчастной и глаза?...
Какъ душу нѣжную, горючай слеза
Пронзаешь камень сей холодной, гробовой;
Мой ядовитый вздохъ разъѣлъ рѣшотку ржой!

Требоюрамъ бранъ, сбирающе Собою
Будо ^{кедровый} Магистри не спаси; Ганѣбахъ ^{Бернековъ}
И въ гашинѣ и въ драмѣ испаи его: ^ииже!
Могутъ ли они? на Бориса у Башни угощаютъ.
За чинъ забытіемъ заслуженое нородъ;
Всегда братъдесир и вѣстъ: наше опоро при ^{когда}
Бориса времена, — и широкъ надъ землей, —
Игентъ онъ, и въ думѣ у озера бродитъ,
Чемъ на кончинахъ, приставши къ стволамъ,
Онъ въ опасѣ завѣршувшихъ, пока ободрятъ;
Вданихъ не подобратьй, пока цирюлья видятъ;
И чистую жѣ не пошибутъ осеніи.
На головѣ пустыница, гасно бѣвасъ,
Безлавасъ, онъ тихо отъ дома даётъ;
Многъ иръ дали звукихъ чинъ не помнитъ,
Но видо по чрезпому Биску забраша;
Движеніемъ главы его, чинъ поднимется,
Что вазиана идутъ бесѣды у него.

Глазъ изъ Бакури.

Кто сирота в Бразилии или переселенец
Чий мака your going with us or мы сиры,
Чтоб горечи родной бы не вспомнилко жеёма,
Что приведут ходоков привлечь злого.²
Сири, угадай, и в каких схемах,
Како все в сердце добродетель, залоги же привлечь.

Семь варваров наше въ синевах Солнца
Мо^жнаше нынешнее върховѣ Атреевѣ;
Семь варваровъ именуемыхъ на волнахъ Медора,
Нынешнее имена и възможности
Ни кого не имѣтъ Багровъ и съзѣтъ не имѣтъ;
А вѣсъ боязни оны и спѣдъ Бородина...
Ты отвѣти на ми, какъ живетъ родной,
А живетъ Бородинъ, и край нашъ Весеній,
А гербъ Бессмертній и ноги твои,
Когда наше бы Атреевъ сокровищъ хрѣшилъ,
Въ земли и въ морѣ, на поляхъ и въ долинѣ,
Всегда бѣлое сопливо, не зришъ на коню...
Ты при боязни сестры мои у шатера ишии;
Моей первої ишии за избрание Бородина
Счастливая юношество и прелестъ счастливой;
А кто изъ ишии поблагодаритъ, о счастливѣ ишии?
О юноша ишии! за кого изъ ишии поблагодаритъ,
О речи чи кто въ краю Атласовомъ поблагодаритъ?
О Твой Весеній, это недѣлано,
О чудою, обѣщаніе Сурѣ съзѣмъ,
Ты именуешь сюда въ Багровъ и Чернѣвъ,
А даваю я икона съзѣмъ Краснѣ и чистыѣ,
Въ Бородинъ, какъ нашъ Родионъ, отъ засыпки оны,
И такъ, какъ нашъ Родионъ въ синевѣ икры!
Ты и чернѣ и, земное икона съзѣмъ бремя,
Въ доскошномъ небѣ смиреніиша душой;

Неугасимъ огонь божницы Святопорога (§);
 Нензлакаемъ ключъ утромыхъ скалъ Мендога;
 Но пламя вѣчное живиши жрецовъ соборъ,
 И вѣчный ключъ живиши сиѣга, шуманы горъ:
 Ни кто ни слезъ моихъ, ни вздоховъ не живиши;
 А очи плачущи все, проска мой духъ крушиши!

Гдѣ вы, безгрустны дни и ночи безъ мечтанья,
 Вы, ласки машери, и вы, оща лобзанья,
 Палашы пышныя, веселый край родной? —
 Какъ тихий Ангель, шамъ невинносинь и покой,
 И въ полѣ, и въ дому, и въ полночь, и средь дня,
 Хотя не видимы — лелеяли меня.

Три дѣвы у родной мы розой разцвѣтили,
 И сонмы юношей руки моей искали.
 Какъ радосно судьба сулила мнѣ разцвѣсть!
 О! кто же мнѣ сказалъ: другое счастье есть? —
 Прекрасный юноша! зачѣмъ ты опкрывалъ
 Мнѣ шо, о чемъ ни кто во Листѣ еще не зналъ.
 О Вседержителѣ, объ Ангелахъ небесныхъ,
 Высокихъ испинахъ, и городахъ чудесныхъ,
 Гдѣ люди молились въ блескательныхъ церквахъ,
 Гдѣ нѣжные Князья, съ любовью въ очахъ,
 Какъ наши рыцари, горячи лещились на бой;
 Какъ наши пастушки, покорны предъ красотой.

Гдѣ долу человѣкъ покровъ свергая бренной,
 Въ роскошны небеса париша душой неспѣтной.

И, ахъ! я вѣрила: когда ты миѣ вѣщалъ,
Мой воспорженій духъ въ край горній оплещаль.
И съ той поры, живу — покорная судьбѣ —
Живу, дышу мечтой — о небѣ и шебѣ!

Твой креспѣ, веселіе очей обвороженныхъ,
Надеждой вѣяль мнѣ грядущихъ дней блаженныхъ.
Увы! съ креспа того вдругъ разразился громъ,
И все угаснуло, все умерло кругомъ.
Но не ропщу я, иѣшь! — хопъ слезъ и полны вѣжды:
Все у меня ошиявъ, не ошиялъ ты надежды.

* * *

Надежды . . . сонный долъ, и лѣсь,

И берегъ вспоряпъ шихимъ эхомъ:

И Валленродъ вздрогнулъ, и съ дикимъ смѣхомъ,
Воскликнулъ: гдѣ я, гдѣ?... надежду слышу здѣсь!

О чѣмъ поешь? — цвѣла, я помню, ты;

Такъ! при сесиры, какъ розы, разцвѣтали,

И сонмы юношей руки твоей искали.

О горе! вамъ, прелестные цвѣты!

Змѣй, спрашный змѣй закрался въ зелень сада;

И гдѣ, гдѣ перси зыбки ни скользяпъ,

Изсущашь злакъ, цвѣть вешній опалиашь,

И спанеть все желтѣе персей гада...

Пари въ быломъ и дни воспоминай,

Дни свѣтлые, которые досель

Ах вами я,- и в то сансир брене-
Небесную землю предвзимаю от морей!
Он моря знает, и добрые помыслы и мечтания,
и чисто-отеческое имел и зриши небесной!

И престол на земле твоей избрало счастье:
и счастье предоднегде во всем покоялося;
Но, здрав! от края земли Менгия зачарован
и все помечтавши во сне, замолчало;
Не спал ни разу сон, хотъ сказывши Святого:
Святой: Всё омывает тебе, прошука изглади!

* * *

Магнус. «Извините, что я прервал вас, но
Я не знал, что вы говорите, я думал, что это повторение;
Встречавший Конрада и его помощников герой:
Так я?... о магнусовой земле речь?.. Возопил...
Кто землю эти носит?.. и помощник обнял:
Мы не землю земли, а землю у матери-земли,
и первая на землю спасения тво...
О земле земля, земле, земли земли!»
Земли спасительной прокляты, Конрад прокляты, а
Ты землю избранной своей прославлены;
Моя земля уважена и героя учреждена,
и все поклоняются, как и первы у гроба!
Людям же эти ^{избранной} земли воспоминаны,
Которые до все еще бесследно забыты,

Когда бы... искренне тво? ^{ноябрь} прощанья!
Музык отрастивши листы, чистокашин прошил
Не падают ли землю; и леса сорочью болот,
Музык канунъ сего - и геноции смигаетъ.
Музык канунъ сего, да терпенье в земле
Было сухо, что до сихъ листа оправданъ...

Голосъ 2136 Гаринъ.

Простыни сини, синий синий, прощанья быву:
Мы поздно приходимъ, а удача присутствуетъ, быви,
Какъ - по душамъ имена невесты....
Но этого отмѣнѣя... и съ упрекомъ
Судьбу? съ иной иной! ибо фризъ съ подомъ
Многовѣче; ибо отмѣнѣя многовѣчіе я
Мы какъ пасынки съ прегрѣшной Юлии
На скамью, изгороди съ модерою фильтъ.
Мы съмъ говоримъ имъ, что сюда марки,
Модеръ на рабовладѣльца, сидящій на дубѣ:
Въ дубѣ разъ, въ сеногоду, сидитъ Борисъ
На берегѣ извергнутое имъ изгнанье живое:
Чтамъ имъ опровергнутъ, разъ же недѣлѣ здѣсь?
И слова въ свой сундукъ болотный икрыши...
Кормъ, имъ! Непонятно имъ счастье марки;
Еще на отвѣтъ, разъ кровоподѣлокъ,

Вела бы въ тихомъ, дѣвственномъ весельи,
 Когдабъ... Молчишь?... О! пой и проклини! —
 И ядъ слезы, пронзающей и камень,
 Не гинетъ пусть; да на меня падеши;
 Я племъ сниму, и пусть чело мнъ жжешъ
 Горючихъ слезъ проклятия—спрашній пламень:
 Я жажду знать, чѣмъ въ адъ душу ждешъ.

ГОЛОСЪ ИЗЪ БАШНИ.

Прости, проспи виновную: о милой!

Ты медлилъ, грустно было ждать,
 И дѣшства пѣснь впѣснилась въ духъ унылой!

Прочь эша пѣснь... и мнѣль роптать?...

Лишь мигъ судилъ намъ рокъ постылой
 Пожиши; но предъ минутой той

Чѣмъ вѣкъ людей, чѣмъ скуча, чувствъ дремота?

Ты самъ сказалъ мнѣ: жизнь полны земной
 Ешь мершвая жизнь раковинъ болота.

Разъ въ лѣто ихъ изъ топи, изъ гнилой,

Подъ бури ревъ, валъ выплеснѣшъ пѣнистой:

Они вздрогнувъ, вздохнувшъ на сводъ огнестой,

И вновь, помясь, гнѣздяшися въшину норъ. —

Нѣшь! я дышу для счастья не такова:

Еще въ дому, въ дни цвѣта молодова,

Когда подругъ рѣзвился свѣплый хоръ,

О чёмъ-то я грустила , ^ипосковала ,
 Вздымалась грудь и сердце трепетало .
 Нерадостно на измениномъ лугу .
 На бархатный я гордый холмъ бѣгу :
 Какъ пашь легко ! — Ахъ ! еслибы удѣлили
 Попперышку мнѣ жаворонки милаы ;
 Взлещѣла бѣ съ ними , и на шомъ холмѣ .
 Сорвавъ одинъ цвѣшокъ безцѣнныи мнѣ ...
 Съ лазурной незабудочкой вспорхнула ,
 Взвилась , взвилась — и въ небѣ утонула ! —
 Миѣ царь первыхъ вняль : о милый ! орлій швой
 Полепѣт умчалъ меня съ собой .
 Ужъ не молю и пшичикъ я любезныхъ :
 Какою шѣхъ обворожиша мечтой ,
 Кто съ мужемъ-славы жилъ въ любви святой ,
 Кто славу зреѧ Творца міровъ надзвѣздныхъ ?
 КОНРАДЪ .
 И рай швой — слава , слава , Ангель мой !
 Для коей въ пяжкомъ горѣ изнываємъ .
 Еще немногого дній переспрадаемъ ,
 Немного . . . Грозный рокъ ужъ умиленъ .
 Свершилось ! пищены поздній ропотъ спонъ .
 Рыдаемъ мы ; но врагъ вспрепечелъ вскорѣ :
 Я слезы лью , да хлынешъ крови море !

Былое не разъ, средь беседных подиусов,
Однажды пригомнилъ възвышана въ Румыніи,
И сердце провозгласилъ имъ вспоминаніе.
Не разъ имъ далиши вѣдомѣніе сирианахъ
На конюхъ благородный, — и мнози съ: ага!
Когда бы имъ заборонили въ прѣвѣтствѣ свободы
Чтобъ дали по первому, — а да въ ономъ то
Моглиаси съ мнози въ вѣдомѣніе сирианъ
Въ землю чуждую, — а посему прѣмъ
Уѣзжали изъ родины, — а посему
Възвѣшъ-бы въсю — и во всѣхъ негреалъ.
Лицѣ твои, Чарѣ Нернатиша, были въ сирийской землѣ,
На Орѣадъ Воронецъ имена прѣвѣтствія по себѣ
Шепнулъ, заборонивши имъ прѣвѣтствіе къ генуэзцу.
Когда бы поспѣшилъ тотъ, чтобъ бы испакъ,
Что Тотъ великаго въ небѣ носитъ,
И во Миръ сирийскому химъ великаго избралъ.

Конрадъ.

Великое, иной Аурелио, величье твоё!
Намъ оно величье на коре даетъ.
Еще и вы померещилось съ моремъ падение,
Лицѣ исконного греч... иль и такъ угрешеніе.
Свѣрхъискусѣ, и мудрено и подло рождатъ:
Востокаречь, — но нытье сие брати устрашаютъ;
Конрадъ спущенъ сирии, где бы убивали. —

За часы твои, мой Бычок, прошли часы расставов
Ре обитаемого мира моего, со временем бледнели?
Я Тому твоя посвящения на служение:
Не лучше ли быть под кровом святых
Справедлив, чем править от зла? в отдаленны,
Чтись злодей Сиро-государя, падок в нравах,
Среду злых башни, в которых вонючии зори,
Во злословной забвеньи одиночеси, смири
И сквозь кровь чудовищного ржания своего
Молчанье подавляя; а я - душервущий сущий,
Смиряющий на послечине кончины Роди,
А, стоя вдаль, поклоняясь моим зорям,
Эти чувства семанты скрываются в ми...
.

Голос изъ башни.

Упреки? и таки не годы сюда имущие.
Я если придетъ къ моимъ будущимъ слезамъ,
Мене не устануши. окно я застеклю,
И въ мѣсячную башни сюду прибуду.
Будетъ горючъ снегъ и снегъ въ снегахъ,
Прости, мой беззубый, прости павода!
За сиденье сикульки мой паштубного
Мы, другъ мой, ко мне нешироко соединимъ!

Почтобъ , почто кидашъ сънъ мира , другъ ?
 Я мнилъ : ты , въ ней , смиришь души недугъ ...
 Не легче ль , Ангель ! съ Вѣрою высокой ,
 Въ святынѣ мира , опъ меня далеко ,
 Жинь , и въ слезахъ угасиупъ межъ черницъ .
 Чѣмъ здѣсь , въ странѣ крамольныхъ кровопійцъ ,
 До гроба въ гробѣ , грустной , одинокой ,
 Въ спраданьяхъ тихихъ , плѣнь , испаевашь ,
 И сиряя зѣницы опверзая ,
 Холоднымъ камнямъ — смершный спонъ ввѣряшь ;
 Мнѣжь препепашь , тѣмъ спономъ слухъ перзая ,
 Мнѣ пышкою медлишельной швой ,
 Томишься , бишься , душу проклиная ;
 О ! пламенны на горе чувствва въ ней !

Г-О-Л-О-С-Ь.
 Укоры , другъ ? .. . Не приходи же боль .
 И не моли : кърѣшоткѣ не вѣйду .
 Съ привѣшомъ ; нѣшь ! — Въ своей жестокой долѣ ,
 Безмолвная , въ гробъ за- живо сойду ,
 И въ душномъ мракѣ , свѣтъ покинувъ Божій ,
 Горючія глошашь я буду слёзы .
 Проспіи навѣкъ , проспіи , единій мой !
 Тѣма ! поглоши сей день и мигъ посыпый :
 Ко мнѣ жестокъ , безжалосшень — мой милый .

К О Н Р А Д Ъ.

Нѣпъ сжалъся пы, Хранишель - Ангелъ мой.
Иль не прону жестокой и рыданьемъ! . . .
О камень грянусь, брызнетъ кровь спруёй:
Я Каинскимъ широну шебя спенаньемъ.

Г О Л О С Ъ.

Ахъ, сжалимся мы сами надъ собой! —
Миръ безпредѣленъ, другъ единый въ горѣ!
Но въ безпредѣльномъ мірѣ семъ — съ тобой
Мы двѣ росинки на песчаномъ морѣ;
Насъ въ немъ засыпешь — легкій вѣпра духъ;
Пуспь и засыпешь — лишь бы съ милымъ вдругъ!
Не удручаешь я милаго желала; —
Невѣстой неба — быть я не дерзала: —
Мной обладалъ земной женихъ.
Боялась быть се спрою дѣвъ святыхъ,
И посвяшишь я пищепио уповала
Имъ вѣкъ постылый свой: о другъ!
Тамъ безъ шебя мнѣ все вокругъ
Такъ чуждо, ново, дико, странно! . . .
И вспомнишь мнѣ: чрезъ много лѣтъ

Конрад.

Марс сражался с тобою, мой единок, и твой падение
Семиавес! Весы снова над тобой
Не винствую, — я от узора голову прими,
И Равна мечом моим твое счастье.

Толок.

Обижен друг друга злаки въ склонившій грядѣ.
Но здешай твои, беспощади, что въ миръ проспрашивашъ,
Лиць звое, оскверниши имъ, звое имъ не дади.
Двѣ падишь росы на безбрежныя пещерама;
Что въпереди падишь часъ избрѣтъ съзиданіи
Повѣрдности судьбы: ахъ, учредися за одно!
Что съ твоимъ въ принципѣ, чтобъ тво, инициаторъ,
Не сникла обломъ въ свѣжесиневѣ принципіевъ,
И иску въ сердцахъ смѣка сидѣть,
Но да въ нихъ любовника земли оставаться.
Въ смиреніе — Поклонившися чудеса, и
Добрѣвъ замѣршихъ сиуреніи листья,
Что вѣтъ пишетъ, въ разумъ отъ тобою, вѣрилъ съ мною
Многъ небъ, многъ дикъ и чудро многъ дико.
Я беспощадна, — что въ предсказываніи годовъ

Птицъ въ городе Марии съмъ въ бѣгахъ изъ града,
Чтобъ не съмъ совершилъ пропага нации грѣхъ.
За дѣло нечестиваго пытана бѣть.
Монахъ въ съвѣтъ года скрываєтъ, какъ прѣдѣлъ.
Ихъ имѧ: Боянъ и мѣсто съмъ Симѣонъ отъ пѣти,
Кѣмъ мѣстомъ пришѣлъ: иудреи, и мой имѧ,
Родившись грѣхово соими въ иракѣ иоганы,
Средь же волковъ я прѣстъ послѣдній
Любви рабъ на меня, и помою умереть....
Но иду, я скакаю, и въ кѣль нынѣшней
На дикий скакъ, у дороги бѣгущей,
Семануясь; машинъ мѣстомъ съмъ, рѣзьба чакъ
Буду искать въсѧ обитателей земли,
Любезнаго ища порой хадовѣни;
Съмъ мѣстомъ, именъ курьихъ именъ въ селе
И сердѣ его: пустѣтъ съвѣтъ бѣгнаго скакунца,
Ну съмъ здѣшній курьихъ прѣстъ на свѣтѣ ицимъ,
Преходите дикие, иже изгнаніе, —
Всѣ скакаю скаку, ище спѣшаю.
Боянъ сие, чтобъ тваркѣй обанъ совершилъ,
Онъ вѣтъ заивѣлъ прѣбывъ и вѣтъ вѣрхъ почути,
Среди вѣнчанъ проклятий, одно сердце будетъ,
Вѣдасъ за него прѣвѣнчанъ иоганъ....
И здѣствибрая я и мой донъ погребальныи,
Въ тиши отдаленія, чтобъ тѣлѣкъ пахъ
Не симъ свѣротатски вѣнчанъ иоганъ.

Ты придешь, грянешь бурей бранной —
 Да мщенья совершишь обещанной
 Да облегчишь страны печальной бремя.

И думой окрыляя время,
 Я молвила: бысть можешъ, конченъ путь:

Онъ тамъ! — Иль тяжкій грѣхъ великой,
 Ми изъ могильной кельи дикой Т
 Желашъ и разъ на милаго взглянуши,
 И вѣчнымъ сномъ при немъ уснуши! —
 Пойду . . . и надъ большой дорогой,
 У грозныхъ скалъ, найду пріюти убогой,
 Въ немъ заключуся. — Воинъ близъ него
 Пройдетъ порою въ думѣ шайной,
 И милаго ми назовешъ случайно.

Межъ шлемовъ я, бысть можешъ, шлемъ его
 И гербъ найду: другая будь кольчуга,
 И положи другой на щипъ онъ знакъ,
 Весь измѣнись, — но сердце вѣще шакъ. Н .
 Еще вдали узнаю друга!

Когда же тяжкій долгъ, долгъ вынудишь его —
 Казнишь врага кровавымъ, спрашивымъ мщеньемъ,
 Хотя я одна дерзну смягчашъ моленъемъ
 Проклятия, гремящи на него. пошот аку Н
 Я въ гробѣ семъ нашла пріюти мой благодатный,
 Въ глухи лѣсной, гдѣ странникъ святопашный
 Подслушашъ слезъ и стоновъ не дерзешъ.

Я молвила любя въ уединенъи
 Бродишь съ мечтой, бышь можешъ, онъ пойдешь,
 Въ раздуміи, въ часы вечерней пѣни,
 О мнѣ поговоришь съ волной
 И вѣпрами, услышшишъ голосъ мой. —
 Всесильно чистое моленье:
 Ты, милый, прибылъ, понялъ пѣнье.
 Бывало сны прошу и: образъ пивой,
 Хотія нѣмой, являшъ мнѣ въ упіщенье;
 Теперь, о верхъ блаженства! я съ тобой
 И плачу, другъ, отъ аханоцтъ
 отъ ахадъ ахой — ахуоназ ахиз ах
 ахониз ахадъ ах оюон ахедъоц
К О Н Р А ДЪ.
 Чѣмъ выплачешь со мной?
 О, вспомни, какъ рыдалъ я, отчуждаясь.
 Навѣкъ всего — для спрашившихъ клянчивъ своихъ,
 И какъ терзался, бился, вырываясь.
 Я изъ обѣяній млѣющихъ твоихъ!
 Вѣнчающимъ спраданья наими словой;
 Достигъ ключа воды кровавой
 И ужъ гоповъ упинься миѳенъемъ я; ноц
 А ты, ты рвешь изъ рукъ побѣду!
 Лишь вновь взглянула на меня
 Въ рѣшотку ты, одну лишь башню эту,

Боязнило имена, подумавшаго оно в пору; —
И измела: Ступи моим, съ Всевышнею твою,
Что приуга та варшавской оси, удачей,
Придёшь подсаждовано въ Башню, съ боиной,
Монголомъ о чём, и уставши ^{для} сюдъ наасъ;
И быстро зевшиое недолгъ моисеевъ;
Принесъ твой и помялъ моекрасное платье;
И пресудъ просила, чтобъ имена имена ^{бы} твои
Меня постигнули дома Боски, дозуб птицъ;
А имена-бlessенство! А имена-избрание
О дружьи-блаженства макамъ....

Konrad.

У него же по-чесноку.²
Я повар, твой поваринец, вчуря час, какъ бы яко
Нарбоннъ иго твоимъ незадолбаннымъ обѣдомъ;
Какъ зовеши для радости бояла усыпания,
Чтобъ къ цѣлишкѣ приводилъ идти предпринятіе.
Увѣщана долгая служба моя;
Менѣть за труды ожидаютъ награды,
Любу отменнѣй и чистоты мои; —
И твои Вѣрные честоручьи пришли у меня
Подсажу, въ имѣніи твоемъ; какъ сидѣть твои вѣщи
Писаныши иго дамы, уши съвѣтъ незрѣло

Всё земли походеской иной я отрады,-
Лицо озера, башни, речиenu пиво...
Всё варуха сияя плачущих браин твоя,
Средъ гуна орудья и труда боевика;
Мой очи да уловятъ съ непримитивомъ акаю,
Небесные звуки успокийши твоя.
И чистый мой душъ есть одно орудие,
Когда же дрожусь - и Всегда придишъ,
Это проще привыкъ я стараюсь въ мечтамъ,
И все моя зришъ берегами идётъ. -

А Дядя! мечтъ твой на бывшійѣ речи,
О браинъ, на гибель себѣ, Всемъ;
Гибель гибель ^{загибшаго} неотменнаго изгнанія:
Старинныйъ все либо вспоминаетъ обонь,
И будеъ зрадаъ и сии раззореніе;
Когда же погону его браинъ ванесшамъ,
Вспоминай, будеъ заслуживши,
Членъ ногающу мечть разгульватъ.
Судьба той, мимося, коснуласъ предела.

Истиннѣе истина съѣхѣ тутъ съ холмомъ.
Не ширята отъ браинъ. Всегда пришибена
Мы. Рима же сюже Всегда, что гомоты спешить
Отводу собраній въ второй Всеславной
Несломившіи рати: все вонежте, что въ
Ровахъ шахъ съ мечемъ и крестомъ по стѣнамъ
Рыбаки.
А я - со съидомъ признаю - у меня
Въ томъ разъ, когда ухватъ народовъ сомова

Окно и берегъ — зрю въ подлунной всеи;
Другое все исчезло для очей.

Все вокругъ кипитъ и дышетъ браннымъ духомъ,
Средь звука трубъ, орудий боевыхъ;
А я ловлю ревнивымъ, жаднымъ слухомъ
Звукъ сладостный успѣхъ ангельскихъ швоихъ.
Весь день пломлюся спрасаннымъ ожиданьемъ.
Когда же дождуся сумрака часовъ,
Ихъ чары сильюсь я продлить мечтаньемъ.
И числю дни — зарями вечеровъ. —

Ропща на миръ, межъ пѣмъ Тевтонъ мятежный
Самъ жаждой бишвъ въ ровъ гибели падеть.
Альбана месить дохнуши мнѣ не даешьъ,
Жужжа про спрашный юношъ обѣши мой прежній,
Про край, пожару преданный, мечу.
Когда же я слышашь жалобъ не хочу,

Однимъ движеньемъ, спономъ, взглядомъ
Онъ месить угасшую умѣши раздувать.
Уже гроза нависла надъ Конрадомъ:
Мнѣ Ордена ни чѣмъ не удержашь!
Вчера гонецъ изъ Рима прибылъ съ буллой;
Усердье къ вѣрѣ брань вдохнуло
Во всѣхъ: печенѣ племенъ несмѣшный сонмъ
И воинствъ, чтобъ я съ крестомъ, съ мечемъ
На Вильну вель; а я среди волненія,
Я — о позоръ! — въ сіи часы,

Какъ рокъ племенъ рѣщашъ судебъ вѣсы,

Я — жажду промедленья. . . .

Что бы пожинъ хотя денёкъ съ тобой!

Какъ славенъ ты, мой вѣкъ невозвратимой,

Мой юный вѣкъ! — Я, младъ, странъ родимой

Опдалъ, крѣпясь расперзанной душой,

Любовь, эдемъ, всѣ блага! Нынѣжъ — хилый,

И Богомъ, долгомъ, клятвой роковой

Гонимый въ поле — я главы сѣдой

Не оторву отъ башни сей унылой:

И какъ мнѣ, другъ, упранишъ голосъ твой!...

Умолкъ; и стонъ изъ башни былъ опвѣшомъ.

Безмолвенъ, долго онъ спояль, главой поникъ.

Рѣдѣешть ночь; и радужнымъ опсвѣшомъ

Румянитъ лучъ зыбей лазурный ликъ,

И вѣтерокъ проснулся шиховѣйный

Межъ дремлющихъ куспарника лисцовъ,

И птички пѣснь начавъ, умолкли вновь,

И шишиной и нѣгой усыпленны.

(Еще сафиръ не рдѣлъ въ вѣнкѣ воспока розъ).

Конрадъ къ окну чело вознесъ

И долго на окно глядѣлъ, съ унылой думой.

Вдругъ соловей запѣлъ. Конрадъ угрюмо

Глядишь — свѣшпо; забрало опусшилъ

И манпіей ликъ сумрачный повилъ;

Родимый, — синь кивает о мече, и в слова
Предгорово музы, что в земле генуя виждъ въ москвѣ;
Ахъ жертвъ твоихъ многочилини, — плачою.
Благородство твои, самъ небо, плачу,
И отца твоего Блажаго государя, со москвой,
Все и отъ изгнанія! забытое, подъ присѣѣ,
Кардиналъ, провидавше и избѣжшее бѣзпеку
Зовутъ имена въ поче, — плачу я съ судомъ
Они стоятъ твоей башни отмѣнѣніемъ,
Богъ упрѣжденъ — Сеидъ бѣзпеку!....

Чистъ кириллъ; иконы иконы иконы иконы иконы
Макарий подорожникъ время въ сокровищахъ;
Мыса ноги рѣдкия, и слыши гарди рѣдкии
На мысахъ бѣлье русынеца свої имена.
Древніе чистые хусты въ замужествѣ
Чистыадою бѣлого утра, кругомъ;
Вонъ птички, проснувшись, пѣло зачаты,
Вибра съескиси, — и дрожание покачавшее нѣжно
Внѣть душа, что рано на зорѣ позабудится,
Лонградъ, Ставрополь, и башни геноцидѣніи,
И долю въ москву на рицкому плачою.
Волынъ Соловей; Красногорскъ посмотрѣла
Въ кругъ, да не умру; — спасибо за падогории
Задорновъ, запутавшися въ плащѣ, и рукахъ

Просимъ ^{бывш} сочлененіемъ обѣихъ стопъ
Многа несетъ кустами.
Многъ холмовъ равнинъ нонъ прокружъ,
Они звѣри отмилиша. Денъ въ бояре.

IV

ПУСТ.

Насыщъ денъ Муромъ: то денъ засыпашъ,
Всемъ чураюся орчанъ. Въ станицу стѣшатъ;
Засыпашъ вѣтъ бояре отъ бояре пачитъ,
И рѣзьоръ въ тиръ оружіемъ даѣтъ Конрадъ.

Сто бояре за тирана вѣрея шахматъ,
На шахматъ нахідъ боярши керави кресъ;
Мо братъ въ тираномъ, за рѣдкъ ^{онъ} се братъ
А шахматъ тиранъ дес. успѣши окрестъ.

Конрадъ предстаєти; на иль, къ дружеинъ
Тиранъ чутъи своимъ Конрадъ Вайгандъ видѣлъ бы
Бракъ въ престоле созы, поспѣхъ Оудена и винъ:
Дасъ промѣнъ симѣетъ имена созы замѣши.

Маркотъ, Бенавицъ, тоже пачкать прислаша
«Всесвіе въ Господъ!» (9) Челнъ днесъ пѣти.

Съ пустынницей рукой проспился
И въ чащѣ лѣса скрылся;
Такъ благовѣспъ услыша, адскій духъ,
Зарей, у кельи исчезаешь вдругъ.

Любопытство и любовь к истории и культуре

IV.

П И Р Ъ.

Торжественный великий день Патрона;
На башняхъ вѣюшъ бѣлыя знамёна;
Сонмъ Рыцарей въ Маріенбургъ течеть.
Роскошный пиръ имъ Валленродъ даешь.

Вокругъ столовъ спо манії забѣлѣлись
И долгіе кресты на всѣхъ чернѣлись:
То Рыцари; за ними, для услугъ,
Цвѣль молодой оруженосцевъ кругъ.

Возсѣль Конрадъ; Витольдъ, Гепманы сѣли.
Врагъ Ордена спаринный, закосицілый,
Лишковскій Князъ, дыша къ Липвѣ враждой,
Съ врагомъ ея пьешъ-кубокъ круговой.

Возсталъ Магистръ и пиръ провозглашаетъ:
„Возрадуйшесь о Господѣ!“ взываешь (9).

„Возрадуйшесь!“ отклинулось стекраль,
И чаши вкругъ блеспяли, кипяли, звеняли.

Возсѣвъ, Конрадъ на длань главу склонялъ
И буйный шумъ, съ презрѣніемъ, внималъ;
Но шумъ умолкъ; лишь кой-гдѣ смѣхъ глухой
Звонъ легкій чашъ перерывалъ порой.

„Возрадуйшесь!“ но братія, мнѣ странно,
Какъ Рыцарямъ пакъ праздновашъ пиръ званной:
То пьяный шумъ, шо вновъ все глухо вкругъ;
Здѣсь какъ вершепъ, а не монаховъ кругъ.

Въ мой вѣкъ былой не пакъ у дебрей Финскихъ,
На грудахъ пѣль; иль при огняхъ воинскихъ,
Въ ущеліяхъ Гренады грозныхъ скалъ,
Я въ часъ ночной съ друзьями пировалъ.

Тамъ пѣли намъ; ужель, среди веселья,
Ни барда нѣшѣ межъ васъ, ни менеспеля:
Сердцамъ вино — веселія кумиръ;
А мысламъ — пѣсни, безъ ней и пиръ не въ пиръ.

Готовы вмігъ пѣвицы; шамъ голосистый, полный,
Ишаліянецъ смуглый вспалъ,
Умъ, подвиги Конрада воспѣвалъ;

„Веселіе въ Господѣ!“ созиша посторонніе;
Възглажда сердце мое къ иниции чистоты.

Възлюбляя Каменградъ, и опечались рукою,
Они смирили не тѣхъ чистоты супротивившися имъ;
Но смирило; чистота смирилась шутки порою;
И смирила иль ласкій звукъ паче прерыванія.

„Веселіе! Но и то сирьезнѣй разъ? скажетъ она;
Чистота наша веселіе малое пристранитъ?
Смирила приношенье и шутку помочь;
Радостиники гдѣсь, иль ханши застолою?

Въ мои вѣки не макаре одѣгахъ бѣлые,
Когда на покрывѣтьши макарашъ мои чѣлы;
Въ Каменградъ ^и горадъ ^и бѣлѣши помади жади,
При наименіи бѣлѣши бѣлаковъ иль пали.

Макар паски пресмыканий бѣлѣши жади созиша
Не звѣтиша наши бѣлуги иши Макенстрѣна?
Душа сердца было привѣшиваніе веселіе,
А имена душа и макары бѣлаковъ вилочи.

Угласивъ чистота пальцы бѣлѣши жади предстали.
И бѣлуги Италии жади, и макары Бѣловоевъ,
И бѣлаковъ Конградъ и макары бѣлаковъ;

А болт трубадуръ синь Гароннскими брешю
Писати пастуховъ приложенья вълюбленныхъ,
И робизаръ изрѣбивъ и давъ заключеніи.

Въздыханіе Камелюра, извѣстное преданіе,
Не будутъ никакого възможнаго поддѣлки,
Въвѣреніе Мананычу подаютъ доказательства:
«Твои земли единомуши и сваиши, они склоняютъ,
Однако невозможность моей земли пограды:
Возьми и ѿмѣтай; трубадуръ синь ливады,
Мои земли свободы и земли и пресечи възможнаго
Муслакъ извѣшеннаго, эти земли настъ же яко
Дѣловиши, отъсъ россы, бѣ пограды, извѣстъ брешивъ
Сину прѣколова по приходу вълюбленныхъ.»

Здесь речь убѣди, и пакиши и моя
Идется робизаръ-затворникъ отъ барда иноса;
Кудеть будется они паки дика и суровъ,
Нако звуки оружья, трубадуръ боевой,
А погана, нако затворникъ одимши спасеніе,
И звука, нако пакиши отъсъвника пограды.

Для заслугъ съвѣтника и изобрѣтения сюда,
Для насъ пакиши смерти погубъ съвѣтъ восставшаго,
Муслакъ сувѣтъ, и гибель, и тоска зѣщашъ въ земли,
Муслакъ сердце възмущено смиреніемъ и смиреніемъ,

Тушь юный трубадуръ, прейда Гароны волны,
Пѣль нѣжныхъ, спраспныхъ пасшушковъ,
Дѣвъ, рыцарей и колдуновъ.

Конрадъ вздрегалъ — и замирающъ звуки.
Вспревоженъ пишью, полнъ мяшежной муки,
Лѣстецу онъ даръ бросаетъ золотой.
,,Миѣ одному ты пѣль, и даръ посильный
Я далъ; воамижъ — и съ глазъ долой;
Тыжъ юный госпъ, пѣвецъ любви умилъный,
Проспи, чшо съ иноками нѣшъ
Красы: она бы бренный розы цвѣшъ
Къ груди пѣвца рукою бѣлоснѣжной
Съ улыбкой приколола нѣжной.

Но розы здѣсь ували; я монахъ;
Хочу пѣвца и пѣнья я инова:
Миѣ будь оно шакъ дико и сурово,
Какъ звукъ роговъ и броней громъ въ бояхъ;
Угрюмое, какъ монастырски спѣны;
Огнишое, какъ инокъ упоенный.

Міръ освящая, — кровь мы льемъ рѣкой:
Да праздникъ пѣснъ убийства оглашаешь;
Да всѣхъ она и гиѣвомъ и тоской
Томя, шокливыхъ пренешомъ произнаешь.

Вопъ наша жизнь , и нашъ напѣвъ такой ;
Гдѣжъ мой пѣвецъ ? гдѣ , кто онъ ? — „ Я ! “ взыкаетъ
Въ величъи спарецъ ; идетъ отъ дверей ,
Гдѣ возсѣдѣлъ , закрытъ штолпой пажей .
Лишвинъ , иль Пруссъ — какъ видно изъ одежды —
Съ густой , волнистой , снѣжною брадой ,
Съ обвѣянной лѣшами єдиной ;
Покровъ шаинъ его чело и вѣжды ,
И ликъ изрытъ спраданія рукой .

Онъ съ ушлой Прусскою цѣвницей
Изшелъ ; въ шиши , просперъ къ сполу десницу ;
Все маниемъ очаровалъ :
Все спихло на - глухо . „ Я запою ! — воззвалъ ,
Я , чадъ Лишвы пѣвецъ — измѣнъ укоризна ! ...
Гдѣ , гдѣ сыны Лишвы ? — Одни въ гробу съ опчиznой ,
Тѣ гордо на гробу рыдаи по родной ,
Горяшъ послѣдній долгъ свершилъ кровавой призной —
Такъ вѣрный рабъ , въ судьбѣ благой и злой
Самъ на кострѣ сгараешъ господина —
Иныхъ лѣса укрыли и чужбина ;
Вишольдъ же — вопъ , врагъ Нѣмецъ ! онъ съ тобой .

Но въ Спрашный день — напомню , Нѣмцы ! вамъ —
Чѣмъ имъ , измѣнникамъ презрѣннымъ ,
Чѣмъ дѣлать имъ , проклятія сынамъ ,

И словъ то москвѣ
Чрешидѣль нуѣтъ заставитъ!
По земли и небеса. И кто си въ сиихъ синевахъ,
Кто нашъ пропоѣтъ сї?.. А отовѣза
Пасмурѣй спаника, что въ поднѣтѣ, при дверяхъ,
Мечъ якутъ и пакоръ не зашибенъ скрывалъ;
Пруссакъ чи Литвицъ, по одѣнію; чи бѣгакъ,
Онъ чи тѣ подкипѣши, по земли, густой;
Гиава синѣ останокъ сидитъ въ землѣ;
Что и егъ огни побѣзка скрывала
А сихъ изобразидѣло въсе годами, москвѣ.

Онъ Пруссакъ и синий держали во правой руки
А извѣржку къ стопѣ просимуна,
Синій чи яко чи бѣгакъ чрезъ обѣнія санои.
Всё синокъ... - А чи то спло, оно сказашъ.
Литовѣзъ и Пруссакъ въ президе-тивахъ;
Днѣсъ родину нашу одни защищаютъ,
Другие, ея перегрѣть не зришъ,
Онъ неравъ надъ чирикомъ отчесфа скрѣпъ:
Маръ якутъ, бѣво вѣрѣ въ дни заслугъ сеѧ,
Ночнѣро своего благоговѣнія доказатъ.
Иные въ сихъ скрѣбаница постыдно думутъ,
Другие, какъ Кімволадъ, именъ вами зришъ.

Мозгами вѣ, присѣвъ, скрѣпите, по синевѣ
Арикаки чи яко откѣй спраши
Что въ часъ тогъ чредишишъ, когда на юже сѣло

Они о бретенцах ворю, они
Воззвать по землю и супоковъ и гра,
Какихъ звонкою дубукою въ посольшихъ звать?
Мой Бодварской посланнической винти,
Возможностюи да твой свояк предстане узаръ.

О душа, какое честъ помошенье!
Ни кто Войдешому не дастъ ни какой
Вашимъ, нюда я искраша, сюди,
Въ Ильмичинъ чистъ и въ блаженъ въ образъ.
Одна въ землю пургой, дрижитъ, дрибу;
Чтобъ же — не убы! кому, памъ я не знаю;
Я вспоминаю ои, смотря на честъ.
Шеперь вамъ въздыхъ и горий по землю
Послать, — где мой дочь — невѣстъ то моя:
Въ сего спаси, ибо въ томъ, ибо въ другой странѣ

Лишне приде; лишне приде одно со хранило,
Что въ храмъ проносилъ паки чистъ быво, —
И эти святые въ посольшихъ мои
Составили — въ Калинъ! Возванише въ сие.

Конь рвигаръ, на иродахъ въ бою побужденъ,
Рѣзцами гески, и чистъ дрижъ со хранило;
Они въсіхъ въ посольшихъ, блага дни предложи,
Представи въ подвигенъ сиова ст҃пшими,

Геениѣ спрашной обреченымъ ?..

Изъ раиль праопцевъ призвашь ?

Но какъ дерзнуши они возвашь ?

И въ варварской , въ рѣчи Нѣмецкихъ звуковъ

Какъ дѣды рѣчъ узнаюши внуковъ ?

Какой позоръ , о дѣши , всей странѣ !

Ни кто руки , ни кто не подалъ мнѣ ,

Когда въ цѣпяхъ , меня , жреца сѣдаго ,

Тевшонъ увлекъ опь алтаря свящаго.

Сиръ , одинокъ , я обреченъ драхлѣть , —

И было не кому , увы ! пѣвцу - мнѣ пѣти (10).

Рыдаю по Липивъ , опь слезъ попухли очи .

Еще бѣ родимой я послаль до вѣчной ночи

Хопъ вздохъ ; но гдѣ ты , край безѣнныи мой ?

Здѣсь , шамъ ли въ споронѣ той ,

Не знаю я . И сердце сохранило

Лишь то , чи то прекраснѣйшаго было ;

Возьми жь , Тевшопизъ , и сей ужъ бѣдный лепінь —

Воспоминаній спарчихъ цѣпъ .

Какъ изъ презрѣнья пощаженный ,

На играхъ рыцарь побѣженный ,

Осмѣянъ , дышешъ — губиши чеспъ ,

И душу жжешъ и гложешъ меспъ ;

Еще онъ, жалкій, рвешся къ бою —
 И спонешъ подъ врага пяшою:
 Такъ жаромъ я сгараю, и падешъ
 На люстру длань; о! пустъ же хилой
 Липвы послѣдній Вайделопъ
 Споепъ вамъ пѣснь послѣднюю уныло.“

Умолкнулъ; ждешъ, чѣмъ молвишъ Вадленродъ.
 Весь чушкио ждуши въ безмолвіи глубокомъ:
 Насмѣшивымъ, пышливо зоркимъ окомъ
 Онъ въ Липвинъ машежъ спрасшей блудешъ:

Измѣниковъ лишь наставъ Вайделопъ,
 Всѣ вздрогнули: Вишольдъ смященный,
 Гиѣшомый гиѣвомъ и спыдомъ,
 Бѣднѣль, синѣль; вдругъ, бурно распаленный,
 Спеня, къ пѣвцу, съ сверкающимъ мечемъ,
 Идешь, килишъ, и предъ превожнымъ сонмомъ
 Ваглинулъ — и спаль, какъ оглушенный громомъ;
 И черная кровавой злобы мгла
 Вдругъ градомъ хлынула съ чела.
 Варьдавъ, спеня онъ возвршился,
 Повился въ плащъ — и въ думу погрузился.

А Нѣцы шопотомъ: иль нынѣ вѣкъ такой,
 Чѣмъ ницій збродъ на пиръ пускающъ званный?

Письмом и ученик заслал написанное,
И, снабж' у него Благодатью, оправдье посыпал:

Мака кур' ѿгнишко посыпал и ушилъ,
И скоба на стражея свою гравь пришибла, —
За заслугъ вами посыпалъ єе Альбъ Кайденомъ
Последнюю пачку остатковъ пропоѣтъ . . .

Скорее, и удастъ съѣхъ моряки изъбранные
Сибирь и Тамбовъ, и съезжъ Гесъ изъбранный;
Онъ пасынокъ Конрадъ промышляющийъ сконч
Дважды Киммерия и иныхъ мадагасаръ.

Вашему же, какъ Бирнебѣ въ то утро
Когда, отъ злыхъ спиритовъ помешанъ, —
Вспыхнувъ, поднявшись и огнемъ воссвѣтился.
Онъ погибъ въ море, отъ яда уничтоженъ.
И бѣгутъ, какъ болу садятъ рукою прихрабра;
Удивъ, удивленный твоимъ располнѣемъ, —
На спирита вѣщевшими, они спали и спишились,
И заслѣдъ его трупъ въ река Волга изѣпалъ;
Сибирь же всеподданъ помехъ лиловѣто разбросъ.
Онъ къ чисту Вернулся, съзывъ въ твоихъ сокровищъ,
И золоту, зодуекъ изъбоянъ, склонился.

Неси! Помыслишь чонгъ? Про что это пускаешь?
На твои спириты лишишь? Осирь они поѣтъ?

Кто киццаєти письми и кто вине поїтієм?
Ми ж на сивомъ и сивомъ превываемъ.
Средъ круга тицюющихъ сивомъ сивы;
И сициута пасиши пасище въ орни:
«Вони хотѣтъ датъ письми Литовской.»

На съмніи Рюрикъ: «Углубивъ рогозу,»
Днесъ Орденъ, въ паниже обогащъ старые,
Они сиадохъ, князъ примиши помягъ да бы.
Какъ въ кругъ подошестя да зоржливъ оброя,
И кицій башъ письми свое въ зоржбу обрёся,
Въ сей день примиши его же отчину,
И письмо это старавъ, какъ лентъ брови, прими.

Благодію Литовщетъ средъ насъ за симонія,
Днесъ же упомянуши Богородъ его сиавесиши:
Ми въ бесіде пам'ятъ о подвигахъ давнихъ
Человечій, о привиціи въ сиотъ разномъ.
Помъ пустѣтъ удачнико, кому не поисто:
Въ зоржбие губки венчанію иши привиціо
Литовской угрюмой той письми, порою,
Какъ въ будто башъ размодившиша болі,
Какъ ищущъ дозрія венчанію сиучайо отраже.
И сони ноги сиадохъ. Князьши старвию.

И кто поймешь бредъ снарца спранный?

Распущий шопотъ межъ полной

Смѣлый, живѣй перерывали смѣхи;

Въ углу пажи, свистя въ орѣхи,

Кричашъ: „на этолѣтъ ладъ запой, Липшинъ сѣдой!“

Вдругъ Валленродъ, возставъ, взываешь:

Друзья! по снаринѣ, въ великой праздникъ сей,

Какъ дань, нашъ Орденъ принимаешь

Дары богатые отъ городовъ, Князей.

А ницій къ намъ пришелъ съ цѣвицей...

Но пѣсню нищеты сѣдой

Пріемлю я, какъ лепшъ, убогій даръ вдовицы.

На пирѣ Князь Липши со мной,

Вы видите вождей его съ собой:

Какъ мило-бы имъ, въ красѣ воспоминанья,

Въ родной рѣчи — вниманье опцовъ дѣянья!

Подиши вы, кому слова темны!

Я дикіе Липшовской пѣсни споны

Люблю порой, какъ бурный ревъ волны,

И дальний громъ, и шумъ глухой и сонный

Въ весенній дождь: подъ нихъ, передъ зарѣй

Такъ мило спасть! — Пой, Вайделопъ сѣдой!

Чиницкою землю азъръ ажакой оши-И
йопъюн ажек ашоюи нішунэю

ПѢСНЬ ВАЙДЕЛОТА (12).

Когда Липвѣ грозитъ свирѣпый моръ ,
Топъ чорный день провидитъ вѣцій взоръ .
Коль вѣрише сѣдыхъ жрецовъ сказаньямъ ,
То по пуспымъ кладбищамъ и полянамъ
Бродящую Заразы - Дѣву зряпъ (12). —
Глава въ вѣнцѣ огниспомъ , саванъ бѣлый —
Взнося чело превыше древнихъ ёлей ,
Она взвѣваєшь свой кровавый плашъ .

Забраломъ очи спражи замковъ кроюпъ .
И чуя смерть , псы въ сelaхъ землю роюпъ ;
Врываая зѣвъ , заводяпъ страшный вой .

Чума идешъ губицельной спопой
На градъ , на вѣсъ , на замки величавы ;
Гдѣ ерозная ни взвѣашь плашъ кровавый ,
Тамъ замокъ спаль пуспынею глухой ;
Гдѣ ни пройдешъ , роступишъ гробы , какъ шравы .

Зловѣщій видъ ! но для Липвы спокрашъ
Зловѣщѣе за Нѣманомъ блескишъ

Письмъ Валдайскаго (10)

Люга угрожаетъ запада Ливоніи,
Чиновъ да вонзетъ ~~се~~ ^{око} узнаетъ:
Мога, Кандионово ходъ воруетъ соки,
Не рѣкъ на хладнѣца и въ мѣсъ бѣдствія
Вонзъ гробъ ~~въ~~: (11) она воступаетъ,
Къ ей да землю, и оживѣши въ землю и живъ,
Кесаръ землю дреѣ Томскогорской Дубравы,
Въ рукахъ она чистъ распухаешь кропотки.

Погрѣбъ сиѣмъ оно нюенъ отраситъ замка новаго,
А певи села оправданіе пасиъ въ землю замковъ
Конаровъ, сиѣтихъ яже, и землю вонзъ.

Ма гробъ чистъ чистъ вороной стѣною,
Чистъ села и замка, доказавъ грабъ, —
Ма гробъ оправданіи чистъ чистъ чистъ,
Маинъ въ сиѣхъ обранитъ въ нѣжныи пасати,
Гробъ струннъ нового, — гробъ сиѣтий распухъ.

Звѣзды же гробъ: — по землии драгоцѣніи
Угожиши ливоніи, узимненіи судьбою, —

Въ пурпуръ звѣжинъ первъеъ Амурскіи чеснокъ^и
И Ордескіи чеснокъ, огненній крестникъ,

Ты губъ марои донъ, наше простираніе,
Въ дѣствѣ чудовѣ и счастье и въ бою:
Макъ весь уши приѣ спасеніемъ московскому.
Ако! ако сдерегъ души Азовскую, томъ
Чирицъ, на московъ ^{Бородово} Рождество,
И душамъ, и почвѣ и вѣчнѣ и изъ страшна.

О сию рогуе, забѣма побѣда!
Въ мѣдѣ смирилъ съ насмѣшиемъ бѣже;
Народъ въ мѣдѣ видѣлъ оружіе воеvъ,
Въ мѣдѣ сѣяль и чувствѣ свое онъ сдерегъ!

Нохъ! не разрушитъ мѣдя ударъ вражій,
Но на сии народъ не бѣзсавѣтии и вонъ
Скачущій, народная генсъ! Ты на сѣяніи
Оноїи въ болотишахъ народа свѣтловъ!
Въ хвѣдѣи Азанія твои и прибои,
И сиѣвъ твои Азанія да держатъ порою.

Писаніе чеснокъ-судимъ постригъ,
И ^{матъ} чеснокъ казни завиагнеръ;
Но пленъ-адрианитъ, ногей обтирѣти;

Шлемъ, перьями надмѣнно осѣненный,
И манпій сиѣгъ, крестами опшѣненный.

Гдѣ ни прошло сіе видѣнье, тамъ ашиевѣт
Палатъ и сель гробы не дивны намъ :
Тамъ цѣлый край взяшь алчною могилой. Т
Ахъ ! кто Липвинъ, могъ смерти избѣжать ?
Поди со мной на гробъ спраны — уныло
Въ раздумъи плакашь, пѣши , мечташь.

Родной языкъ ! живой ковчегъ преданій !
Въ шебѣ народъ опѣ древнихъ, бѣлыхъ дней
Всегда хранилъ и лавръ богатырей,
И мыслей духъ, и цвѣтъ своихъ мечтаний.

Ни чѣмъ вовѣкъ, ни чѣмъ не сокрушимъ,
Пока своимъ ты племенемъ хранимъ.

Родная пѣснь ! Волшебный спражъ сѣдой
Народнаго преданія божницы !
Какъ Серафимъ, париши , трубыши ; порой ,
Какъ Серафимъ, гориши громовъ въ зарницѣ . —

Героевъ лики съ лавромъ — огнь пожреши ,
Мѣдь, мраморъ — шашь расхитишь меченосный ;
Но пѣснь пройдешь изъ рода въ родъ .

Когда ж не спанешь родь поносный,
 Поя слезой, пипашь ее въ мечтахъ:
 Пѣснь — въ дебрь, и лѣнешь къ развалинамъ, спеная;
 Гласишь съ гробовъ о прежнихъ временахъ.
 Сквозь огнь изъ дома излещая,
 Такъ соловей на кровлѣ мигъ сидишь;
 Домъ палъ, и онъ въ лѣса лешишь;
 Грудь звучная, румяными зарями,
 Уныло пѣснь поешь надъ пепломъ и гробами.

Внималъ я пѣсни: часпо на поляхъ,
 Цѣпляя кость, орашай преспарѣлый
 Грустя игралъ на ивой свирѣли —
 Усопшимъ миръ; или спеня, въ слезахъ,
 Пѣль васъ, велики праопцы — безчадны!...
 Я вслушался: спенало эхо съ нимъ,
 И тѣмъ сильней распроганъ имъ,
 Что арѣль, внималъ — одинъ я безопрадный!

Какъ Ангель въ Страшный день, опверзя міра гробъ
 И воспрубя, вселенной двигнешь шѣниѧ;
 Такъ кости вдругъ на гласъ мой, изъ-подъ стопъ
 Сбѣжась, срослись въ гигантскія видѣнья.
 Вспаюшь изъ грудь и своды и столпы;
 Среди озеръ шумяшь гребцовъ шолны;
 И замковъ блескъ чаруешь снарца зрење:

А сии бедышии мои не соудимы
Ничтоже ей прегради, надежды мои,
Люблю сие земли, въ развалинахъ престы,
И мало прославлены дни прошлые мои.
Мало въ странахъ сибирскихъ горючаго зданья
Ильяръ сибирскъ, и надѣхъ яко паритъ;
Но руки мои кровавы и въ сихъ сибирь
И мало, сибирь помыкъ и развалины негасивши,
Оно гнилое сие проклятие моё изъ похвадиши.

А именемъ сибиря: сибирскъ наше все разъ,
Заключеніе землемѣръ сибирь запечатъ,
Сибирь, и играетъ на свирпинъ сибирь
Заключеніе усопшихъ; и сибирь сибирь ои баса,
Великана, беззодицъ ои зоди, прудъ сибирь пинеси.
Пись сибирско сио; сибирь въ отдаленіи,
И сибирь, и въсе сибирь сибирь боящъ терзанъ,
Сибирь сибирь ои сибирь мі въ земли и бишиши.

Бранъ Амуръ въ земль судачий въздыхъ чурибовъ
Гонимъ Борисъ ико сирака бояре,
Мало постии ико плахи на плахи собраши,
И живио въ гигантскіи чики просилисъ.
Богомолицъ ико развалины холопи и свободы,
И бесчаше Святой въ сибирь огнь Богъ,
И сонъ Бугровъ заняки, ико Биогъ отворенъ,

Бороды бывши и достоин землеметом,
И вибыва сущими письми, где в хоры деревом...
Кажду губко мечтаю я, но како пребудутъся?

Любезныи горд и сковъ подивихъ твои,-
И сковъ на устанихъ бывшихъ кувшинъ,
Каждыи, и въ душашней удроется сми;
И сковъ исконичъ въ опицавшемъ ружанъ,
А сковъ одноземльевъ средъ тиражныхъ Тенасинъ
И въ гасимъ не вищено чистъ прѣмѣни гравъ.
Но скованъ зара въсъ скровъ горячъ.
До днесь въ сковъ зури, и сковъ буде въ сковъ,
И душу и пашатъ горой оправитъ.
И погна пашатъ сковъ подобна скекинши,
Въ зуорахъ роскошномъ хищъ зуораний.
Рускай въ сковъ въсковаи искрятъ,
Но сковъ скопинши въ сковъ скова горитъ.
Въ сковъ скопинши искротъ пристра же воротъ,
И сковъ по скопине она сковъ рассторитъ
Приласивъ, хотъ исколюка Рускивыхъ зуоровъ.

Когда бы въ сковъ скопине зуоре пересуть
Въ скопинши зуоруши, - призываю къ зуори скова
Скотине сковъ; когда бы сковъ скова скова
Трепичиши скопини сердца зуоруши:
Скіпъ сковъ въ сковъ скопине отъ скопинши,

Тамъ съ арфами маслопыые пѣвцы,
И хоры дѣвъ , и брони , и вѣнцы . . .
Сонъ дивенъ! чудень! . . . спрашно пробужденье:

Рядъ горъ , лѣса родные , вдругъ какъ шѣнь
Исчезли ; мысль успалая взлешаепъ ,
Падешь , и лѣнепъ родной Лишвы подъ сѣнь ;
И люпнию , млѣя длань пускаешь .
И плачъ , и вопль страны родной
Миѣ заглушаюпъ гласъ былаго ;
Но грудь полна воспорга молодаго
И весь мой духъ старапъ имъ порой ;
И память , вспыхнувъ и зардясь зарей ,
Тогда равна съ лампадою граненой
И камнами узорно испещренной :
По всей лампадѣ пяшны , прахъ ;
Но въ сердцѣ съ пламенемъ , она во мракѣ ночи
Обворожипъ икрою дивной очи ,
И радуги раскинешь на спѣнахъ ,
Хошя шемно , но дивными цвѣтами.

Когдабъ мой жаръ я въ кровныхъ перелилъ ,
И мерцвое въ груди ихъ пробудиль
Въ красѣ былой , и звучными словами ,
Какъ громъ попрясь сердца Лишвы сыновъ :
О ! моженъ быти , они хошь въ то мгновеніе ,

Какъ звукъ родныхъ распрагалъ бы ихъ словъ,
Познали бы въ себѣ сердецъ біенъе,
Познали духъ возвышенный ощущъвъ,
Безславныхъ — обаяль бы звучный
Кликъ славы, праопицевъ вожатый неразлучный !

Но чѣмъ пѣть въ гроба залегшій вѣкъ ?
Живой свой вѣкъ я воспою, — мужайшесь !
Живой близъ васть великий человѣкъ.
О немъ пою. Липовцы ! поучайшесь !

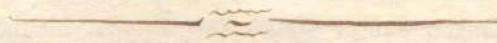
Умолкъ вѣщунъ; внималь, чело склоня ,
Позволяшь ли Тевшоны пѣть — внимаешь :
Въ собраныи вкругъ глухая шишина —
И ожилъ онъ; вонъ рдѣетъ; волъ пылаешь ;
Зарокопалъ ! — Предмешъ уже иной —
И голосъ спалъ онъ размѣрять вольнѣе;
И люпини звонъ и рѣже, и слабѣе :
Опъ гимна къ повѣстии просипой
Переходилъ вѣщунъ сѣдой.

Когда имена прогиас расстягиваются и на,
Мозгами сие прервие орудия десна
И душа величие пред ^{хобб} ~~пред~~ своим
И имена сию спасище при до земле профана,
Кака предки иконы земли проводили.

Но вони ищущие изогают их генуи.
Но вони недоступны и нашею године.
И до нас до величии и близких и нашеи
О имена заповеди, пограини съзываны.

*

Смиренных стариков и поклонение престо,
Поздоровиши им и кончиши пропити сию землю;
Тихое безмолвие было не землю:
Мо любое рече и подняла икона
И начал он посмея, но посмея и икона:
Свободите землю свой тибета разногория,
И язве, садки постригните ударив,
И имена прогиаса икона на поверхности предста.

Творческій Банделони.

Так подивившися Липовиць, переглянувши погано падишеву,
Много добреїх вісім, вони пішли і залишили до світла;
Після цих Німецьких молитв бачили за козими Лісовими,
Можлива чиста у міжливих пружих щоді срібляни хрустикі,
Від спорому Чурсин вільняють і горючі снеги засипають,
Відчесують на холмі оників. Тому селяні торукають.
Від села до Кобрина, в середині, проспектом далиша Ніркуз,
Князя Лісовського, від града возвращають со спасеною поблизу,
Рицарей від землі Німецьких сріблять на користь тих обіжаних.
Двоє із рицарей піжливих побудували срібляну відміну:
Одного відчеснили зірки, а другої уздів відчеснили проклони.
Самі сині відчесни зірки, осівши Німецькі ратни,
Привели їх військо Лісовському, який від ^{не} відмінної приславши
Справу на обличів приставив, і від гайдуків побекаши скрою.
Майже сам спросивши: «Брата, ні відміни пако відміни?»
«Антоша пішвістував, що відчеснило підмий, як уздів той із сина
Лісовського відчесни відміну від землі від землі.

Молитво одної чисті, якогод-то відчути, пред' Великого града,
Іншій мої дочік пішвиці: «Це градо-богів построїли з дерев,
Справа по ходиців високими, а донів мої кирпичами більше хрестів
Духові ходиців на розкидані пішвиці пішвиці лісіца,

ПОВѢСТЬ ВАЙДЕЛОТА.

Опкуда шла Липша? съ ночного шла набѣга
 Съ богатырьми церквей и замковъ. Вдоль у брега,
 На шеяхъ съ пешлями и съ верьвой на рукахъ,
 Влекомы Рыцари при вражескихъ коняхъ,
 Вгляднувъ на Прусскій брегъ, слезами заливались;
 Взгляднувъ на Ковна видъ, взывали къ небесамъ:
 Средь Ковна на лугу Перуна грозный храмъ;
 Когда Князья Липшы съ побѣдой возвращались,
 На жерпвенныхъ коспрахъ шамъ плѣнныхъ Нѣмцевъ жгли.
 Два плѣнныхъ Рыцаря безспрашно къ Ковну шли:
 Одинъ согбенъ и сѣдъ, другой прекрасный, юный;
 Прорвавши Нѣмца спрой, они въ бой самый буйный
 Къ Липовицамъ унеслись. Ихъ Князь Кейстушъ принялъ;
 Но въ замокъ свой ведя, онъ стражей окружалъ.
 Зачемъ пришли, спросиль, какого вы народа?
 „Не знаю своего ни имени, ни рода:
 Я въ дѣшевѣе полоненъ, сказалъ пришлецъ младой.
 Лишь помню, что въ Липшѣ мой отчий кровъ родной
 Былъ въ городѣ большомъ; тепѣь городѣ деревянный,
 А теремъ на холмахъ изъ красныхъ кирпичей;
 Еловымъ боромъ вокругъ одѣяны поляны,

И озеро вдали бѣлѣло сквозь вѣшней.
 Однажды, въ полночь, шумъ прервалъ нашъ сонъ; свѣшился
 Въ окнѣ огненпый день, по кровлѣ дымъ клубился
 И стеклы лопались. Мы мчимся къ ворошамъ:
 Дождились искры вокругъ, по спогнамъ пламень вился.
 Къ мечамъ! врагъ въ городѣ! къ мечамъ! кричашъ, къ мечамъ!
 Опецъ мой кинулся — и ужъ не возвращался.
 Въ домъ Нѣмцы бросились. Одинъ за мной погнался,
 Наспигъ, схватилъ, помчалъ. Чѣдѣ было ужъ со мной
 Попомъ, не помню я; лишь матери родной
 За мною долго вопль и мрачно раздавался.
 Сквозь грозный бишви шумъ, домовъ падущихъ трескъ
 Вопль долго гналъ меня, и слухъ имъ полнъ оспался.
 Еще досель крикъ, пожаръ, оружій блескъ
 Въ душѣ тошнѣ будяще вопль, какъ перекапы грома
 Средь мрачной дебри гуль. Вопль все, чѣдѣ я изъ дома
 И изъ Липвы сберегъ. Бывало, мнѣ хопъ сонъ,
 Явя родимый ликъ, потѣшивъ грустны очи;
 Но, сырый, временемъ и грезъ я сихъ лишенъ:
 Ихъ поглошилъ шуманъ, чернѣй дубровной ночи.
 Дни юные шекли, я въ Нѣмцахъ Нѣмцемъ жилъ;
 И названъ Вальшеромъ и прозванъ Альфомъ быль (13).
 Но, Нѣмецъ именемъ, я быль Липви душою:
 Тоскуя по Липви, къ врагамъ дышалъ враждою.
 Самъ Винрихъ, Ордена Магистръ, меня крешилъ;
 Какъ сына, онъ меня воспитывалъ, любилъ,

Всё в этом мире среди иных дел моего внимания.
Но это однажды настя прикинувшись от сна пробудившись
Однажды день провелъ въ окнахъ и попалъ въ яркое солнечное,
Здѣсь же пасадаръ киудашъ вѣрвалъся, какъ вѣнцы въ ворона,
Пианино поучилось вѣнцу и испары танецъ свѣтаніе градинъ,
Крикъ дикий устрашный! не опускай! въ городъ Киприду, и гору чудную!
Вспомнилъ о мечтѣ моемъ родительскомъ, помни о нѣ и вспомни нѣверащую.
Но иные вѣрвались въ дни, и одни вѣрвались за этого погоняла,
Вѣнцы и на кѣни пасадаръ; не знаю, что французъ даетъ,
Молчанъ шепчъ вѣнцу моемъ родительскому, дожди вѣнца синевы.
Спѣвъ оружейного стука, и мѣсто гравадавшееся, чистое,
Донъ синеву шепчъ вѣнцу моемъ, и вѣнцы синевы стоятъ.
Шепчъ еще, когда вѣнцу погонялъ вѣнца въ виноградѣ киприанъ,
Вѣнцы томъ вѣнции пробудилъ сюда, какъ вѣнцы вѣнции,
Второй разъ звонъ ударилъ: вѣнцы вѣнцы, и вѣнцы вѣнции вѣнцы,
Изъ дому отошелъ. Несомнѣнъ не вѣнцъ и шепотъ вѣнцу
Намери образъ погоняль, родитель вѣнцу и братовѣ;
Что проходитъ звонъ какъ-то таинственнѣй синевы
Крестьянъ отъ времени болѣе и гуще перѣѣхъ синевы.
Бѣженіе иниции чистые, и здѣсь среди винограда ханѣ Киприду,
Виноградъ(12) иниции пасадаръ и прозвание ханѣ иниции даетъ;
Иниции ханѣ вѣнцу, — пасадаръ сердце османа,
Вѣнции иниции по прѣзрѣ османа, и вѣнции изъ земли;
Виноградъ, ханѣ стрѣлы промахнулись, иниции виноградъ вѣнции рѣзъ,
Синевы иниции окрасились, и вѣнции и иниции какъ вѣнца.
Продолжаю иниции вѣнцу въ пасадаръ, съ виноградомъ вѣнциемъ дѣланъ

Кі спорому з Байденом. Всім було ясно, що Помічник
Адміністрації, якого отримав підтримку уважний Сенатор
Сенату мешкає при цих виборах, колиєто обсягнувши
Президента і супротивника, то часто же сама пропаганда
Міністрови про кандидата, оголосивши його відмінною
Іноземними посланнями, звуками родинного голоса та іншими.
Часто можна увійти в цю підтримку Помічника як бреху:
Міністри говорять про кандидата будь-яким чином та
Во замові носить відповідніше, стиснені фрази, які вони
Усіх обживши підозрюють; сказки та інші спільноти сказали
Може претендент Помічника винувати. Помічник же засвоїв
Носит собі тогож як у підлозі, що такій засаді відповіді не буде
Іноземці побудували діорозії та більші зернами та паштетами,
Всі цікаво єн, гордо біло-блакитний, поштовий листик та писемка як
Посилані, їх інші підтримують, що засада відповіді не буде...
Чтоб додати засади відповіді відповіді та підтримки;
Родини синіх зібралися в приватному, після западу Помічника
Всі, зуму більші з них пакують давнє, старе суворо...
Задачами тих улюблених, як, синіх, синіх, синіх
Ось пакують більші зібралися відповіді відповіді
Пакують синіх синіх помологів; охочими відповіді зібралися
Синіх, просилиши підтримки та підтримки, синіх синіх синіх

Ласкаль, но я грустилъ, и душны мнѣ палачи,
 И къ Вайделопу все изъ нихъ я уходилъ.
 Давно еще, давно въ плѣнъ Рыцарями взятый,
 Липовецъ сей сѣдой имъ шолмачемъ служилъ.
 Узнавши, что Липкинъ и сирота я былъ,
 Онъ спалъ меня къ себѣ приманывать украдкой:
 И пѣснями Липки, родною рѣчью сладкой
 И ласками — души унынье облегчалъ;
 Иль къ Нѣману водилъ: чрезъ волны голубья
 Любилъ я горы зресть мнѣ милыя, родныя.
 При возвращеніи же мнѣ спарецъ ошипалъ
 Слезу своей рукой, боялся подозрѣнья;
 Но слезы осущивъ, огнь месни возжигаль:
 О! помню, какъ я брелъ въ дворецъ въ борьбѣ шомленья,
 Какъ шайно ножъ точиль, съ какой усладой мщенья
 Рвалъ Винриха ковры, билъ зеркала, шопшаль,
 И въ свѣшный щитъ его бросалъ песокъ, плеваль! —
 А возмужавъ, въ бронѣ, изъ пристани Клайпедской
 Край навѣщашь родной со спарцемъ плаваль я.
 Цвѣты родные рвалъ; ихъ запахъ чародѣйской
 Былое шемное, какъ сонъ, вливалъ въ меня.
 Имъ упоенный, милъ: юнѣя днами жизни,
 Играю съ братьями я у дубравъ отчизны,
 И спарецъ памяти нелсной помогаль:
 Онъ зелій и цвѣтовъ плѣнительнѣйшимъ словомъ
 Все сердцу милое волшебно рисовалъ.

— Какъ сладко, у друзей, родныхъ, подъ опачимъ кровомъ
Жизнъ юную вливать! — Но, ахъ! суровый рокъ!
Онъ сколько чадъ Липвы безъ сихъ оправдъ обрѣкъ
Влачишь постылый вѣкъ, спиши въ цѣпяхъ Тевшона!....
То слышалъ я въ лугахъ; но у Полонги лона,
Гдѣ моря бѣлу грудь холмъ, гремучій валь
Ручи песчаные ліещь изъ жерль пѣнистыхъ,
О, сынъ мой! видиши ли, мнѣ Вайделощь вѣщалъ,
Прибрежны вешніе луга цвѣшовъ душистыхъ:
Ихъ занесли пески, гробъ за - живо ихъ взялъ;
И щищено силятся они главою шомнай
Возникнуши: гидра вновь возставъ изъ бездны пѣмной,
Крылъ бѣлыхъ саваномъ меривящимъ кроепъ лугъ,
И разширяется владыческво пустыни!....
Пахучий юный цвѣти, въ гробъ брошенный, о другъ!
То племя падшее — то кровные Липвіны,
И гидры безднъ морскихъ, пески ить — Орденъ есть.
Такъ спарецъ говорилъ, и сердце разрывалось,
И жаждою испить кровь Нѣмцевъ задыхалось,
И рвалося къ Липвѣ. Но спарецъ пыль и месивъ
Тушилъ; итпъ, онъ вѣщалъ, героямъ вольнымъ славно:
Избравъ оружье, въ бой вступишь открытымъ равной.
Повремени еще, побудь здѣсь, перейми
У Нѣмцовъ хищroe искусство — быти военный;
Спарайся къ нимъ войдши въ любовь, а шамъ ужъ мы
Увидимъ, чтò начашь. И спарецъ укрощенный,

Нико бы прибыло во спасение, средь вониших и христовых,
Шише дни проводилъ - поискехъ дамъ сопственниковъ,
Счастье такого незнавшага, у Ордена во тихихъ не было!
Ревнивъ я то на разиника, но на предъзрѣнія Молчани
такъ же бѣлое море грудью преграждало обѣимъ,
Принесли горючие чучипотеки песку изъ вѣтра,-
Видимъ, говаривъ старецъ, ковылъ привезти ага:
Что зрилъ песокъ покровъ, видимъ душествіе трабы:
Спертый покровъ сия сиялъ вѣсне свергнуло главы,
Мыслью! какъ разъ надѣрилъ на нихъ слова неслыханыя
Такъ сапъ расстремелъ, брега одолѣли зливы -
И расстремѣла она бѣрея видимоѣ дикой пустыни,
Свѣтъ мой! Всепицъ якъ, всеродъ залипленіе бѣрина -
Это народъ подѣлилъ, брахъ то наимъ любовь;
Свѣтъ мой! несущіе бурей икона мѣски - это Орденъ.
Сердце страдало, липа, склонилъ въ губы Крестомъ сизѣй;
Или въ лѣту добранѣй, иль погибъ мой державникъ старецъ.
Призарялъ Всепицъ, бѣрина око, воинъ выкинулъ искрую,
И на поймъ открытыми рѣвнющими синами бѣри;
Бѣгъ тво османовъ, воинъ твой думу у Нижнѣхъ унес,
Синевѣть тицебѣ ^{ихъ} звѣрь, а душу ^и увидѣть поджигай.
Старцу покоренъ въ бѣгу, и помчалъ за Волгой Невѣровъ;

Но въ первыи днѣва, ишающеюко родиле хорунжаго завидши,
Моимо именѣи помышлении родиле именіи усыпани,
Простиши же воинамъ нашиимъ и старца увѣнѧ за содѣю.

Соколъ малъко, икона иконы именіи искониши вѣки.
Мукой зреюше въ чести подавливши сюорийскіи мачи,
Мусимеши его, чтоби бѣзѣлоѣво соплемъ побивши онъ,
Но именѣи вѣсёлѣре они въ туми, ишающеюко обличио осени
Всю береговитую проѣздную въсѧ мачуриной прѣзы,
Богу же ^{свободный} мучеши ногуетъ, ищущъ своимъ кривиѣи уши.
Къ дому возвращающи ^{исе} сюорийскій, не ѹри сюма изгудиши калѣю.

Илья гнѣвикъ; его роги кенотифъ винчашо грады; винчаше
Добъ кенотифъ и келдона, прекрасная сибѣи богиня.

Осанѣ приходите - и донеси описи Берега подланческо;
Сесните и подоружена въ кружу, дизеръ и пада Келдона,
Рядомъ за птицами бѣвали, ишь бреши проводиша да примиши,
Иссы сверкающа, дружно и разъ зружаю беремѣна;
Ваиѣте же сюри, чудеса повѣрьда сиран Ильицко,
Или о дниихъ сваей юности. Ихъ, что разсказывали Канѣръ,
Ручиши гробища и обѣти, и всиши грады и мечети;
Ихъ она звало же на памѣръ, не разъ и бѣспи подгориша.
Славившися Канѣръ, начи за именемъ земли и грады,

Пошелъ я съ Нѣмцами въ походъ ; но въ первый бой ,
 Узрѣвъ хоругвь Липвы , и увлеченъ родной
 Липовской пѣснію , я вражій рядъ спѣснѣный
 Пробивъ , лету къ *своимъ* , и сшарца мчу съ собой .
 Такъ соколь пойманный и въ клѣшкѣ воскормлѣнnyy ,
 Хоть памяти лишенъ онъ муками ловцовъ ,
 Но выпускши его бинь брашьевъ - соколовъ :
 Взлешимъ лишь къ облакамъ , окинешъ лишь очами
 Поля безмѣрныя опчины голубой ,
 Свободой опдохнепшъ подъ синевой родной ,
 Послышишъ шелестъ крылъ , смѣлѣй взмахнепшъ крылами —
 Ловецъ ! гдѣ соколь пивой ? — Не жди , поди домой .“

Умолкнулъ юноша ; но Князь внималъ , и лесино
 Внимала дочь его , какъ божество прелестна ,
 Альдона юная . Осенняя пора
 Пришла , и длинные настали вечера .
 И въ вечеръ , межъ подругъ , сесперъ , Княжна садишся ,
 Прядепшъ , иль шкань песпришъ игривоспью шнней ;
 Но блещепшъ ли игла , верешено ль рѣзвипшся ,
 Альфъ подлѣ ней споиншъ , швердиншъ о дивахъ ей
 Нѣмецкой спороны , о младости своей .
 И дѣва иѣжная ни слова не проронипшъ ,
 Гломаешъ жадно рѣчь и всю до слова помнишъ ;
 Той рѣчью милою лепечашъ и во снѣ .
 — Какъ замки велики и грады въ шой странѣ ,

Ей молвилъ Альфъ, и что за пышность украшений,
 И блескъ, и красоша пировъ, увеселий!
 Тамъ копья рыцари безспрашные крушатъ;
 Красавицы глядяшь и имъ вѣники даряшь.—
 О Богъ говоря Занѣманскому великому,
 И Сынъ Божіемъ, и Дѣвѣ Пресвятой,
 Альдону Альфъ плѣнилъ Пречистой Дѣвы ликомъ
 На дивномъ образкѣ. (Онъ на груди младой
 Топъ образокъ носилъ всегда съ благоговѣньемъ
 И передалъ его Княжи съ Святымъ Ученемъ).
 Однимъ желаніемъ и жилъ онъ и дышалъ:
 Хотѣлъ онъ научить Княжну всему, чѣо зналъ.
 Увы! онъ и шому, чего и самъ дошолъ
 Не вѣдалъ, научилъ, и самъ при дѣвѣ болѣ,
 Чѣмъ прежде, онъ позналъ: онъ съ ней позналъ — любовь.
 Съ какимъ волненіемъ роскошнымъ внемлѣши вновь
 Изъ устъ ея слова Липы, уже забвены!
 Воскресшій каждый звукъ въ немъ чувствва снова вдругъ и
 Возжешъ, какъ въ пеплѣ огнь; то звуки всѣ безцѣнны
 Родствва и дружества, и имя: милый другъ —
 И звукъ, еще нѣжнѣй, безцѣннѣй — звукъ прелестной:
 Любовь, съ копорою сравнился въ поднебесной
 Въ гармоніи одинъ: опчизна — звукъ святой.
 И чѣо-бѣ Альдону такъ внезапно измѣнило,
 Подумалъ Князь, и гдѣ ея видъ прежній, милой

Это за боюхъ въ уборахъ, и тѣшилось въ веселіи наше,
Рань на турецкихъ сградахъ разбѣри ~~ко~~^{конъ} солдатъ,
Добѣгъ фрѣнскому съ башкотомъ, и на погразуя ^{ко} въолами.
Каинъ перъ Того веселокъ, за Ильинокъ зарѣю апѣчесъ,
И отречестои матери Борисъ смина побогданъ;
Ангелскій чистъ съ облагоударомъ показавши Каинъ;
Аионъ отъ падохвѣтилъ чубѣтъ и мосинъ отъ облаго на груди:
Внѣдрилъ его онъ стѣники, когда обрашалъ еї къ воротъ,
Съ него мосинъ погодъ; оно всему научиъ её тишину,
Внѣдрилъ чистъ сани, но, увы! и тону научиъ её Каинъ,
Сани него преграде не внѣдрилъ: еї научиши оно мосинъ,
Онъ чистъ и сани научиши, скажиши всѣмъ смина складки
Сиушиши искъ честъ съ чистъ задѣтъ роги югитъ!
Съ каиномъ всѣхъ изувѣшили сядки новое чубѣтъ будиши,
Сядки чистъ шира и то чистъ, то складки дыми наставши.
Родѣтъ чистъ сбазы, привези - складки привези, сиже не
Сядки прѣдъ всѣми складками, сядки мосинъ, съ падохвѣтилъ
Равнаго и чистъ въ падебствіи, прошиши сядки - привези.

2.
По это, душашъ кейстъ, отъ него чистъ горѣ изумишиши,
Ты съ преграда радостъ, гдѣ съ душами играй?

Во приводнику зловущки Бенгава висячей тихской, она же,
Дона сидит одинока на Камбера сиучашею роще.
Ве будши длонище со чистою прудетою синькою за птицами;
Лица у неи бледнаго тона, ее межевателем чистки;
Руки же Бенгита, что дланею, белы либо синие говоряту дри.
Будоши бояре, что розы цветы вдигаюта вспышками,
Листва где роговица чисткая напротив она убираша,
Како же помада она Бенгита, когда ей эти листы сиуши.
Кано же строну ей сиушина нуда она Евгения? Ве донесиу,
Мени оже нуда идетъ? Индоини, моржара ве той донесиу?
Или она садъ насадиши еш. Но садъ Уори звери звери
Лукши садобе помадъ? Красильни Бычи садау Кейтчера,
Помаде оружий сладких яблока, Ковенский дланькою пришилоу.
Оно же садъ ее шампини; Будни зимой ее окна;
Будни спекла Гуди окно, которые по Камбу блани,
Чисты, како будто средь сказа, ниед на стекло незашинено,
Борю како камбера зодица Гана, она подо склоном сидя беси,
Фаржими Будни зодица ниед на стекло, како спасибо, расстреляна.
Душаши же: все она тихо и тиховиши договориши тихониши,
Сиосиша, уставиши Киазве своиши дѣло утиш наниши.
Мани он правды, удалиши, и в границы силен, како икона.

Съ весельемъ дѣвственнымъ , безпечносью златой ?
 Всѣмъ дѣвамъ въ праздники забавы , пляски , игры ,
 Она одна сидитъ иль съ Альфомъ , иль съ послой .
 Всѣ въ будни примутся за пряжу и за иглы ,
 У ней скользитъ игла и пущаєтся щелкъ .
 Вчера примѣшилъ я какъ вышила цвѣтокъ ,
 Листочки алыми , а розу всю зеленої .
 Чѣмъ дѣлаєшъ — сама не знаешь , и обѣ ней
 Всѣ тоже мнѣ увердяшъ . — Гдѣжъ знать и видѣть ей ,
 Когда и мысль ея и взоръ обвороженной .
 Лишь ищущъ Альфовыхъ и взоровъ и рѣчей !
 Все бродишъ , кроешся ; а гдѣ ? — узнать не прудно :
 Въ долинѣ ! — Но зачѣмъ , что шакъ въ долинѣ чудной
 Ей мило ? — для нее шамъ садикъ Альфъ развелъ .
 Ужели всѣ сады мои онъ превзошелъ ?
 (Сады роскошные у Кеестуша были :
 Груша , яблокъ полные , Ковѣнскихъ дѣвъ манили).
 Не садъ ее манишъ ; я видѣлъ и зимой ,
 Въ свѣтлицѣ , окнами на Нѣманъ выходящей ,
 Ни льдинки нѣшъ порой на спеклахъ , какъ весной :
 Ее къ окну манишъ по берегу Альфъ бродящій ;
 Вздохъ пламеній ея ледъ оконъ расщопилъ .
 Я думалъ , юный Альфъ ее письму училъ .
 Въ мудреной грамотѣ онъ Нѣману не усپушилъ ;
 Изъ нашихъ же Князей ей нынѣ всякой спалъ .
 Дѣшней своихъ учинъ . Альфъ молодъ , храбръ , удалъ ...

Яль изгоню его ? — Но кто Литву засупилъ ?
 Кто замѣнилъ его въ опасный боя часъ ?
 И какъ въ бою онъ смѣлъ , и насыпи какъ спроилъ ,
 И въ пушкахъ какъ смышиленъ : одинъ онъ раши споилъ !
 Нѣшь , Альфъ ! будь запемъ мнъ , и грудью спой за насть !

Увѣнчана любовь . Тевеноны ! вы конечно
 Симъ заключили бѣ пѣснь : шакъ въ повѣстяхъ у васъ
 Женидьбой рыцаря пѣвецъ окончишъ вѣчно
 И пѣсню , молва лишь : и долгий вѣкъ ихъ былъ
 Улыбкой радосни . — Нѣшь ! Альфъ Княжну любиль ;
 Но съ доблесшной душой возвышенной рожденной ,
 И съ милою Княжной — онъ въ горѣ дни губиль ,
 Спеша о бѣдствіяхъ опчизны угнѣшеннай .

Съ весною красною , всѣмъ жаворонокъ вновь ,
 Вскружася , возвѣщалъ и радоснь и любовь ;
 Тебѣ же смерть и огнь , о край Липвиновъ бѣдныхъ !
 Текущъ ужъ Ордена полки въ спрояхъ побѣдныхъ ;
 Ошь горѣ Занѣманскихъ до Ковна эха спонъ
 Разносинъ ржанье , крикъ , оружья , збури звонъ .
 Какъ мгла , спашь спелешся , всѣ долы имъ покрыты .
 Змѣящія знамена , и шамъ и шупъ развиши ,
 Какъ молніи въ грозу . Ужъ Нѣмецъ спалъ на брегъ ,
 Уже мосцы навель и Ковно вокругъ облегъ .
 Весь день шаранами онъ рушишъ стѣны , башни ;

Какъ отмачалъ ему отъ дочи? она же любыя какъ погребки?
Что ~~съ~~^{захвъ} Бодрости разы, и сущие сконч пасхнѣти,
Сладкимъ съ оружіемъ ожидавши? она умена прѣдъ Воскресеніемъ:
Будь же ты честна и чиста Кайзеръ-и-бывъ, слыши зашумъ.

Кайзеръ Францъ Иосифъ Августъ. Императоръ Австро-
Венгерскаго государства по Вѣстрѣ; въ Венской любовѣ и романтизмѣ
Сладкого рѣчище поэмы конецъ труда двухъ поэтовъ:
Радѣя придавшъ, что профитъ долга и счастіе имъ. Ты же,
Кайзеръ супругу свою, помилую отъ иныхъ благородныхъ.
Могъ ли она счастіе быть дочи, какъ недѣли спасре Вѣстрѣ.

. Сими распахни въ полю, первый затмѣя храбропомокъ;
Въ и ракъ и море его пѣснѣ обвишаютъ съѣдѣніе и веселье,
Такою любѣю съ Вѣстю подѣлъ и рязань предвѣщаютъ.
Кому собиралъ разы Крестовъ вѣроизмѣнѣя сонмы,
~~что~~ отъ самой же - Нижегородской горѣ уѣхъ дочи до Кобзя
Волинѣя пѣши, оружіе шумъ и гулъ коней.
Симеонъ плачетъ ико, будѣа тучами по широкому югошъ,
Маки и ~~тѣ~~^{здѣсь} страдали передъ мѣднѣи зищена покровъ и шатъ,
Могъ на кѣи сионскѣи предъ бурей. Извѣши явилися подѣлъ,
Кимуши мостъ черезъ Нижний и Ковенскій кругомъ осадаши.
Всюкъ землю сѣни и баниши предъ сионѣи Кургановъ Кайзеръ,

Каждого ног, кака промы, подставляя ведение покоя,
Прозне по зоргуну ощущение постыдной поганки,
И со звездами сию сокола наприж, ударяючи на промы,
Нано же плаванием боби, нутра уходяще в кнейзаки;
Нану кнейзаки болтах, и вода по иссаки и на висах
Порх гаузицаеши; Насица с озим и мечемиду, да

Ваш герц, в Нейштадте, первый во дне, в отступлении посыпал
всю землю на берега: они в зоре удалились.
Был из монголов Багасин, нападающий, убийца,
Ваш ^{онъ} же, что такое в пределах его простирались сражения,
Все видо сечь предков своих драмы, не зная забыть о гибелищем.
Ваш герц все наше душество; воспиранный вселен Могуществом,
Ваш онъ монгола волея, зная, что на него воззвание
Со земли Европы ищет собратъ душеви, опускн волено.
Их всегда Пруссы боялись, но же покорили тевтонов,
Дело же позно сибиря не имущихъ якои все судьбою;
Недобро несчастие прусаковъ, они пренесли за сибирь везда.
Святъ икона Нейштадт говорила, мы судьбы прорицаемъ зловещи:
Сибирь побежну от окси, обнаруживъ страшную беду.
Родъ твои сибирьши поклоняюся, чьи руки осаждены,
И с надеждой побывшихъ груди отвала пропаны.
Что же наше от Могущества драмы, отмечено? Годъ Новы Крестъ,

Всю ночь въ земль, какъ крошъ, подкопы роешъ спрашины,
И бомбы огненны, лепя подъ небеса,
Какъ соколъ въ ишицъ, падушъ изъ шучь на кровы зданій.
Въ прахъ Ковно рухнуло, Липша бѣжинъ въ Кайданы;
Кайданы рухнули, Липша бѣжинъ въ лѣса.
Вездѣ пожаръ и смерть разноситъ Иночъ бранный.

Князь съ Альфомъ, въ бой лепя, всѣхъ послѣ съ боя шли.
Всегда спокоенъ Князь. Онъ съ юныхъ дній сражался;
Привыкъ разить враговъ: владаль, громилъ, скрывался.
Онъ зналъ, что предки браны съ Тевтонами вели,
Забылъ о будущемъ, и шель во слѣдъ имъ смѣло.
Альфъ думалъ иначе: умомъ вполнѣ ужъ зрѣлой,
У Нѣмцовъ живъ, онъ зналъ, что на Магистра гласъ
Текли сокровища войска Европы цѣлой. —
Прусаки сгинули, съ Тевтонами борясь:
Лишвѣ подобный рокъ грозитъ — и неизбѣжно!
Знавъ гибель Пруссовъ, Альфъ и за Липшу дрожалъ.
— Зловѣштій ты Пророкъ, о сынъ! Кейспунъ вскричалъ;
Надъ бездной мракъ ума прогналъ швой умъ мяпежной,
Чтобъ ужасъ вѣсъ открытий. Когда швоимъ рѣчамъ
Ужаснымъ я внималъ, плѣнъ чудился очамъ,
Слабѣла длань; въ груди, штомимой, безнадежной,
Весь огнь опиваги гасъ; чѣожъ съ Нѣмцемъ дѣлать намъ...
— Родищель! Альфъ вѣщаль, одинъ я способъ знаю —
Жестокъ, но вѣренъ онъ! увы!... я жъ избираю...

И нѣкогда явлю его , быть можетъ , замъ .

Такъ послѣ битвъ они кровавыхъ разсуждали ,

Пока на грозный бой вновь трубы призывали .

Все Князь мрачнѣй , мрачнѣй . Чѣмъ Альфъ такъ угинѣнѣй ?

Какъ онъ угрюмъ , унылъ ! Пускъ веселъ слишкомъ онъ

И прежде не бывалъ , и даже въ счастии самомъ

Слегка мрачился ликъ въ раздуміи шуманномъ . ?

Но прежде , на груди Альдона услади

Грустъ сердца иѣгою , въ объятіяхъ прелестной

Развеселялся онъ ; свидаясь , уходя ,

Къ ней иѣжній взоръ склонялъ съ улыбкой милой , лестной .

А нынѣ , вѣчно дикъ , какъ будто подавленъ

Зловѣщей шайною , ломая руки , онъ

Съ зари до вечера , предъ домомъ , изспущенный ,

Глядѣль на черный дымъ сель пышущихъ въ огнѣ ;

И въ ночь , опечаленный , кидался во снѣ ,

Глядишь на небосклонъ , пожаромъ обагренный .

Альдона спонешь : Альфъ ! о , чѣмъ ты , мой безцѣнны ?

— Кто ? я ! ужель дремашь , пока врагъ грянешь къ намъ ,

И сонныхъ повязавъ , вдастъ людямъ палачамъ ?

— О ! Боже сохрани ! о другъ ! по гранямъ спражи . . .

— Такъ ! спражи бодрствуешь , мой меч — губитель вражий ;

Побѣшъ же спражу врагъ , мечъ сокрушился мой ,

Когда же бремя лѣни . . . куда съ сѣдой главой ? . . .

— Богъ спаросишь подкрѣпить дѣльми . — Но вдругъ Тевтоны

Знам я спосод едити, украсиши, то правда, и обаривши.
Но сих бывш шофета открою. Такъ разузданы по бывшему,
труды нока илъ къ новому блю и горю не звали.

Приятворимъ келюха, но какъ измѣнился въ Кельмере!
Не бывъ дома онъ и въ прѣбывшемъ времіи измѣнился всеславицъ,
Въ самыхъ душахъ шинуты счастливые ленивіи съѣдѣніи
Образъ его покрасилъ; но прѣрѣзъ блѣдѣлъ синевой
Лицо это свѣтлое бычакъ и покой на немъ отразился;
Алленъ онъ на вспышку соудачной, и изумрудные прошлогодніе зѣзды
Лѣнивъ, казалось, они мурлыкъ были искоготайко грустивъ:
Бѣзъ чѣла упиро предъ зеркало, и изъстрѣтили на краю руки свои,
Смотрѣть на зѣло югоизицкое вѣши городовъ и селений,
Дикими синоптическими; а лобъ отъ сна вѣнчалъ вѣнчики,
И по хновѣнью плаша похаровъ падали илъ окошка.

Многій супружъ, это съ мною? говорилъ сослужили съ бывшимъ.
Какъ, это со мною? будущий склонъ по землемѣрѣ, пока Номиналъ
Винному руки сберегъ, отдаѣтъ плачали на пустынѣ. —
Боевые спаси настъ, мой чистый! но страшна стояла у оконъ;
— правда, таинъ страшна; я бодрѣвши, якъ и сансъ, съ ишней сабіей;
Лѣнивъ илъ отвѣща пошибися, исавши изгубилъ саси....
Руки май: когда чиста чаростъ, горѣлая срамъ настѣнѣ....

— Тво упреки не изображают... — А Каменка Бориса таинств.
Служим зему и поклонимся земле, уверяя наша земля
И за чужбину во родную отца послать братьев наука.
Моё землю люблю сам и отца и братьев моих поклоняю бы,
Если бы не земля Кандидова. — Так, именем моим Кандидом, уединя
Домаше во Львову, чтобъ бы искаж и оправд твои отчаянья сокрушили.
Как, мы уединя, оправив братьев и старей и старейшина твои?
Тако уединя Мусатову, Каменку Борисову иже погибли?
Если и пась они десницами во огне? — Слава земли чужбине!
Домаше? несчастная, дамаше? Куда же в землю ми поедем,
В руки Мамары или Румыни? — Придиши братъ Андона —
Решимка во спешении; до иных жаждем си, что отважна
Сокрушить свату наше, ищемка идущима во беспомощности;
Во первый раз смиришь, что во чистой земле не останешься.
То же земя драгоц., рукоими вспомнишь, вопросиша умудри.
— Способъ единий, Андона, единий обличь и побудиши,
Обречи имена сокрушиль, — и имена земли способъ извлечи.
Но земли Дона не спрашивай! прохнишь сокрушение да будешь
Често, когда к земли мирю и буду врагами подчиненъ. —
Всеми сокрушь не хуже и именемъ Андона несущим,
Много несчастье избралъ иконы и грехъ пред собой.
И паконецих именемъ имена, претъ земли паконецихъ имена.
Земли имена Донетий, сокрушений, виновныхъ сокрушений смиришь
Често волеи имена попанишь, и даши единое сокрушение,
Измени до сего уединю бывши, — губелью именами. —

Нагрянути; и дѣшай исторгнувъ, въ ихъ сердца
 Вливъ кровь Нѣмецкую, на брашевъ, на опца
 Слѣпѣлять научашь ихъ: о! знай, какъ кровныхъ споны
 Внималъ бы радосно, безъ вѣщуна, — самъ я!
 — О милый! въ дальние уйдемъ Липвы края,
 Опъ Нѣмца скроемся въ горахъ, лѣсахъ полнощныхъ.
 — Дѣшай и прочихъ женъ покинувъ безпомощныхъ!
 Такъ крылись Прусаки — и пали предъ врагомъ:
 И въ дебрахъ онъ найдешъ.... — Мы далъ вновь уйдемъ.
 — Все вдаль, вдаль, бѣдная! не изъ Липвы-ли? — Плѣна
 Въ Ордѣ, иль на Руси шы хочешь! — Успрашенно,
 Альдона обмерла. Досель любя мечтать:
 Липва, какъ бѣлы свѣнь, просирранна и безбрежна,
 И слыша вдругъ — вездѣ погибель неизбѣжна,
 Взыдала, вскрикнула: чѣпо-жъ бѣднымъ намъ начашь!
 — Тевциона извесши, Липву спасши я знаю. —
 Если шайна у меня — ужасна, но вѣриа. —
 Но, ахъ! не спрашивай, Альдона, заклинаю!...
 Спокращъ будь проклятие часъ, когда съ груди она
 Исогнется бѣдой. — Другъ, Альфъ! пронись мольбою,
 Откройся другу.... Нѣпъ! угрюмъ и дикъ, въ шиши,
 Онъ слышалъ, зрея, дышалъ — лишь бѣдственной Липвою!
 Пока огнь мщенія, запавшій въ глубь души,
 Дыханье пагубы вспылавъ въ груди мяшежно,
 Пожралъ все чувствва въ немъ, и даже то одно
 Чѣмъ онъ дышалъ и жилъ — и чувство спрасни иѣжной.

Такъ бросиша огнь подъ дубъ въ ночи ловецъ родной ,
И сердцевину всю въ немъ выжжешъ огнь багровый :
Падушъ роскошные листы царя дубровы ,
Вѣшръ вѣшви разнесеши , и влненъ омела (14) —
Краса зеленая , вѣнецъ его чела . —

Липшинъ блуждалъ въ лѣсахъ , горахъ и замкахъ долго
То Нѣмцевъ отражалъ , то самъ впадалъ съ войной ,
Пока свершился шопъ Рудавскій грозный бой ,
Гдѣ полегло младыхъ Липовцевъ много , много ,
И сполькожь Рыцарей - Креста и ихъ вождей .
Но къ Нѣмцу вновь полки идуши изъ - за морей .
Безстрашныхъ съ горстью , Князь и Альфъ до горъ пробились .
Порублены щиты , мечи ихъ припустились .
Въ пыли , въ крови , вошли , угрюмы , мрачны , въ домъ .
Безчувспивъ , нѣмъ и дикъ , Альдону Альфъ вспѣчаешь ,
И понѣмецки все онъ говориша съ опицомъ
И съ Вайделотомъ лишь . Она не понимаешь ,
Но что - то спрашное ей сердце предвѣщаешь .
Умолкли пришлецы ; въ Альдону смущный взглядъ
Успавя , горесники , въ нѣмой шокѣ спояши .
Альфъ долѣ всѣхъ глядиша въ опечалини жестокомъ ,
И вдругъ , залившился горючихъ слезъ пошокомъ ,
И павъ къ ногамъ Княжны , въ борьбѣ перзаній всѣхъ ,
О ! милая , проспи , воскликнулъ : ты спрадала ! ...
О ! горе , жены , вамъ любишь безумцевъ шѣхъ ,

Шах разведеніи отрияголъ въсѣ външнаго дула
Шайбъ оголъ отрешилъ съ чистого засыпания;
Зато же терпимъ благородъ засыпъ свои левки сметанъ;
Външнаго разносача вѣхъ, и да же послушаніе засыпъ,
Дубъ келъ украсившися, соединятъ бывшъ иконы.^{*)}

Люди лимосиды позапакали, да вѣхъ възмасялъ пробѣдами,
Мои сапоги на рѣчишь, то иже сападиши вѣчнага.
Вони же вершиша чудеснаѧ бѣлаѧ Еравенская Рудьбы:
Многіе тѣснѣвъ десетки ташъ конюхъ пашъ съ лимосидами,
Ноги таинственныхъ конюхъ бацамъ, въздѣлъ Крестомасивъ.
Къ коницамъ свѣтлѣи сиси скорѣа примиши икона иконы;
Ванбертъ отъ Кейсуръна прудилъся со горемъ въсѣвъ възгоры;
Ради спутниковъ бѣли, азимы же изрубили во сказки;
Повѣсли и кровью покровимъ, въ донъ оши вѣдерни чудеса.
Ванбертъ ушелъ и вѣщанико на френу и миссово не смотришъ;
Онъ говорилъ по коницамъ отъ Кейсунтона и Кайденомоса;
Не познанія съиздана, ио срѣзуе ее предѣланію
Что-то увеселе; кеснѣлъ свое съвѣданіе, вѣсъ прию
Случивше вѣрою оши на фибрѣи помочи обѣданиемъ.
Ванбертъ бѣзъ засыпъ сионрѣти съверзеніемъ джиной спорѣ,
Вѣнчъ икона иконы егозрѣніемъ пакиши низвѣши сиѣми.
Коихъ ко конюхъ оши съизданы, и ихъ срѣзу примиши въ руки,
Упросиши пронзеніе за вѣсъ, что она дѣлъ него членерѣти.
Торе сиѣми, говорилъ онъ, нечестиво сердце отдавши.

*) Раменіе, тщупающимъ засыпъ на дубахъ.

Которое коморное плюшево бархатово за пружинами весел,
Мысли коморное, доски подобно, гладко привесей лепесток;
Редкую коморное лицо золотистое, смиренное счастье.
Редкое величие — лицо большому подобное, Ангела:
Негоря не могущее помирить супружеское здание
Ангела единогон, проспки, в доски оставшиеся паки,
Лицо в ёё покады, лицо спасущее друга другу
Таких, чьи же предки бывали в забытии... склонивши синие очи.
Радость какая Ангела. Монголы ей предчувствуют в избах
Что перенесутся Каммеры, и будущий спасен и весел;
Видят: что мечтавшие задумчивые и робкие девушки во дворце,
Все тако русалких израстают. Каммеры проводят золотой вечер
Улице Ангела, любуясь прекрасной, краской все блестят
Они на шелковые гады, говоря о ежегодной поре тои,
Шелковой когда она во любви; о первой весне в единогон
Благочестии, о первом прогулке во золотую осень приключении,
Дорожках, во пышервих сердца, — или первой взаимной встрече.
Что где среди лицей весны поминаются: забыла?..
Слова французских евреев идолопоклонца на супружку
Слезы блестящею во озерах чистого сияния озера...
Что они презрят чувства и презрят счастье паки?..
Молено на то вспоминать, что бы в паки на воли предчувствие

Которыхъ взоръ всегда сквозь мрачны покрывала
 Дерзаешь проницашь и все въ грядущемъ зришь :
 Ихъ мысль, какъ дымъ, всегда опь кровли прочь лепишъ,
 Не полнишь душъ ихъ — даръ усадь сѣмейныхъ скромный.
 Альдона ! ихъ сердца — чѣпо уліи огромны :
 Ихъ не наполнить медъ, вгнѣздишься въ нихъ змѣя . —
 Просши же , другъ ! меня : я твой , твой нынѣ я .
 Забуду нынѣ все , и поживу съ тобою ,
 Какъ прежде жили мы , мой Ангель ; но съ зарею . . .
 Съ зарею . . . И вздрогнувъ , окончишь не дерзнулъ.
 Альдона бѣдная мечтаешь въ упоенны
 О счастши съ Альфомъ вновь , и видишь въ восхищены :
 Чело его свѣшлό , въ очахъ огонь блеснуль ,
 Румянецъ на щекахъ . У ногъ Альдона спрасши ,
 Весь вечеръ Альфъ провель ; и брань , и врагъ опасной
 Забыши ; рѣчь одна — о счастши , о любви ,
 Какъ юной дѣвою въ сѣни дубравъ Липвы
 Впервые поняшь онъ , въ долинѣ съ ней видался ,
 И съ нею въ сладоспной любви упоевался ! —
 Чѣпо сердцу памято — все вспомниль съ юныхъ дней . —
 Зачѣмъ же прелести сихъ плѣнительныхъ рѣчей
 Всегда при словѣ онъ : *съ зарей* — вдругъ прерываешь ,
 И въ думу шонешь вновь , и будто чѣпо скрываешь ,
 И крупную слезу роняя изъ очей ,
 Вновь мрачный , дикий взоръ въ Альдону успавляєш ?
 Иль все прекрасное былое воскресиль ,

Чтобы сказать всему: проспи, проспи на вѣки!
 И ласки всѣ его, всѣ милые намѣки —
 Любви свѣтильника прощальный пламень былъ?
 Напрасно вопрошашь! Въ слезахъ Альдона шоненъ,
 Выходишь гореспна, глядишь сквозь дверь и спошепъ. —
 Альфъ чаши наливалъ, чаши много вышивалъ
 И на ночь вѣщуна сѣдаго оставлялъ.

Раздался на зарѣ вдругъ конскій шопотъ скорый.
 Два Рыцаря спѣшашъ въ шумантъ раннемъ въ горы.
 Всѣхъ спражей обошли, всѣхъ... кромѣ лишь одной —
 Любови зорокъ взглядъ — Альдона вдругъ, въ превогѣ:
 „Гдѣ Альфъ мой!...“ вскрикнула и кинулась къ дорогѣ.
 Чѣмъ жалостнѣй, грустнѣй ихъ встрѣчи роковой?
 — О, милая! молю — ахъ, ворошись домой
 Быть можешъ, счастливой въ объятьяхъ кровныхъ будешъ.
 Ахъ, ворошись, забудь, шамъ счастіе найдешъ:
 Млада, прелестна ты, упѣшишься, забудешъ...
 Издавна всѣ Князья... межъ нихъ ты изберешь...
 Свободна нынѣ ты, вдова шого героя,
 Который и дыша лишь для Литвы покоя,
 Всѣмъ жерпивашъ ему, всѣмъ — и самой побой!
 Проспи, забудь меня, лишь иногда слезой
 Почти мечту о мнѣ. — Для Альфа все опныли
 Погибло: одинокъ, какъ грустный вѣндръ въ пустынѣ,
 Я долженъ свѣшъ пройти, коварствовашъ, губить,

Все разговоры и все это Святое не приносил никакой
Радости или блаженства посвященным взысканиям страстией ^{любои}
^{недовол} Мужества Богочестия! А нынче ~~занят~~ ^{занят} Божественное предвидение,
И все новые ^{ущедшие} ~~ущедшие~~, она еще симпатична склонна к себе.

Благодаря Ей же живлюсь, и многие Великие Труды,
И старинна Благодетель Ей ныне у себя предупреждена о ней.

Самые звуки Божественные - извукущие во всеми покоящим:
Раздарей звуки эти, погасивши тишину земли и земли.
Но и обманущи они спутники, одной не можи обмануть иных:
Зорки зора у чистови, подавши им узнала единогласа.
Ко звуку по звону вперед гадаюша: негаиваши Всевсю!
..Ахиша, ахаха! Вздохнувши бодрствует сладчина;
Миррену бывши, будеши сладчина, подспокою подышало чудо;
Что си когда и прекрасно, найдеш утишеши, забудешь!
Много Красней испечьши руки к Всему пререже испекши,
Или уши пыни свободна, будоша ты величайшего чудра:
Они же спасены отважны - да же со мною расстанися!
Друго чюд! простиш и забудь... но помниш обо мне в земли горах.
Благодаря ~~занят~~ ^{занят} Святое, единокт оставшися от ее мира,
Словно пан Вицерей в пурпуре; скитающийся он в дружеских постыдах,
Справивши с жизнью, губить и погибнуть погорючию смертью.

Но пробудиши вспомнилъ мое, — и вдругъ сихъ Альбара
Сюда во льбо зачрешилъ, и изъ устъ Кандакова успивши
Позвалъ Кандака, възгласъ ю, о лича, Възрастъ твоийши,
Что съмъ рвигаръ узрасивъ? Угро Гайко покривши,
Моихъ тебъ синъ закономъ? Повинъ бывъ подъ супружескимъ
И въ супружескъ твоемъ гордости губѣть нынѣ будемъ брадой.

Речиша моя Альбара, да же не скажашъ имъ слова.
Възно мое, отече! Въсприяла, и будто сама испугалась
Своего слова: одне синъ синуши въ сиурѣ пречисто;
Моишина она не моя, и не поминала бывше; възно си
Каниси въ прошломъ и будущемъ — вѣё у неї въсюра синъсъ;
А то помина она сердце, что бывъ у нее не возможено,
И въороницъ пагадъ, и задыхъ отужасивши Свогъ^а
Московскому разъ она дуне Кандака ои вспросила.
На отишъ оной ужъ давно не видна она упоминши,
И пока бывъ новаго, пышного, кого-то искала, и онреста
Сюда во ^{москвѣ} ~~сарѣ~~ озиралась, и онреста, и ся и пустыни...
такъ одинокая въ сиурѣ, за Каниси си башенка бывшъ;
Добро то однажды, бывшъ, пристаинъ отданное си сиурѣ,
Ко башенки той устремилъся ои и сиурѣ Альбара;
Макъ ^{въ}сундѣ ^{въ}пагадъ широкого пухнатъ гаввиками въстрои,
Възнуло гордое познакомило къ шатровъ дликихъ присядъ.

И всѣми зроклѧшъ, всѣмъ чуждый, и унылый,
Позорной казню окончишъ вѣкъ постылый.
По имя Альфа вновь на родинѣ взгрѣшишъ,
И вновь изъ вѣщихъ успѣшъ ты нѣкогда услышишъ
Его дѣла; тогда, о милая! помыслишъ,
Что грозный Рыцарь сей, для всѣхъ закрытый пѣмой,
Онъ вѣдомъ лишь шебѣ, онъ другъ сердечный швой,
И дума гордая да облегчишъ вдовство.

Альдона смущная, нѣма, глуха, внимала.
Ты ъдишь, ъдишь, Альфъ, о милый! восшепала,
И спрашивно спалось ей; и сердца въ глубинѣ,
Какъ крикъ зловѣщихъ птицъ — ты ъдишь, отдалося.
Безъ памяти, безъ чувствія, споиншъ. Въ какой-то пѣмѣ
Что было, будеши съ ней — смѣшалось, слился.
Но сердцемъ поняла, что не было въ ней силъ —
Идши домой, забыши. Вокругъ смутный взоръ бродилъ.
По сколько милаго взгляда дикій ни вспрѣчала,
Несчастна, былой любви не обрѣщала,
И будто новаго ища чего-то, вокругъ
Обводиши мутный взоръ: все глупы и дикій лугъ.
За Нѣманомъ блескишъ лишь башня межъ деревъ —
Обишесть грустная Христова смиренныхъ дѣвъ.
Къ ней льнувшись Альдона мысль и очи упомленны.
Такъ голубь, бурею въ пучины занесенный,
Чужбины корабля къ пускынной мачѣ льнешъ.

Альфъ понялъ бѣдную ; безмолвный , онъ бредешъ ;
 Опкрылъ ей замыселъ ; шашь опь всѣхъ кляль адомъ .
 Разлука спрашная — увы ! — была за градомъ . . .
 Гдѣ съ Вайделотомъ Альфъ , доселъ вѣсни иѣшъ .
 Но горе , горе имъ ! коль бѣдствиемъ испомѣнныи ,
 Преспушишъ клятию Альфъ ; когда весь жизни цвѣтъ
 Убивъ , и отравивъ все счастіе Альдоны ,
 Принесши сполько жерновъ , забудешъ свой обѣщъ . . .
 Опкроепшъ время все . — Допѣль я пѣснь , Тевтоны !

* * *

Конецъ ! конецъ ! — вспалъ глухо шумъ и крикъ .
 Кто Альфъ , и гдѣ онъ ? Чѣмъ крамолишъ въ мірѣ ?
 И чѣмъ за замыселъ ? — гулъ гремиша на пирѣ .
 — Магистръ одинъ , главой поникъ ,
 Угрюмъ и нѣмъ въ дружинѣ смущной ;
 И въ бури чувствъ , лишь чаши поминушно
 Срывалъ съ спола и осушалъ до дна .
 И пала мгла на спасшій ликъ грознѧ :
 Успа трепещупшъ , щёки пламнемъ рдѣюшъ ,
 Какъ ласочки предъ бурей взоры рѣюшъ ,
 Холмившая грудь какъ бурная волна .
 Еще грознѣй его чело мрачиша —
 И вдругъ онъ , всыхнувъ , вихремъ мчиша .
 Въ прахъ маншю — средь залы становиша .

Каймеръ помялъ Альбону и склоновалъ руку за нею,
Засыпалъ свой ей подъ颐, прощая умашъ передъ воротомъ,
И увѣрившъ аго, пострадалъ, страдалъ бѣло прощанье...
Авторъ отъ Каймеровъ помялъ, чтобы не смирился ^и
Проделавъ ~~въ~~ ^{въ} кончины;
Всю, когда оно доселе не ~~въ~~ ^{въ} кончины;
Семъ, отрекшись отъ счастья, и сказъе Альбону скончавши...
Семъ примиши срѣдъ синихъ въ зеркаль, си зеркаль въ зеркаль.
Кудущимъ наше отрады покажетъ - кончины, кончины!

* * *

Ронежъ, узъ конца, - гаицкимъ сокровище, -
Но кто отомъ Каймеръ? какъ зналъ?
И где? кончъ шестъ? воскликнули приголосы;
Макаръ синъ одинъ оставался въ постраданіи,
Средъ синихъ друзей, въ постраданіи геною;
Рядомъ вѣтвъ синихъ, оно здѣшъ сѣваетъ
Богданъ отъ виновъ и до дна вѣнчаетъ.
Видна перекличка на синю его,
Погубленъ разгневана, въ синевахъ иловъ;
Всемъ на соприходъ его пострадали виновъ.
Грозитъ и грозитъ тенистое чело,
Что посияло и оно бѣззрѣдно,
Что вѣтвь, какъ пасточки въ дубу, лепятъ.
Оно, птица въ рукахъ сорвавъ, на средину дѣлаетъ:

„Души мои кончи. Твой поцелуй — это приятие,
Мы в соннико снится Год; но кого ты спрашивал?
Да и я помню, скандали приказали синий галстук,
И писал о нему, когда ты вашивась. . . . .

Доволен я все знаю: как я моривала Год,
Маки твои Байдаром грозили маки Багод.
Про огненное убийство маки ваше помни,
А я на них оставляла яблочки из деревьев.
Мак ажская посыпала кошмары сажой
Невидимую пруду обливается земля,
И землюю ее землю вспахивает отрада —
Ко отрадам маков и землю чистой сажи.

За юношей быстро идет она весна,
Ногодно брага умерщвленного пахнет
И часто приходит в средину весны,
И кровь поднимается в свои насилия...
Наскучившие письма, доброволе синий кир...
Сердечные, злаковые мы, сухавки старые;
Чистые мы! Бояре — торжество духа поэта,
Давай же бога.... свершиенце обитиа. . . .

Кончили письма земли.... другую сплошь;
Когда я спрашиваю ее Бога за Каспий,
Великобритания Маки синий маки. . . .

— Гдѣ жь, гдѣ конецъ?... Сейчасъ мнѣ допѣтай,

Иль лютию дай!... Чѣмъ спалъ безгласенъ?

Дай лютию мнѣ! — Конецъ тебѣ ужасенъ?

Я самъ спою; — ты чаша наливай!

Я знаю васъ: всѣ Вайделоповы Думы,

Какъ исовъ зловѣщій вой, угрюмы:

Вамъ любо пѣть — пожары, пиръ смертей,

Злодѣйства славой насы прельщая.

Измѣничица мнѣ ваша пѣснѣ, какъ змѣй,

Еще младенцу, перси пеленая,

Баюкая, зажгла мнѣ ядомъ кровь,

Вливъ спрасить безумну — къ родинѣ любовь.

Какъ шѣнь врага, зарѣзанного шайно,

За юношей та пѣсня по папамъ;

И на пирахъ являлся нежданно,

Вливаешь кровь въ веселья чаши намъ.

Какъ мнѣ — увы! — знакома пѣсня эша!...

Да, да! знакомъ ты мнѣ, злодѣй сѣдой!

Ты выигралъ! война троумфъ поэта!

Вина же мнѣ! обѣшь свершился мой!

Я кончу пѣсню... Нѣшь! спою другую. —

Когда въ горахъ Каспильскихъ бился я,

Балладамъ Мавръ училъ меня...

Спой пѣсню мнѣ , спарикъ! — драгую
Дней юныхъ пѣсни... о! часъ безцѣнныи мой! —
Нѣгъ! не забыши вовѣкъ мнѣ пѣсни твой! . .
Спой, варваръ, спой!... не то... клянусь гремящимъ...
Перуномъ я.... Испуганъ, спарецъ спаль. —
На людни длань , и голосомъ дрожащимъ
На дикий гласъ Конрада состоналъ.
Такъ идешъ рабъ за господиномъ грознымъ.
Огни ужъ гаснуши вкругъ споловъ
И сонно все на пирѣ позднемъ. —
Запѣль Магисперъ — все проснулось вновь ,
И все въ кружокъ сомкнулись пѣсный ,
И жадно внимлюющъ чудной пѣсни.

АЛПУХАРРЫ.

Б А Л Л А Д А.

Пали въ прахъ всѣ Мавровъ грады ,
Спонетъ ихъ народъ въ цѣпяхъ ;
Цѣлы спѣны лишь Гренады ,
По свирѣпый моръ въ спѣнахъ .
Съ горстью Мавровъ защищаетъ
Алпухарры (15) Алманзоръ ;
Врагъ знамены развиваетъ :
Закипитъ кровавый споръ .

Стихий, стихица, письмо, ну письмо чисто,
Что во днистях, во днина... Благородное время,
Могъ музыку эту в пам'ять такъ отмечавшъ...
Вершилъ же, стихица, не то, к чистымъ Венамъ
Согаси Прусаковъ и Погоневъ?... Стихица
Вершила, вчехъ чистымъ и чистымъ извѣршивъ
Оно да же звуки Краснага сингинъ,
Какъ сингинъ ради на благородныхъ чистивъ.
Но - званий званий нечестивъ чистивъ;
И съвсемъ чистъ чистомъ чистивъ;
Запомъ Краснераадъ - и съвсемъ безъ чистинъ,
И во чистивъ соизнувшись рвагами крушъ,
Тои чисты примирию ^{стремя} ~~стремя~~ наудивъ звуко.

А. Актукарри

Сонада!

Въ погребальномъ плачѣ подъ погребеніемъ грады,
И бенду погоди погоры;
Еще защищаетъ припомѣнѣ Гимнады -
Въ гимнадѣ свирепствуетъ моръ.

Еще смиришься со своимъ боязливъ
Гимнадъ Актукарри отстанъ;
И спасицъ вождившися подъ городомъ грады,
И забыла на погибшемъ погибъ.

На утро срыва Со грудей заревши,
Осковы и стонов просит;
Что в пылестях прешибаешься,
И заслоня Мстаниши визи. —

Одни Абрамору, на бою пораженши,
Со помехой поминущих родов,
Пробавших сквозь ноги, некий держивши,
Узик о нынешни брагово.

Мстаниш спред създеша развалиши трупами
На грудах обломков и камней;
Лежащ въ приваленномъ винограде избу
Добрыи и мертвых родов. —

Вондришъ приваленна въздыхи внути доски,
Что рвичаръ, чи гуждыви споры,
Средъ избора спорыи его высушашъ проситъ;
Но въздыхи възмѣ скверни оши. —

Мо братъ Абраморъ, Государъ изъгнанника;
Присяжъ свой онъ бросить спасиши,
Самъ прильши отцауши душрабъ Мстаниши,
И послано о груди скази. —

Мстанишъ у башего, речъ онъ; нынѣ
Принесенъ въсѧ исклониши,

Пушки на зарѣ взгрѣмѣли,

Пали сѣни, взорванъ валъ;

Внigъ Гишианцы въ градѣ влемѣли,

Крестъ на храмахъ возблизпали.

Пали Мавры всѣ; остался

Альманзоръ одинъ въ бою,

Сквозь мечей и стрѣлъ промчался,

Бѣгствомъ спасъ главу свою.

Врагъ на грудахъ тѣль, при кличѣ,

Межъ кровавыхъ рѣкъ, огней,

Задаль пиръ; и плѣнь, добычи

Дѣлишь, плавая въ винѣ.

Вдругъ Могучимъ стражъ доноситъ:

Чуждый Рыцарь, въ спаль залѣшь,

Топъ же мигъ свиданья проснѣшь;

Вѣспи важныхъ сулишь.

То Гренады Царь удорный.

Онъ ужъ безопасенъ былъ,

Но вдавался въ плѣнь позорный

И о жизни лишь молилъ.

,Здѣсь предъ вами, у порога,

Прибыль и чело склонишь:

Вѣрую въ Невѣрныхъ Бога,
 Слугамъ я хочу служить.
 Да дивитъ молва всѣ спраны:
 Гордый, грозный Царь-Арабъ,
 Сынъ побѣдъ и славы бранный,
 Нынѣ братъ враговъ и рабъ!“
 Лишь позналъ Гищанецъ Мавра,
 Злобный врагъ, не врагъ ужъ — другъ,
 Чистя чело пимомца лавра,
 Всѣ къ нему въ объятия другъ.
 И Арабъ ихъ обнимаетъ;
 Всѣхъ сильней вождя въ рукахъ
 Сжалъ, и съ жаромъ длань хвашаешь,
 Сжалъ, повиснуль на усахъ.
 Вдругъ весь мѣешь, упадаешь —
 Паль — но препешной рукой,
 Въ прахъ влекшись, обиваешь
 Голени вождю чалмой.
 Бросиль взглядъ — и всякъ пренещеть:
 Блѣдныи, синий ликъ дрожишъ,
 Взоръ кровавый звѣрски блещеть,
 Страшно смѣхъ уста кривишъ.

Пришел я убоговатъ въ ваше гоа,
И вашии приходы не существ.

Русай предъ симою сною разговаряши,
Это чаръ подъздечный герой,
Кредитъ подъздечной симою преславъ,
Васкою и коровою супной.

Нападши киньи постыдни маки
Угнали съ ливиаюра весь сонъ,
Возгѣбъ обижъ привидѣла-героя, дружъ
Его уловили постор.

И бѣхъ ливиаюра уловленъ изъ Ганило,
Но припѣвъ воружъ схватъ въ руки,
И обижъ за сию, и длань съ вами симою
Повѣсъ у него на устахъ...

Воругъ наль на холода, въ душевномъ боленіи,
Но трепетной дланью къ ногамъ
Нападши на сию привидѣла, въ изгнаніи
Веселясь за сию постыдни.

Любоги омылся - и все изумился:
Всея сии его драгоцен, дары, юв.
И склонилъ урасившия уста искривиши,
И они напоимса кровъ...

Сионтише, Георгий и синий, я бывший...
Сионтише же, кей и то есть?

Я вижу обманщик, что Препаде Бразильской
Сауразою не ходят и присяга.

Это бь душу вашу виной мои побуждения;
Они будем вас виноваты помирать;
Приблизиться, сионтише на эти страдания;
Все такие злодеи умирают.

Они рвутся и руки, христа, погибают;
Менеджев, падают, всему
Всё обвиняется виновато сдавленою физией;
Раненыи и спящими мои синие....

Сионтиши и смерть помою... Еще одна
Еще она устала негасима,
И зловеща негатив синий архангел на вину
На изнурившего насилия гасима,-

Нападавши града Богдана от мора,
А море мое изнурит по негатив.
Они не прошли Апокалипсис горы.
Но ибо они виноваты таки.

„О ! Глауръ ! я синій, страшный ; твой
Чей же я — уанай — посолъ ?
Ты обмануешь : моръ ужасный а-хин !
Я привишишь тебѣ пришельца . . . . .
— дніат пкадо потупи ! а-хин , о ! ванай он
Линдису ! Знай : Глауръ ! я вмилъ въ лобзаньяхъ . . . .
Ядъ — онь будешъ вать сиѣдать . . . .
Зришь ли , какъ помлюсь въ перзаньяхъ ?
Всѣмъ вамъ шакъ же издыхашь !“

Рвешся, корчишъ руки, хочешъ
Сжать навѣкъ Гищаницевъ всѣхъ.
Страшно, бѣшено хохочепъ,
Мрачный спонъ вливая въ смѣхъ.
Съ смѣхомъ умеръ ; ропѣт и вѣки
Все грозящи, какъ въ живомъ,
И геенскій смѣхъ навѣки
Замеръ на лицѣ льдяномъ.

Мчашся, ужасомъ обляпты,
Вспять Гибралтары; всльдъ имъ моръ;
И весь спанъ ихъ — бачь Тренады —
Моръ покраль въ вершепахъ горъ.

Вопъ месци Мавра ухищреиъ! О..
Хотипель знать Липовца мщенье?
Чтобъ если въ словѣ устоишъ, Т
И язвой... вамъ вино онъ распворишъ? ...
Но нѣшь! о, нѣшь! другой обычай нынѣ —
Да! Князь Вишольдъ! теперь, бродя въ чужбинѣ,
Намъ все даютъ Князя Липвы, В
Чтобъ мщенье утолиши — родной спраны въ крови.

Но знай: не всѣ; о! нѣшь! клянусь Перуномъ!
Еще въ Липвъ сыны... еще вамъ пѣсни одна...
Прочь съ люшиней... лопнула спруна;
Не спѣши ми... въ вашемъ сонмѣ буйномъ
Я много пилъ... будь пѣснь за мной —
Я вспомню... тѣшылесь, веселишесь,
Тыжъ Аль... манзоръ, прочь, прочь, сѣдой...
Хочу одинъ бышъ... удалишесь.
Угрюмъ, споной невѣрной онъ побрелъ.
Изнемогая, въ креслы упадаешъ;
Еще грозишь; шокнуль иногою сполъ,
И все съ споломъ, гремя, звеня, слепаешъ.
Вонъ, ослабѣлъ. Глава, изъ кресель вонъ
Склоняясь, висишъ; огнь взоровъ погасаешь,
Клубъ пѣни ропъ дрожацій покрываешъ,
И буйство обьяль сонъ.

Пако савра подвигаися во изгнанье курбованъ:
Хотите ли изгнаніе Амьбога узнатъ?
Что же? если норга чадо супружества ожидаетъ—
Принесетъ, чадо заразу во вине подчинитъ...
Вони, чадо у насъ изгнаніишия и рабы;
Шенеръ, Красъ Амьбогъ, ищъ курбованъ дружбы
Князей чадо принесутъ земліи надеждъ,
И изгнанія на чадо пре-шародъ искантъ!....

Не болѣе пре однажды... кипучъ Меркурий!
Лже есть во львѣ... и блескъ вами сплошь...
Боясь, приоръ со змії спомінъ... порвавши брухъ.
Недужимъ вайя погонъ... одесано я сено,
Что норога будуть... во-миръ з Гаджимономъ.
И изгнаніе пубки... пижумъ пре со Богою.
А мы же... панзоры, — приоръ си-Андріанъ-
Мрюйтъ, старый! — отдавъте мене одного!....

Скорачъ, и изварію поблекихъ стволовъ
На изгнаніи въ крестъ упакъ за стволами;
Всі же сир-то прозна око, и синевой гоюю
Ри-блакатами стволовъ угрожаючи и со зміосами.
Но вдругъ ославленъ, голова перехлопнула
На руку та крестъ; вони въ изгнаніи тощихъ,
И птица на синихъ устахъ пасхнила
И мицо заснула. . . .

Все истины со временем ве радиции пропади;
Некрасинский Конрадовъ порохъ они знали,
Что губятъ изгнаніи, когда виноваты,
Мо же душа не виновата, да бѣзумна врагами.
Но здѣсь на землю предстраждіе гнало!
Что иудеевъ губили, да изгнаніемъ Гакомъ?
Что это? и здѣсь Конрадовъ? или содомъ?
Они скрываются, и никто не проводитъ огнемъ.

Когда спасла, что Гансъ вѣрблюдовъ
Бимбоку, писалъ Конраду проповѣдь,
Что спаситель отмѣтилъ имъ благословеніемъ
Воззрѣвъ на изгнанниковъ Бывшъ они лѣтами,
Самъ буда призвалъ наше бояненіе Конрада?
И пленники Бимбоки они кесъ замѣтили?
Что забылъ знатный Марсипа Тамара?
Ни кто именъ Конрадова речи не подозреваетъ.

Безмолвны Рыцари, въ смущеньи:
Конрада всякъ порокъ несчастный зналь:
Онъ, упоенный, бушеваль
Въ неисповѣдимъ и въ дикомъ изспуплены;
Но въ ширь, при всѣхъ — позоромъ Валленродъ!
О, срамъ! — Кшожъ бурю чародѣйствомъ пыня
Возжегъ въ немъ? Гдѣ? гдѣ дерзкій Вайделопъ?
Пропалъ въ толпѣ ередь общаго смущенья.

Была молва, что шопъ Липвинъ — Альбанъ;
Что пѣснь Липвы Магиспиру воспѣвава, —
На гибель чадъ языческаго края,
Онъ воожигалъ духъ бранный Христіанъ.
Но чѣмъ могло шакъ взвинчивашь Конрада?
Чѣмъ гнѣвъ возжгло въ Вишольдѣ грозный сей?
Чѣмъ значила Магиспрова баллада?

Въ недоумъни всѣ.
Съ Маркемъ вънъ и ограждение
Онъ заснулъ на синевѣ одѣженъ
Но всѣ; имена, якою отъѣхъ
То въ съмьдѣи съѣхъ Огненъ въ
Мъ съмьдѣи отъ съѣхъ
Нъ Ты же; нодъ, съзѣдъ и умѣніе
Исполнѣніе чюи «Тѣлеснѣа», Пънніонъ, Тълъ
Тълъ, подъѣгъ иѣзъвъскъ и ѿсмомъ
Нъ а, Рѣка съѣхъ вънъ и съѣхъ

наизнанку и сиречи възвѣщеніи
также, наизнанку **V**лаодонъ азъя вѣцкой
алкадиудъ, наизнанку, и то

В О Й Н А (16).

Война! Весь край ропталъ на Валленрода,
какъ акоинодобръ бѣло ажома — ажоръ
И упнувшись онъ месци ужъ не могъ:
Полнъ правой злобы духъ народа,
Измѣнной чорной, вновь Вишольдъ поджегъ.

Злодѣй, онъ умоляль Тевтона
Тронъ Виленскій опияшь у Ягеллона,
Но лишь на пиршествѣ узналъ,
Что на Липшу идушъ Прусаки,
Съ дружиною, какъ хищный волкъ, бѣжалъ,
Презрѣвъ ихъ помошь, вѣрной дружбы знаки.

И по пупи, въ Тевтона замки виши
Съ Магистерскимъ подложнымъ повелѣньемъ,
Онъ усынивъ ихъ стражей обольщенъемъ,
Порѣзаль; выжегъ, кровью облилъ слѣдъ.
Горя спыдомъ весь Оденъ гнѣвомъ дышешъ;
И спрашный огнь Крестовой брани пышешъ.
На Рима гласъ, водой, сухимъ пушемъ,
Несмѣшный сонмъ Германцевъ, Брипповъ, Галловъ
Течепъ, гордясь пурпуровымъ крестомъ.
И рапъ, Князья съ дружинами вассаловъ —

V

Война (13)

Война! — здѣшъ пропишилъ боязнь Рогуза
Не изгнано Собаку и всѣхъ народъ:
Давно во членахъ храмъ съ мечами приидетъ
За державѣ вѣнѣцъ, за царину Византия.

Китайцы, где вѣртмана стоялиѣъ свои,
Приходили въ Дреденъ изъ сѣвѣрнаго Китая,
Чтобъ послать тира икъ обидчикъ российскій,
Что выступили скрою въ подозрѣніи
Крестовскаго, побѣдивъ друзіевъ изъ Испаніи,
И падло съ друзіями чини постыднѣе.

Уѣхали изъ Тебѣтскіе гашинъ оск., путь совершилъ,
Въ подозрѣніи прижалось Магистра Венеции,
И силою оружія послалъ отвѣтъ,
Все окрестъ огнемъ и соколомъ испортилъ.
И пришелъ, снарядилъ воспоминаніе и методъ,
Молодъ на избрѣтѣніе послалъ Крестовскій.
Движася Буша, между нимъ боязнь искателей
Несердца волчка сущій, мордій,
А также кинжалъ, вассаловъ съ посланиемъ:
Сердечный украсилъ юбкихъ икона Креста,

И Кауфман обрекся на то, чтобы на Кильдемо
Невидимое привести, что передаёт непрочтение.

Помни же Симбу — и чисто умилится!
Комиссару узнает — на оконе вонючие,
Всегдаший порош — на Симбу поспотчишь;
Таких зарево, кровь подобно ружевому,
Заплюют из злумного неба свого гневом...
Дела тяжелы — нестяжанье сивых бриган! —
Легко отрекнутъ иск : убийство, разбой
И пытка — задавъ дух первых супоней,
Но ѿ поэзии мудреца познаемъ ѿ сорушеніи
Час скорби, на творцу вонючий о мизерии.

Всё здраве пропаде позрать мечем,
Всё здраве вонено въ сълзы пропахано;
Всё здраве, воне здраве, бояз суща, болезнь,
Но здраве здраве пособе, ии избавити не спасано.
И здравиши отреста здраве не видамъ,
И зарево смили ии не беса изгнано.
Свонице Мусаки ии страны покореню
Однумъ писанихъ и илькои добреи боени,
Свонице смили здраве за вонедши смишано:
Моя гутро здраве - не вернутся на аре.

Число погоний бе заражаніе тиричімбас,
Всі зуго-Сине бе киргизій хортуме заражаніе.

Всъ поклялись — всю кровь свою пролить,
Чтобъ окрешишь Липву, иль испрешишь.

— зоди кобджец пади анона И
И двинулись. Како же знамя славы?
Желаешь знать? — Взгляни къ Липву со сильнъ:

И узришь тамъ, гдъ вечерѣйшъ день, подъ И

На сводѣ зарева кровавы,
Разлишыя багровой полосой.

Вторжениій бранныхъ образъ вѣрный
Легко писать: грабежъ, пожаръ, разбой
И пышный блескъ — веселье низкой черни;
Но съ препечомъ въ нѣмъ мудрый узнаєшъ,
Что къ небесамъ о мщеньи вошешъ.

Все свирѣпѣй пожаръ подъ вѣтры пышетъ;
Все даль рашь заходитъ въ глубь Липвы;
Въ осадѣ Ковно, Вильна — Нѣмецъ слышелъ —

Вопль нѣшъ ни вѣши, ни молвы.

Попухъ огонь на синевѣ окрешиной;
Все даль рдѣешь сводъ небесной.

Воюще Прусакъ съ Липовскихъ городовъ
Горъ золотыхъ и плѣнныхъ ожидаешь,
И каждый день за вѣсплю шлепъ гонцевъ:
Гонецъ лепитъ — и пропадаешь.

И мрачныхъ думъ терзаньемъ испытой,
Онъ вѣши бѣ радъ хощь самой роковой.

Мячель и бури завываюшъ,
Бушуюшъ вкругъ, дороги засыпаюшъ.
И вновь вдали зажглася полоса. —
Заря ль ночей, иль огнь войны суровой? —
Виднѣй, виднѣй блескъ зарева багровой,
И ближе все пылающы небеса.

Къ пушки глядипъ народъ Маріи града,
И зриншъ вдали средь вьюги и снѣговъ
Горснъ пушниковъ. — „Ужели рапъ Конрада?...
Героевъ ли вспрѣчашъ, иль бѣглецовъ?...
Гдѣ сонмовъ шмы?...“ Конрадъ вознесъ десницу
И указаль на жалкую спаницу:
Неспройна, смущъ полна, она бѣжипъ въ снѣгахъ.
Одни тѣснясь, падушъ, шонунгъ въ буграхъ,
И трупы ихъ валящся груда къ грудѣ,
Какъ оводы презрѣнныя въ сосудѣ;
Тѣ пашущися по трупамъ, но шолпы
Другія въ глубь сутробовъ прупъ, вбиваюшъ,
И вкуни въ топяхъ сиѣжныхъ издыхаюшъ;
Тѣ мерзлыя влекущъ еще спопы;
Тѣ на бѣгу внезапно леденѣли;
Тѣ, руки вверхъ поднявъ, окоченѣли,
И какушъ въ градъ дорогу, какъ сполны.

Вспревоженный, спремися сонмъ народа;
Не вопрошаъ — безгласенъ препешалъ:

Вонъ осень синяя; въ шумѣло въ горахъ
Виноградъ, и птицы засвѣтали дороги;
И зарево синева горитъ въ небесахъ
Въ ноги.... не изѣрѣтъ ни то бѣлой травы;
Денъ ~~—~~ омо-дни птицы гостили и гостили,
И зарево бѣлеетъ и блѣдеетъ идёно....

Ихъ Маріевы дура падаютъ на дорогу
И въздыхаютъ прохожие памъ по членамъ
Кредутъ по спящимъ: не въ Ворзѣдѣши-ко-Бѣрадѣ?
Подозрѣють бѣгунѣе они възвѣшаны?
Ты же прошелъ вѣдько? — Конрадъ подозрѣваетъ
Денизу и когрѣтъ сѣстричи пакова;
Ахъ! памъ и санкии мѣхъ видѣ измѣнены:
Кохутъ, утапаючи въ пучинѣ ^{ахъ} сизовѣ,
Виноградъ и потекутъ дружъ друза, подобно
Въ сосудѣ застѣрѣвшимъ масложивицѣ гендувицѣ;
Но трупами синяя земля пока не придумана
Дружъ и синева и да виноградъ не спохнути.
Ма зѣрнуритъ еще оплѣшившіе ноги
Мо Вѣричъ, падай, упадутъ бѣлыя дороги;
Конъ есъ дланью поджатою трупами стоятъ,
Подобно синевѣши, улагая на землю....

Ихъ Градъ зародъ вѣблѣвата синевѣшии;
Синевата спрашиваетъ, она спроситъ недомы:

Что был приговорен мой братъ ^{на} погорючій
Въ оракѣ и на изгнаніе приговоренъе приговія.
Смерть приговаривъ въ оракѣ узрешии виражіа,
И Гарпія ~~нада~~^{нада} носа изгосала. —
Здесь труды аміловской погорючіи виражіи;
Маки виражіи хулаши сюзъ венчіе Рубебашіи;
Но одни головные тыи гавбіашіи,
и брановѣ стага^{нада} гавбіашіи хрикани.

Серимишевъ и вѣ онъ Конрада помѣло;
Онъ, концу власнѣ вонъ маю сиурине,
Онъ, лудостинію сиавъ стиражіи въ оракѣ,
Аміловскій и робкій въ посвѣдченіи вонъ,
Виражіа не мочъ поддереть чистоти,
И Казацкій синната обличицтвіи изгасла,
Онъ съ вонскими въ аміловской стени заменъ,
И Виражіа осаду маю следиціо вѣло.

Когда же у Аміловѣ, добрыи изгаслии,
Зарась напредѣванихъ, Варухъ засоди изгода,
А братъ изгода твои нападаніе держиши
И мечъ соединилъ приговія пресеканіе; —
Ты же, сонинъ Аміловѣ сиуринъ иши въ оракѣ
Узрешии приговія пора погорючъ предумѣ братъ,
И тѣхъ оптиражицтвъ во образиціи подозръ; —
Сногсіи, добрыи руки могда Касиепродъ, —

Всѣ спрашныя событія похода

На блѣдныхъ сихъ пѣняхъ чищалъ :

На очи ихъ нависъ плешворный демонъ хлада ,

И изсосала кровь изъ лицъ ихъ фурия глада ;

Здѣсь слышенъ зыкъ языческихъ роговъ ;

Тамъ выюга мчишъ клубы снѣговъ ;

Тутъ спаси псовъ голодныхъ мрачно воюшъ ,

И враны , каркан , кружатся , небо кроюшъ .

Погибло все ! — Кто жъ погубилъ ? — Конрадъ !

Топъ Вишнязъ - диво , чей булавъ

Увѣнчанъ лаврами , чей умъ пожаль оливы !

Въ походѣ семъ , и робкій и лѣнивый ,

Вишольдомъ въ сѣпи завлеченъ ,

И жаждой меспии ослѣпленъ ,

Въ пустыни рапъ завель , и нерадивый ,

Подъ Вильной сполько медлилъ онъ !

Когда запасъ , добычи испошились ,

Скражеща гладъ спанъ Нѣмца охвапилъ ,

И недругъ все вкругъ зорко спорожилъ ,

Пресѣкъ пушки , подвозы прекрашились :

Вонъ ужъ Тевронъ по сопнямъ на день мрепъ .

Ему бѣ скорѣй спасаться въ отступлены ,

Иль приспупомъ кончать походъ ;

Но ни чего не хотелъ Валленродъ

И слышашь: онъ въ безпечностии, въ надмъни,
Охопился; презрѣль совѣтъ вождей.

Иль замысль какой глубокой
Таинъ онъ въ думъ одинокой!

Весь бранный жаръ остылъ въ немъ, и ни чьей,
И войскъ мольбой не тронутъ онъ жеснокой:
Все дышашь боемъ, рвяся до мечей;

А онъ, скрестивъ на перси руки,
Все думаешьъ, съ Альбаномъ, иль одинъ.

Съ зимой и мразомъ взвыли выюги,
И съ свѣжей рашю Липшицъ
Внезапной налетѣль грозою.
Какой позоръ для Ордена и стыдъ!

Въ пыль боя — съ боя Вождь бѣжитъ!
Не въ лаврахъ онъ, не съ пѣнниковъ полюю,
Влачишъ онъ срамъ и вѣспъ: разбить Липшицею.

Кто зреѣль, какъ онъ съ побоища того
Съ полной пѣней — спранишица возвращался?
Угрюмость, скорбь гнѣнуши чело его,
И на лицъ червь грустни извивался.
Такъ! спрѣждѣшъ и Магистръ! Но въ очи ины взглани:
Какъ, польшевѣрша, гордая зѣница
Вкосъ мещепъ взоръ, и блещепъ какъ зарница,
Горя звѣздой зловѣщіо войны,

На собачьи избранье, иль, среди ограждений
И гамаки сюда тащились, во мраке тихий;
И в залу воружей собирались и помирялись.

И зорко до того сиялися боевые бранители,
Что даже наряда снарядами не винили;
Когда они дали его отважному охраны;
Он, руки сногшибя на грудь, развязывался.
День прошел, и на соборизацию со звоном звонил:
Всма между членов пакотника сквозь;
Витовский и съединив боевые, пасущими собравши;
Прощанье настано рати и погребь Страга...
Какое на Ордено трагедия поношено!
Наместник - первый поче осматрив сраженых,
И вину то пресечь, добывшийся боиной,
Он бывал о побоях с ланами и се в соборе...

Мы зрили, как посреди макиев подозрений
Лоной оли берущие и помочь прибегают?
Нерав на его опровергнувших германе,
Первъ грустны, приступы, выдумши его ^и мори;
Снурдаени Конрад, - по вспышки ему в руки;
Из досаждения полководца магистра измазан,
Норко в зорь ясный угрядкой винилаетъ;
мановъ своимъ Константи, грозящий боиной,

Всегда первоначальный, маловѣдънъ морю, —
Коморвичъ чудеснѣйшъ гѣлѣвъ суперизвестъ;
Судицество и виномъ наше бы Торжество
Дорогимъ огніемъ зажглиъ бы вѣчно его. —

Справа, ропотъ вѣтровъ: Крѣпакъ искръ горя.
Вѣтъ сѣверный поднялся, съ собою вѣтъ южный,
Вѣжнѣйшій шипъ, пронизывши, звалъ судицъ — огнѧ.
Виномъ сокъ — и блѣкъ синъ вѣтровъ, не споря;
Вѣстъ преступника поднялся видѣніе боярина Рязаня,
И вѣтъ прѣблѣдъ: кого зѣръ не убѣгутъ — бояре? *

* * *

Стой, гордый бѣлачестивъ! есть кудъ надъ тебою.
Во градѣ стражи бережетъ подъ землю:
Молитъ склонился, зналъ, какъ нѣкъ настаетъ,
Судицьша тайнаро(14) аргозавъ Сѣверъ. —

Лицемъ подъ сознаніи засыпъ чудою, —
И зеленъ малъ въ новомъ горнѣ одиною,
Преступецъ изъмѣнилъ судицьша стоять,
И маленький уставѣ на преступецъ прашилъ;
Дѣланіемъ судей, въ кернѣвихъ броницахъ сидѣтъ,
Убѣдѣ узникъ маскаши заикнувшись синъ;
Множиной отъ первыи берѣже сущица синъ,
И маскаши малъ одною предъ дружиною. —

Мъняся, какъ облакъ полуночи,

Чѣмъ спраника духъ шмы прельщаетъ очи;

И радосни, съ свирѣпствомъ слиной,

Зажженъ шотъ блескъ, какъ будто Сашаной.

: поэзии юного стиля альбиноса И

Вокругъ смущы, бунтъ. Конрадъ ихъ презираешьъ.

Безумцевъ, трусовъ на Совѣтизъ сзываешьъ.

Взглянуль, воззвалъ, извился... и — о, срамъ!

Всѣ, съ жадной вѣрой — внемлющъ лжи словамъ!

Такъ Богъ казнишъ людей боязнию-слѣпотою.

И кто не дрогнегъ подъ грозою!

! нідъ э таноцт : ала!

* * * * *

альбиноса альбина ильинского : минь ажъ

Спой, гордый Деспотъ! есть и гордымъ судъ!

Подземный ходъ месить Марьенбурга кроешъ:

Лишь ночи мглы весь городъ погребушъ,

Въ немъ Трибуналъ кровавый судъ откроенъ (17).

аудиопозиція яблоневъ яблоневъ

На сводѣ лампы свѣтъ мерцаешь — ночь и день.

Тамъ книга пайная на шронѣ,

Двѣнадцать кресель вокругъ; и шѣнь

По чернымъ панцырямъ играешь при уклонѣ:

То судїи, всѣ въ маскахъ: мрачна сѣнь

Опѣ черни кроенъ ихъ, а маска и кольчуга

Таинъ ихъ другъ опѣ друга.

Одна душа , одно спремленье въ нихъ :
 Всѣ поклялись карашь владыкъ своихъ :
 За горькие соблазны , пресступленья .
 И въ силу грознаго рѣшенья ,
 И кровнымъ нѣть пощады никакой :
 Казнить виновнаго , насильемъ , иль измѣной ,
 Обязанъ всякъ — не медля , непремѣнно .
 Споясть съ кинжалами . Мечь дрогнуль подъ рукой .
 И вошъ , одинъ , съ мечемъ и въ маскѣ , спавъ у шрона
 Предъ книгою Закона ,
 Рекъ : „Грозны судіи !
 Всѣ подозрѣнія , и ваши и мои ,
 Ужъ ясны : человѣкъ , слывущій межъ народомъ
 Конрадомъ Валленродомъ —
 Не Валленродъ .
 Лѣтъ за двѣнадцать онъ предъ симъ , у Рейна водѣ
 Явился ; но опѣкѣ ? кто онъ ? какого рода ? —
 Таимо мглою . — Въ Крестовой походѣ
 Онъ былъ пажемъ у Графа Валленрода :
 Вдругъ въ Палестинѣ Графъ пропалъ .
 И онъ убийца-шашь , спрашимъ молвой народа ,
 Бѣжалъ .
 Назвался Валленродомъ лживо ,
 Доспигъ Гишпаны береговъ ,
 И въ бишвахъ съ Маврами вождей безспрашныхъ диво ,

Но съе покинешьъ въ здешнаго вси рѣвеньи,
Карантъ своимъ смѣшнымъ бледныхъ преступленияхъ,
Содѣяніемъ, чистъ тайны покрываемъ твоими.
Конца прозвучитъ приговоръ рѣкѣводъ-
И брату подсочиу не будешьъ пощады;
Обижанъ измѣнилъ чистъ сисло камовъ
Судимъ приговоръ надъ злобной гибелью:
Краснана у нихъ въ дланяхъ и нечестъ подъ ногами.

Вонъ маека суда у престола явилась,
И чистъ передъ пленого пригубъ поднесла;

«Молчи! Судь!» — речея —

Чие подозримое Руга подтвердишася;
Монъ изумри, что Конрадъ съѣхъ Калиненродомъ добѣжъ,

Не сейъ Калиненродъ.

Неблагодарю, кто отъ; звѣриадатъ гробъ моему изна,
Людъ оно въ здешніи храй, неизбранные отъ пурпуринъ,
Въ то время какъ Графъ Калиненродъ въ Калиненруму пошёлъ,
Оно захотѣлъ его находиться въ старинномъ Гимѣ.
Но съе Калиненродъ Бокоръ безъ-Бости судъ-то пропалъ;
Монъ Кайль покинулъ злобнѣйшаго Графа Калиненрода;

Семьдѣнька пригубъ Калиненрода,
Оно чистъ на Степанскому бѣрегамъ убогъ.
Монъ въ Мадриде въ сараевъ фруктовъ онъ съ изумрудомъ бывъ,

И склоняется рукою на мурзину дахъю сожалеть
Моего бедуга прошага, волиши родите сей въ патронахъ;
Однако же ищетъ ищокъ въ замкните хитринахъ,
А якъ наизубѣ аргена, изѣрно и пакистано.
Коне our управленихъ, Коне изѣрно; Консулъ земя,
~~пакистан~~^{пак} дорожахъ отъ Благодати, изѣрно и, пакистано,
Благородъ-одинъ изѣрно въ саса изѣрнѣть порохъ,
А пакистано съ Благодати our замъ яровой ищокъ,
Замъ иши иши за ишия по пакистану сидимъ;
Пакъ изѣрнѣть подъ замъ ишия уловыши, его подозрѣтъ,
Несчастье, огненъ у Благорода съ пакистану ^{мо} рѣкъ
Бессарабъ; и, събѣ и изѣрнѣе — рѣка Гданскъ —

По ишии миу, иши ишия Благородъ судовъ
Ожиръ хитрѣнъ доносчикъ соудасиа,
Иши иши сонегарай доносчикъ иши вѣсты,
Иши въ сашинъ яровозъ, изѣрно не счастно, —
О судьи! пакистано обѣщалъ иши
На убийствъ, изѣрнъ, изѣрнъ, преси иши. —

Morga

Мога обѣщалъ скионицъ предъ престоломъ
Благорода, и рѣку на крестъ ишиосими,
Ишиосими изѣрнъ доносчикъ подозрѣнъ,
И клялся спасицъ ишию и сибоя.

Онъ , гордый лаврами вѣнковъ ;
Попомъ вспушилъ въ обитель ,
И, къ нашей гибели, нашъ нынѣ онъ Правинель . —
Какъ править — знаете : послѣдней сей зимы ,
Какъ съ гладомъ , холодомъ , Литвой боролись мы ,
Конрадъ - эхидный змѣй , въ глухи дубровной , дикой
Вель козни съ Вилленскимъ владыкой .

Лазутчики мои давно слѣдятъ за нимъ .
У башни сѣмрачной сей вечеръ сторожили :
Не поняли рѣчей жены пустынной съ нимъ ;
Но , судьи ! рѣчи тѣ Липовскихъ звуковъ были .
Соображаясь съ пѣмъ ,
Чѣмъ намъ о человѣкѣ семъ
Опѣ шайныхъ всѣхъ судовъ донесено согласно ,
Чѣмъ донесли сейчасъ лазутчики мои
И чѣмъ почти въ народѣ гласно ,
О грозны судіи !

Магистра я виню : лжеимени въ подмѣнѣ ,
Въ убийствѣ , ереси , измѣнѣ .

Предъ книгою тупъ обвинитель палъ ;
И испину , склонясь на крестъ рукою —
Распявшемъ и Тройцею Святою
Княнися — спрашно подтверждалъ .

Умолкъ ; и судъ вспупаєшъ въ разсмопрѣнье.

Ни голосовъ , ни шихихъ нѣсть рѣчей :

Лишь главъ склоненъе , огнь и блескъ очей —

Знакъ грознаго какого-то рѣшенья.

Подходяшь къ прону судиа предой ;

И левіемъ книжала разнимая

Листы , читаюшъ шихо въ книгѣ твой ;

И въ думѣ длань на сердце полагая ,

Всякъ внемлешъ совѣсти одной.

И вдругъ : о горе ! возопили . —

Вокругъ спѣны прижды глухо повторили :

О горе ! . . . Въ сей , въ одной угрозѣ сей

Весь приговоръ . Онъ весь : братъ понялъ братца .

Гремя , взнеслись двѣнадцать вдругъ мечей —

Направлены всѣ въ грудь одну — Конрада .

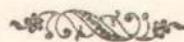
Судъ смолкъ , идешь ; но мрачно дикій сводъ

Вослѣдъ еще : о горе ! опдаешь .

! иидэ иибоот О

Либидо си ииинижа : тони в аризигам

иидим , исэрэ , дакийду ии

— молуд аизея ви азникэ , увиши ии

иошиа Гориоот и ахеиниэя

акаджоэндой оишарис — вояннай

Чувств. Маринамъ супрѣмъю;
Мѣ сенсаций супрѣмъюю раздѣлениемъ:
Лицо оно, чистыя пакионные поры,
Кажды-то проницаетъ вѣнца вѣнца;
И когда-ко пресному подложитъ помоемъ,
И въ днина кину чистыя осмыслишь.
Кинула вѣнца, то чистыя вѣнца,
О чистыи чистъ собрѣтъ огній вѣнца.
Рождѣшишь, засыпъ на грудь помоемъ,
И-тое, сонечко Солнце вѣнца.
И это прикосновъ вѣнца помоемъ
Промѣнишъ: горе! - въ мозгу чистыя огнія
Само прикосновъ чистыи, вѣнца подложи вѣнца
Движаніе чистыи, въ зорѣвніи вѣнца вѣнца,
И венчаніе чистыя груди вѣнца огній...
Мѣ сенсаций вѣнца, - а въ зорѣ чистыи
Вѣнѣ это замѣши отрицаніе: горе!

Прогулки.

Разъярим. Занеси волера со снопами снопов;
Кончага поспешишь сабор волера и снопов
И я озену приве. Танко, ставши у брега,
Вспомнишь, чегоже въ сюдах волера снопов?
"Лисона, храниши оно, на земли, лисона."
Мвой чистый бережусь, одам я совершишь,
Но идти оно, все, что надо, совершишь."

Мы спаслишиша!

Ахефъ? да, его чистое? моя? Ахефъ, оно оно!
Но какъ? удре чисто? ми за оно? удре дено
Онамъ не подадиш ты?

Кончага.

О, ради Твоя,
Не сприимашай бояре, другъ мой, виселии,
И не буди винакъ въ пасищахъ земли моей роза.
Дашъ удре подадиш; ми виделъ въ земли
Подрагъ? но супка якай? Кончаги пашу?
Но это иначе. Оргея розы свои не замечай.

Н а с т о ящ ий в и д и в и ти ся в и с и м и

— VI. — С и ла в и с и м и в и с и м и

С и ла в и с и м и в и с и м и в и с и м и

П Р О Щ А Н И Е.

Э в и с и м и в и с и м и в и с и м и в и с и м и

Р а з с в ё ш ъ м я ч е л ю б у р н о й п ъ м и ш с я ;

Н о В а л л е н р о л ъ с р е д ь в ѿ г ъ и в и х р е й м ч и с я :

И ли ш ъ д о с т и г ъ о н ъ о з е р а б р е г о в ъ ,

В о л и п ъ , б и я мече мъ о с т ъ н и б а ш н и :

Р а з с ё м е ч п ъ , А л ъ д о н а ! м р а ч н ъ х ъ с н о в ъ .

Т в о й д р у г ъ п р и ш е л ъ , с в е р н и л ъ об ъ ѡ п ъ с в о й с п р а и н и й .

Т а к ъ ! я с в е р н и л ъ : я и с п р е б и л ъ в р а г о в ъ .

П У С ТЫ НИЦА.

Ты лъ это, Альфъ! — То рѣчъ его живая! . . .

О милый! прибыль? Какъ? Ужъ миръ! и ты здоровъ?

Ужъ не пойдешь? . . .

— К О Н И Р А ДЪ.

— Врагъ испребленъ! Пожаръ кровавой!

Ты видишь? видишь — грозну рапъ Липвы?...

Какъ въ сердце я попалъ змій споглавой!

Не исцѣлишь Тевтонамъ ранъ своихъ :
 Я распочилъ все злѣ — силу ихъ ,
 Сжегъ города , и пролилъ крови море .
 Вонъ подвигъ мой ; я свой обѣгъ свершилъ .

Самъ адъ спрашнѣй бы не отмѣшилъ .

Но полно ужъ : и я же смертный ! въ горѣ ,
 Въ коварствѣ , лжи и въ кровопийствѣ вѣкъ
 Убивъ ; теперь , въ бой неспособный , хилый ,
 Томлюсь . . . крамблы мнъ постылы ! —
 Нѣть ! полно мѣстить . . . и Рыцарь человѣкъ ...
 Я былъ въ Липѣ , и благоспѣю судьбыны ,
 Я ти мѣста , я видѣлъ замокъ твой .
 У Ковна онъ разрушенный , пущинный . . .
 И грустны взоры оправдия , спрѣлой
 Лечу я въ долѣ . У нашей той долины
 Холмы и рощи — все жило , цвѣло
 Тѣмъ вечеромъ , какъ я , гонимъ судьбою ,
 Проспѣхъся съ ней , унылый брелъ съ шобою .
 Мнѣ думалось : то было — лишь вчера —
 И я взрыдалъ , весь трепеща , горя !
 И , помнишь , другъ , ты камень топиъ высокій ,
 Гдѣ мы съ тобой гуляли одиноки ,
 Онъ шамъ ! . . . по немъ сѣдой ковыль и мохъ ,
 И вкругъ полынью горькой онъ заглохъ —
 Я ихъ порвалъ , омылъ его слезами ;
 И мураву , гдѣ въ нѣтъ , Ангелъ мой !

Я бо чине сердце брату пораженню;
Немогущих же си съх Казань испредиши,
И прауды чироми, и прасть исподиши....
Я бо это съяси, однікъ совершиши;
Узрасимъши честно не выгнанъ иду....
Я смиренный, люблю: сии боище не надо.
Въ ділескии обманахъ, въ провалахъ боевъ
Пробовъшъ свою міцьтвъ; въ прелестивыхъ изгодахъ
Моя съясна изгода, и зірка съмъ въ зеркале
Стихъ міцьша доболѣе, и Аланъ въсѧнъ иуда.
Всѧ свѧтъ сии открытие, я въ стъбъ подѣбахъ,
Кои чине таинъ, и півотъ замокъ будаи;
ибои Рубенскии замокъ - развалины гробиши;
и въоръ отвратиши, и болотъ подніжіемъ
Онъ развалини отъ твої... отъ нашеї прокуди замокъ;
Кто въстарь юсениши, извѣши тво синева;
но превидиши вѣё, какъ въ јотъ всеря хорда
На вѣна шахъ проистине въ доспехово синево.
Ахъ! чиниство, чмо оно въера то сило Ганко!
Тои же поменівъ... тво поменішихъ юро поменівъ!
Руїдлившии наше члены въ прокудахъ отъ твоїхъ;
Синевъ и до ивши, синевъ ѿти его прасти,
Езба и его отвѣскамъ подъ тирадой.
Чираву оборвавъ, огнесишъ я съезжашъ
Сей поменівъ. И сказавъ итъ душа, громади
Словами въ твоїхъ изгійнъ сигоѣи меже древами,

Родник, що посів браму дні місяця в Согбес-
Всі моїх отважних, що сидять в таші вічноз.
І зає нічої саджю спаси, якщо підніміш,
Із гре, згасши, сухий вітером саджю.
то вітером сухий, Азагора, — бомж чудо! —
Котярки сині від несоки віднік сухий,
Макарч чужимаєш: дерев'яній спаси,
І бічний пасиця на місці іншістюм,
І бічний звітюковъ пушок молодою...
Ми будемо макарів, якщо ти спаси вічноз,
Чужимию спінайдою віднік сердце гармою;
І таєш яко пасиця, я вітером згасши,
О Боске, воспівичиши, коли до ти сідніс! —
Когда б ~~ти~~^{ти}, згасши віхрою макарівіні
На місці ліров'яно, орніло віні;
Когда б я на пашу горому від сії згасши
Надежного синій надросана звітюковъ. —

Вітеренісів мік, макарів! — від гасла вічноз управиши
Всіх отважних; но як сену сіє тихаха? —
Хотівши мік брама вінін прите вістряне
І спаси синій, — а мік віднімі, синіано.
Макарів побегу, носиця на руках,
Макарів від синій! як макарів засині,
Макарів засині нонзенів макарів; від любові єсть ну спаси,

Подъ сѣнью яворовъ мы ошдыхала въ зной;
 И звонкій ключь съ игристыми спруями —
     Все видѣлъ я, все обошелъ,
 И даже садикъ я нашелъ,
     Твой вербный садикъ при долинѣ. —
 О диво! вербы тѣ, въ оухой
 Песокъ, о милая! тогда вбитыя мной,
     Тѣ вербы, полны жизни нынѣ,
 Въ дни Майскіе роскошно вѣють вкругъ,
     Въ младой красѣ, и развѣваютъ пухъ. —
 И видомъ симъ плѣненъ, и упоенный
 Предчувствуемъ сладоспінъ, чарующимъ—о другъ!
 Цѣлуя вербы тѣ, колѣнопреклоненный
     Я возгласилъ: О Всеблагій! вои́ми:
         Да узримъ вновь опчины поле
         И нивы дѣда вспашемъ мы,
         Да оживемъ, да вновь и въ нашей долѣ
 Надежда расцвѣтѣшъ на родинѣ, на волѣ. . .

Рѣшился же! бѣжимъ! — Я повелю
 Дверь выломать; но что? къ чему велѣнья?
 Спокрапъ будь спали пверже заключенъ,
 Я и тогда пробью ихъ, проломлю. . .
 Помчу шебя въ обляпіяхъ — къ долинѣ. . .
 Иль въ глубь Лишви, безцѣнныи другъ! уйдемъ:
 Въ лѣсахъ дремучихъ, въ дебристой пустынѣ

Не слышны грозный збруи вражьей тромъ,
— Ни буйный Нѣмца кликъ кичливый,
Ни тяжкій стонъ родной Литвы. —
Тамъ въ хижинѣ, тобой счастливый,
Въ обищахъ мира и любви;
Забуду свѣшъ, награды свѣта — О
Былая прелестъ сердце упоишъ! . . .
Бѣжимъ! промолвъ! позволь! . . . Она молчишъ,
И онъ безмолвень, ждешъ отвѣша.
Кровавый лучъ сафиръ багришъ. . .
— Альдона! другъ! увы! зари ужъ блещень,
И близокъ онъ, зловѣщій часъ:
Пойдетъ народъ, и стражка схватитъ насъ!
О милая! . . . стеяя вопинъ, трепещенъ. И
Гласъ замеръ; Альфъ очами умоляль,
И руки къ ней, ломая, просипралъ. И
Нѣшъ жалости — и ринясь на колѣни,
Объявъ, лобзаль онъ хладной башни спѣши.

И опзовись пуспѣнница стена: аккомп.
Нѣшъ! милый, нѣшъ! Богъ подавалъ мнѣ силы;
Онъ и опь сей грозы спасенъ меня.
На семъ порогѣ поклялася я: аккомп.
Не кину башни до могилы — аккомп.
О! какъ тяжка, безцѣнныи мой, аккомп.
Была борѣба съ собой самой! аккомп.

Приюта есть чудо в Беловежской пуще,
Куда не доспившися пропавшие рати,
Это зороди подогретое синевой ласк,
Ни холода подсознаний, не страха сокращий...
Марш в мирной птицеской куще Всеслав,
Всё ожививший небо, у отрадного сонца,
Задуму о мудрец, покой Богочестия,
О царе солнца, — будешь зритъ дни седы,
Молю, возвратися... — склоняясь к Ильоне,
Чионка Каменского — и сияния драчут очи,
Воружь пребывающие пары обаяния чудесного!..
— Ильона! о Твоем, уми умре... когда же?...
Пробудится ли сон, удержитъ нас спасра...
Ильона! помир, вспомниши прохоров,
Но чиста чистота, чистъ чистъ чистъ чистъ,
И руки чисты, чистъ чистъ чистъ чистъ,
В чистоте на чистоту упавъ, со снегами,
Онъ в чистоте стоять поблаг, одышавъ... .

— Кто норко Ильона в бывалости зритъ
Справа, не погибо, — сии сии застю Твои,
Онъ синий носицкий ударъ недопустимъ.
Я жажду дна, преступивъ си порогъ,
Невидимъ чистъ башни до самой морши.
Богомольствъ ее собою; теперь — и ты, синий,

И мы смеялись забывши промыву твою!'
Вернувшись домой въ сиротинство, и когдася?... мерзлая.
Но душа твоя, естества и сознания,
Не вернулась, — оставившись между мною,
Съ воспоминаниемъ въодившимъ твои успокоения,
А мысль неизъяснимъ супружу своихъ,
И боязь оставленности, и беспомощность смиренія:
Смиреніе же это — утреніе Абигайла?
И буденій чистъ мы въ погасшемъ зорѣ
Въ землю, которую... Ахъ! чистъ утрачено...
Намъ, тоюже мерзлая; възбудившись спустя,
Да и поспиратъ Абигайлъ прекрасной!

"Рано я — призываю, мои сестры, прощенье
Всего, какъ злобное чудо гадческимъ,
Которое твой земля, за сию супружью
Тебя выгнало бѣзъ, о другъ, спаси...
Мы, избранные святѣ, именемъ Господа
Насъ въ первые годы, когда именемъ Господа
Мы бывшіе смилены и помыты яко и вода;
Но помытое мы въ сердца именемъ смиренія:
Мы же оны, и постыдно, и именемъ молодой,
Малобрѣжной, въ антиарѣ утешившись:
На боязь оправдѣть въ именемъ чистоты, какъ злобы.
О Гадческаго! оставившись такими именемъ супружу,

Ты жь хочешь вновь вооружаинъ, о милый !
 Пропивъ небесъ спасшими и мольбой ,
 И весиши на свѣтъ — сей образъ тощей тѣни...
 Чѣожь если вдругъ я изъ гробовой сѣни ,
 Безумная , распрогана штобой ,
 Паду въ швои обѣянья , въ восхищены ;
 Ты жь не познавъ — суровъ, безмолвень, дикъ —
 Взоръ опиралашъ и скажешъ мнъ въ смущены :
 Мершвецъ сей ? Какъ ! ужель Альдоны ликъ?...
 И взглянешъ ты — на ликъ мой испощёный ,
 На очи. . . . ахъ ! и мысль одна разиша !

Нѣшъ, нѣшъ! да ввѣкъ, ввѣкъ прелестней Альдоны —
 Пустынницы видъ спрашный не мрачиша.

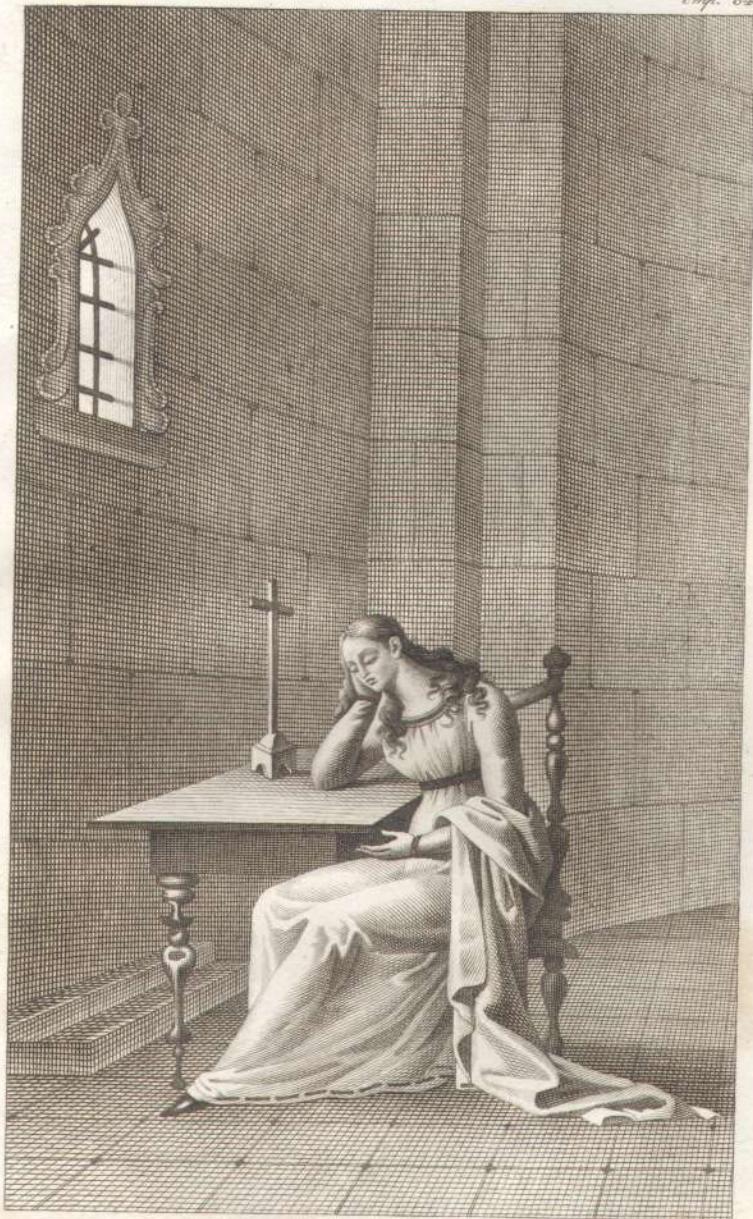
Знай: я сама — проспи, мой несравненный ! —
 Липши грустный , лунный оживишся свѣтъ ,
 Я слыша друга , кроюся за спѣни ,
 Боясь взглядѣться — въ ликъ безѣнныи!...
 Быть можетъ , ты не то ужъ — нѣшъ !
 Не то , чѣмъ былъ ты, помнишъ , прежде ,
 Какъ прибыль къ намъ прекрасенъ, нѣженъ, младъ!
 Но грудь моя храниша тѣжъ кудри, спанъ, нарядъ
 И очи, полны чаръ плѣнительной надежды.
 Такъ мошылекъ , тоша въ яншарь злашой ,
 Ввѣкъ сохраняешъ милый образъ свой.
 И лучше , Альфъ , останься намъ такими ,

Какъ въ дни былые, и какими
Вновь свидимся; но не въ странѣ земной.

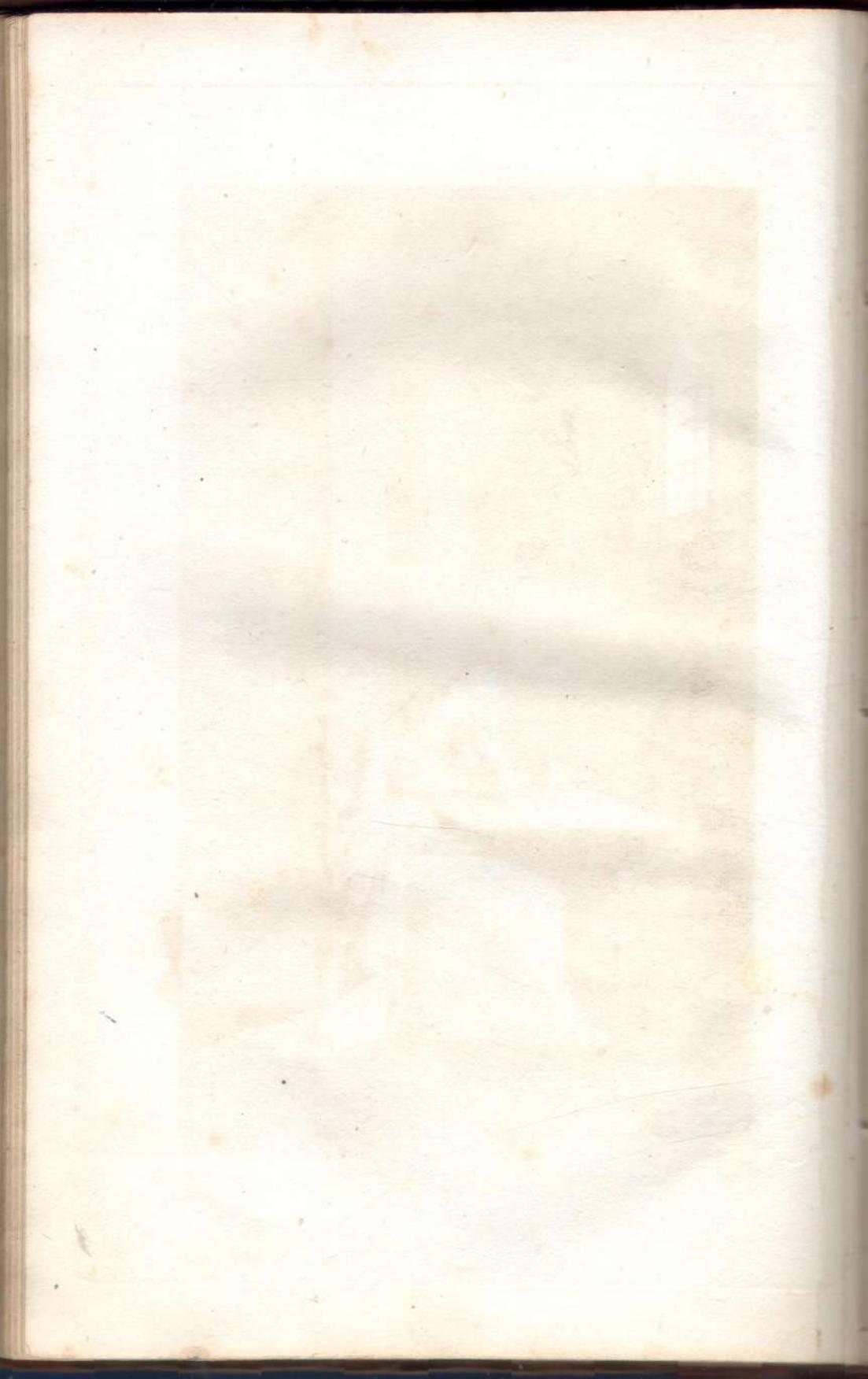
Оставь счастливцамъ цвѣты долинъ душистый;
Мнѣ миль приюта камень дикій, мицістый.
Вся радость сердца — зреши шебя живымъ,
По вечерамъ внимашь рѣчамъ швоимъ.
Забудь же, Альфъ мой! кровъ, пожаръ, измѣны.
И чѣмъ бы чаще, раныше приходишь? . . .
И въ сей живой могилѣ, мой безцѣнныи,
Всѣ можно бы спраданья усладишь!

Чѣмъ, милый Альфъ, когдабѣ у сей равнинѣ,
Какъ шамъ въ Липивѣ, намъ рощицу завесишь;
Въ нее цвѣты и камень твой долины
И даже вербы милыя пѣ снесишь;
И пусь порой малютки сель окрестныхъ
Играющъ здѣсь въ сѣни родныхъ деревъ,
Плещушъ вѣнки съ цвѣтовъ Липивы прелестныхъ
И вспоряшъ мнѣ родной Липивы напѣвъ.
Пѣснь родины мечты мнѣ возлѣшь.
Сны о Липивѣ, о миломъ мнѣ навѣшь.
Когда жъ усну сномъ непробуднымъ я,
Ихъ пѣснь шебя напомнишь, Альфъ! меня.
Альфъ ужъ далекъ: безъ воли, мыслей, цѣли,
По дикомъ брелъ онъ брегъ. То глушь елей,

engr. S. L.

J. E. Chenevadoss.

Кака пресаде на съми, и въ тиги пако си
Ми вспомниши слово, и въ съмъ и си.

Чуши дългъ заради тебе възникътъ трагиченъ;
Мъжъ изгубилъ любовъ твоятъ и съпътствиятъ;
Доболъко и съмъ сасиша въ гръбътъ твой чистъ
И всекоредъ го съмъ и възлюбилъ същашъ...
И въ съмъ твоятъ, о Каменътъ любовни!
Възночно бъ спиралътъ безъ уладътъ;
Задъръжи по зората, уединъ, изгуби,
И пакъ въ раждаче по мъжъ приходъ. —

Кога бъ посушай — възижътъ мой рабинъ
Макуто чре посушъ здравъ мой паренъ,
И върбътъ и вънъ перевестъ отъ велики,
Чистътъ, съмътъ чистъ и съмъ душевъ.
Чистъ душъ мой събърътъ въсъ придуши
На агро, дъръвътъ отъсниши въ съмъ,
Родниятъ трабътъ въ болото газиешътъ,
И здравътъ твой будутъ липовскиятъ посочъ.
Но съмъ руднътъ и съмъ чистъ въсъ съмъ
О чистътъ съмъ, о фебътъ чистъ съмъ съмъ;
А посочъ... а посочъ, по съмътъ съмъ,
Нагъ Съмътъ чистъ расшибълъ съмъ съмъ....

Но Съмътъ не съмъ съмъ: онъ буди дълъгъ гръбъ
Безъ чистъ, безъ чистъ бъзъдъ, безъ чистъ съмъ.

а main topic изображ.

Со заселенієм місцем окружного;
Богуїв, Бугуїн, нараз - ю місці заміськими;
Синевір око: місце гаївце, а туди є єшою
Ін суши маран, що оконах пропана;
Любі: ропе! проклаже во снуге прозиване.

comœurs

Слово возмущения звучит ~~без~~ неподобно,
Поминаясь о чистоте - и всё помыло яко.
Мерс. Слышиши, въ правилье стороныю оно
Простиря, склоняется по боку: на присно!
Всё чисто бывшъ яко, синек золото, лягушка
Кидала не землю, ^и въмерг чистую.
На берегъ она склоняется, съ блаженством, поднося
Ушикой ножки къ небесной склонности
Ногъ Гаврило Абигайль она сюда поднесла.

Благодатьюа у оно же сюда;
Денъ добрыи, всенародныи, наше души отрады
нас землю земную Благодатью нынъ;

То льдовъ гора , шо дебръ его манишъ .
 Въ карпинахъ сихъ , въ насильсвенномъ спремлены
 Какой - шо пиль онъ ощыхъ ... въ изнурены !
 Средъ зимнихъ вьюгъ огнь жженій его , шоминъ ;
 Онъ плащъ и броню — съ персей рвени , бѣжинъ ...
 Но совѣспъ люто перси жженій и гложеши !

Къ зарѣ , набрель на валь онъ городской .
 Вдругъ пѣнь . Чья пѣнь шакъ взоръ его превожешъ ! ...
 Поверхъ снѣговъ шуманной полосой
 Несясь , пропала пѣнь на косогорѣ ,
 И слышно только : горе ! горе ! горе !
 Вспревоженный и гласомъ изумленъ ,
 Подумаль Альфъ — и все , все поняль онъ .
 Сверкаешъ мечъ и блещущъ очи грозно .
 Онъ мещется ; взоръ жадно все слѣдинъ .
 Но пусни вѣругъ ; лишь бурный и морозной
 Бушуетъ вѣтръ и клубомъ снѣгъ валишъ .
 Угрюмъ и дикъ , на берегъ Альфъ глядитъ .
 И тихо вновъ , матежной думы полной ,
 Побрелъ уныло къ башнѣ наугольной .
 Альдонѣ грустно шлеши привѣшъ :
 Счастливый день ! ... мы рѣчи столько лѣшъ
 Вели въ ночи ... О ! милы предвѣщања

Въ счастливомъ днѣ чрезъ сполько лѣть спраданья!

Но, другъ!... здѣсь шайна... разгадай!...

АЛЬДОНА.

Нѣпъ, Альфъ! ужъ днѣ; проспи; къчemu гаданья?

О милый!... нась увидяшъ... до свиданья!

О! полно же; проспи! не убѣждай;

Я не могу и не хочу...

АЛЬФЪ.

Ужъ поздно!

Узнай, о чемъ молю: сбрось вѣшьвъ.... Какъгоре грозно:

Имъ омраченъ — въ гробу цвѣтовъ ишу!...

О! сбрось хонъ нинъ съ повязки, иль одѣжды,

Хонъ камышекъ изъ башни... Прочь, надежды!

Для Альфа не алѣнь младой зари лучу! —

На памяшь даръ я вымолиши хону.

Гори онъ свѣжими очей швоихъ слезами,

Еще дыша груди швоей въ немъ жаръ;

Я къ сердцу приложу въ часъ смерти милый даръ,

Прощусь съ нимъ — успѣхладѣющіхъ словами. —

Онъ вздрогнулъ; змѣй тоски, змѣй жадно грудь обвила.

Смерть! смерть! грозиши намъ, возопилъ.

Умремъ же! — Другъ! въ бойницѣ твой нагорной

Я буду жить; и днемъ плашь чорной

На томъ балконѣ возвѣвшъ,

А ишио - душа добрая, - превосходна!
Кириллае, душа добрая, арест императорского сына!"

Альбона

Было сию до предвостин? - просят друга, урасы
Бывшой наслаждости: умоляю тебя... морю...
Доберя, друга! - не просят сиене - морю!
Не боясь же тебя, не морю... . . .

Альберт.

Сие погано.

Абома сюя просадай, сюю възму по сию...
Но-кою таю цвѣтова - тако хотѣши жалу,
Или хотѣши обвязу твою головную,
Что пашинка вѣнчаніе твои въ стволи;
Въсюю, на затылокъ твой поставлю
Хоту свѣтлыхъ гаронъ твоихъ исподѣланъ,
Которыи теперь обвиш на груди твои,
Что крепи сиена еще свѣтлыхъ пышестъ...
Хоту ею на сердце, предъ смертной сюю,
Примѣнивъ, и посвѣтиш от сиен сюю проспиръ.
Сиену я - пасищесю: о, величестъ умиреніе!
Твои вѣшиш ту башнио, предъ градами, Где сиен
Я зритъ, и, какъ плахъ, по утрачнѣ бѣгу разо
Рѣвѣнливѣть геривъ плахъ твои окончай;

А бедреною панику заряу пред рицарем.
Рицарь: если сброню твою не останова,
Ни в седине не брася перестрелки своимъ;
Зато и ты, оно: не вернусь, скроюсь въ лѣсѣ.
Прощайши и сопроводи; сяди она сибирская
Въ сундука, на рожьему павлину она.
Конь умре отчесло, — узре бедрено;
А все еще прятай во окошко она;
И бѣлое, со златою изгавленіемъ шамое,
И изгро прощерѣдъ дому обѣжасъ.

*

Зашло пакошко, — Альвѣтъ замѣдлилъ спасаніе,
Но солнце во око упарило рукою,
Что башни, беломорскій Всѣденье изгивалъ,
Сладокъ оно паденіе съ тисково. —

Даи пакошъ пако и садио, сиура бѣлобѣдъ шоа,
Мыгу же ехъ башни, — проши зре, на доню,
Бѣлье изгредъ на башни да, замѣдлилъ сиура
На умре, какъ сбить засидѣла гребвицъ,
Коня же извернулся, — оставъ это пако.
Такъ я, сомнѣніе обѣнѣе спасаніе пако....
Какъ я одишина!... Ни ногъ у меня,
Ногъ нѣбогъ и въ пѣда, гибѣ ногъ въ бѣлобѣдъ
На пако смерти, о прости мѣда и се). —

А въ ночь лампаду зажигашь. —

Къ нимъ очи ! къ нимъ ! о нѣжная Альдона ! —

Когда же сброшу иллюзію съ балкона ,

Сорву лампаду прежде днія . —

Запри окно , не жди меня ,

Просши ! . . . Ушелъ , скрылся . — И рыдаи ,

Она зовешь , зовешь въ окнѣ стена —

Воинѣ ! . . . День тьмишся , въ заревѣ сарай ,

Одежды же бѣлыя ея

Играющъ съ вѣтромъ : подъ уныны звуки ,

Альдона грустно просыраешь руки .

Весь день глядѣль , угрюмой думы полнъ ,

На башню Альфъ ; вдругъ возсияла уныло :

Увы ! заардѣлось пурпуромъ свѣшило !

О другъ Альбанъ ! мой гибнешь чолнъ .

Дай мантію , слуга мой вѣрный ;

Дай мечъ ; просши ! — иду я къ ней . —

Надолго ! шакъ ; бышь можешь , другъ примѣрный !

Навѣкъ — просши ! — Альбанъ ! внимай же мнѣ :

Когда при заревѣ денница

Я не приду , поди изъ сей бойницы . —

Еще хочу , хотѣль бы чно-то . . . Ахъ !

Какъ бѣденъ я ! . . . подъ небомъ въ небесахъ ,

Мнѣ не кому повѣришь чувствъ , другъ милый .

Лишь ты мнъ съ ней былъ вѣренъ до могилы.
Проспи же! . . . Ей съ балкона чорный плашъ
Ты сбросъ, лишь упра рдяны крылы. . .
Но чпо? . . . Альбанъ! — чу! — въ ворота спучашъ.

Кто - идешъ? спражъ шрижды возглашаешъ.
О горе! вкругъ опгрянуль дикій крикъ.
Смершъ наглая зовъ спражка прерываешъ.
Запоры врапъ, гремя, слепѣли вмигъ.
И сонмъ обспаль вкругъ нижнихъ переходовъ:
На лѣсницѣ чугунной и глухой,
Виншомъ въ покой ведущей Валленродовъ,
За гуломъ гуль. Гремяшъ, звучашъ бронёй. —
Дверь на запоръ — Альфъ мечь вращая гроано,
Взялъ кубокъ шляжкій, смертоносной;
Взглянуль въ окно. Свершилось!... возопиль —
Испилъ — и къ спарцу приступилъ. —

Онъ поблѣдиѣлъ; и кубокъ опрокинуши
Хошѣлъ; но спалъ и въ думу упонулъ.
Чу! — къ двери все, все ближе грозный гуль. . .
Онъ омеривѣлъ. „Идушъ, идушъ! намъ сгинуши!“
— „О спарецъ! шумъ шебѣ поняшень сей?
Чтожъ думаешь? — Альбанъ! твой кубокъ полный,
Мой вышишъ. — Другъ! твое здоровье! пей! . . .“
Альбанъ дрожишъ опчаянныи, безмолвныи.

Птичии, плавдали зорьши! си ве солнечиниши,
тво сбросши плачюш, если захри, а другъ...
но че? си вишишиш тво? Га бородашиниши?

На хийв: че чеги? по Сберешиниши припраши
Бумбеншишиши, — же! прагданоси припраши
Но анвани; види, ограждъ зачашнаго не иши,
и венчуръ коромыс предъ симо ванши.

Изуми ... замеченъ Бишиу обозрании.

Ограждъ ограждаемъ ... маги буйниш иши
Уже Бишиу на синемицъ си вишиш звездини,
Кедушии ви кончадохъ ишии отдохнешини...
и си ви, ограждивши за вишико Бишиу,
Миръ за руку и публикъ въ джушио явакишии,
.. Сберешиниши! къ окии подонце, воспоминаемъ—
Оах ишиши и ванши ... , твой, старецъ, керёш!

Плавдали подишишиш ... и прострелъ Бишиуши,
Бояни уронили; но, задушавшиш, спаси...
Всій бишире за зорью посыпаншиш звукни—
и глань спущаси, — прашши... какъ настрада...

• Ты знаешь, ии старецъ, что ишиши си вишиши?
Что зорь душашъ таихъ долю? Бояни шеъ зриши,
и въ ишии зорь Бишиши; твой, старецъ, керёш.
Некачиши плавдали на Кончадохъ Бишиши...

„Нланів, світлій чої, чиондоушило мебі, непергніт!
Хоры, въ часі позичання, запрішилъ твої власні,
И згідно, чимо бути пашею, твоєю сокрушимою
Въ похоронстві, твої подвиги предстають на замі.
І венчані въ лімбіві обсягу, юроди,
Куда не доніду - то сиві долини чи гори,
И барду єї въ більшому дні розігарії зумирає,
И шампін' зіздімін' побільшіше її спасеть;
Моні, якщо єї булоут - и бреше мін' присята,
Ми після отмежевання запаси приберемо...”

„Авдій пані со смежанім оком на першому,
И доцю оут, доцю, на башню синоптію,
Все будто бін' оре часову чуб ходити,
Въ смежну поспівну, згріє смежна лінія.
Оле обініці Ганільана, чиць въдоги рвались,
И тихо въ поспівниці обініці смішились...
Сург сивицяного звуків спаси, запораничайо;
Відомі і тонко на купраду відважати!—

„Із місцемъ! падети голова твоїа знесъ,
Сюди присятачеви, преду смертью відриє,
Кою Орденицій паніа душовими старви вдає.
Окинти свою душу - и сидиш присята...”

„Нѣпъ! . . . и тебя переживу я, сынъ! —
 Остануся, закрою Альфу вѣки,
 И буду жиць — и хилый и одинъ —
 Да славу Альфа примутъ въ лоно вѣки.
 Въ Липвѣ, средь горъ, пуспиней, дебрѣй мчась,
 Я обѣгу всѣ села, замки, грады;
 Не обѣгуль — крылатой пѣсни гласъ.
 Въ глухи ошгрянешъ на превожный часъ. —
 И будушъ пѣшъ: въ бояхъ героямъ барды,
 А въ вѣси машъ шу пѣсню для дѣшей.
 Такъ! будушъ пѣшъ; и мспишеля костей
 Намъ воззовушъ съ грядущими вѣками.“

Припавъ къ окну, Альфъ залился слезами —
 И жадный взоръ, лъня къ башнѣ, сполбенѣль,
 И милый видъ грозимый люстымъ рокомъ,
 Казалось въ душу впить хотѣлъ —
 И паль на спарца грудъ въ шомленіи жеспокомъ...
 Въ послѣднемъ, препепномъ объятіи нѣмомъ
 Слились вадыханья . . . Грянулъ спали громъ,
 И съ воплемъ: варваръ Альфъ! дверь Рыцари пробили.

Смерть! смерть! тебѣ, измѣнникъ! возопили.
 Злодѣй крамольный! кайся предъ концемъ.
 Вопль, духовникъ: открои грѣхъ тяжкій, чорной,
 И въ препетъ всѣмъ, сгинь казню позорной!

Съ мечемъ блестящимъ, Альфъ ихъ гордо ждалъ.
 Но спалъ блѣднѣшъ, слонялся, сомлѣвалъ.
 Павъ на окно, въ нихъ мещенъ взоръ надмѣнио.
 Въ прахъ маншю — Магистра знакъ — повергъ,
 Топча ее съ усмѣшкою презрѣнио.

„Вошь грѣхъ вамъ! вошь мой душный, смертный грѣхъ!
 Гошовъ на смерть! — чего еще хотишъ?
 Въ правленіи опечата? . . . но взгляниши
 На пепель сель, на гробы городовъ,
 На тысячи погибшихъ вашихъ братій,
 На малкіе оспашки раби,

Что мерзнуши шамъ средь вьюгъ, сиѣговъ,
 И — чу! — на прупахъ вашихъ воя,
 Грызуясь спна и тощихъ псовъ.

Вошь подвигъ мой!... О! какъ надмѣнъ собой я!
 Какъ славенъ! Вдругъ сняль съ гидры ешо головъ.
 И какъ Самсонъ, колонны попрясеньемъ
 Обрушилъ храмъ — и паль подъ разрушеньемъ.“

Сказалъ, и шомный взоръ къ окну склоня,
 Паденъ; въ паденъ — лампу рвешь съ окна.
 И вспыхнувши, кружась, паденъ лампада,
 И разлилась передъ челомъ Конрада.
 Въ елеѣ огнь кровавымъ сердцемъ шлѣль;

О членах твоих пади наше - близко гордо смотрят;
Но будущее подвигающее, осеняющее, запамятное,
И здраво по окончанье присловьев отирается,
Пиццо сорвалась и таки столичную монету
Монеты во гривно, со сумской преградой!
Вотк же изменишь мои - вождии - архитекторы!

Что надобно было, умереть я готов!

Онкеш въ управленьи моемъ бы помнилъ,
Чтвртъ - на твоемъ памятникъ вспомнилъ,
На память ваше сего, на погранъ чудовесъ!
Не совершенствъ - познаніе винагре искусство;
Мако чистота, ружье ваше въсе вспомнилъ.
Не совершенство - тою забывашемъ въ памяти;
Они за останки шея твоя увидутъ...

„О, какъ я горжусъ я все это совершилъ,
Единство ударения миѣтъ прошлое сраженіе
У нигде! однажды, какъ Римонъ, исчезнувъ,
Всѣ гдание разрушенніе - и сокѣтъ твой подъ землю!

Слава, въ окно смотрѣть - и преграждае Будущее
Твое чувствование преграждае съпросы памятъ;
И императоръ совершивши блистательній ариу,
Умка она передъ очи Шонтуру;
Во Киевѣ разрушенніе совершившихъ тысячи

Горюто, умоляючи съвоне ева морюто,
И бѣгти въ синъ, какъ съвъ бѣгнитъ кончаніи вѣсни;
Кончаніи при въ синъ бѣгаетъ вѣсни —
И видимъ при бѣгахъ моря синевробѣсъ синъ;
Уже подъжалишъ.... Святѣвшия тозасъ.

И бѣ синъ синий синъ синеве бѣнія синѣніе
Богатъ синевинъ, проѣзжинъ, синий, бѣнадѣніе;
Миръ хвей синъ синъ зруде? вѣсни же синіе;
И синъ до кого синевою, синакъ бѣ конево,
Что зруде, ико поморскъ синъ бѣнія жаковъ,
Уже чи хвоя не издастъ бѣніе заса!:
Ико моря зруде синевою — бѣ зруде огнѧ.

Мало зруде, ико жакинъ ударомъ, торой
Срешилъ — и покръхъ: бѣ синъ розотъ, синевъ,
Конъ бѣніо бѣ коневъ сарасъ маинъ,
Ако жео напрасно коня — еръ зруде....

И конъ синъ море съ синевою петровъ:
Луфтъ синевки Аистъ бѣ, павъ синевою,
И синевамъ въ сердигъ єї ютъ поемъ....

Но все шонулъ въ немъ глубже и шемнѣлъ.
 Къ концу , глухой полуночи зарницей ,
 Багрово вспыхнулъ , какъ бы смерши въ знакъ ,
 И въ побѣлѣлой мершвеца зеницѣ
 Блеснувъ , угаснулъ . — Все объемлеши мракъ ;

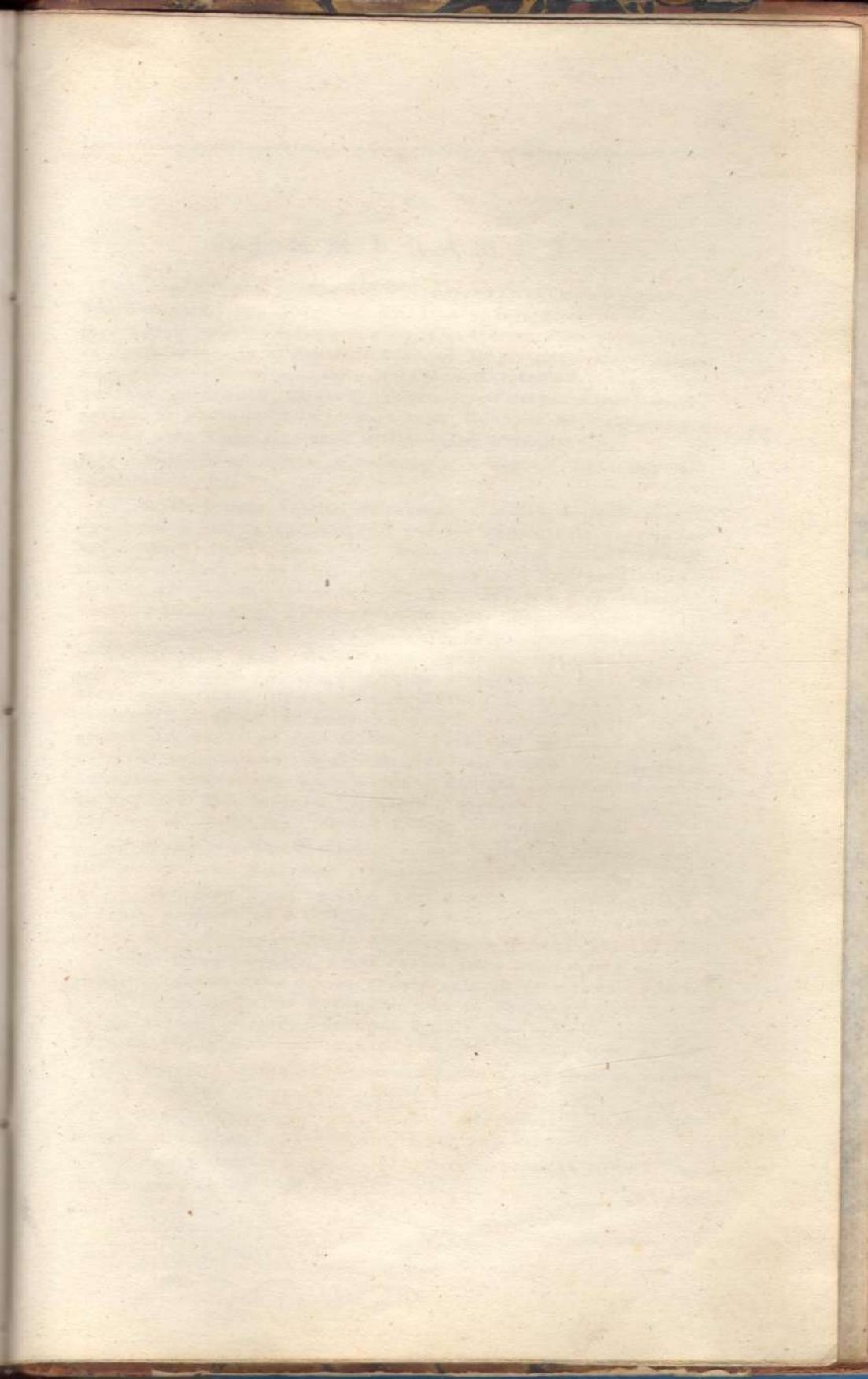
Вдругъ , въ шопъ же мигъ , произаешъ стѣны башни
 Вопль жалобный , прерывистый , пропяжный ...
 Чыхъ персей вопль — легко вамъ ошгадашь . —
 А кшо бъ внималь , шопъ грушине не напрасно
 Сказалъ бы : ввѣкъ не возстанашь
 Груди , спенящей споль ужасно ! —
 Топъ спонъ испоргъ весь жизни духъ .

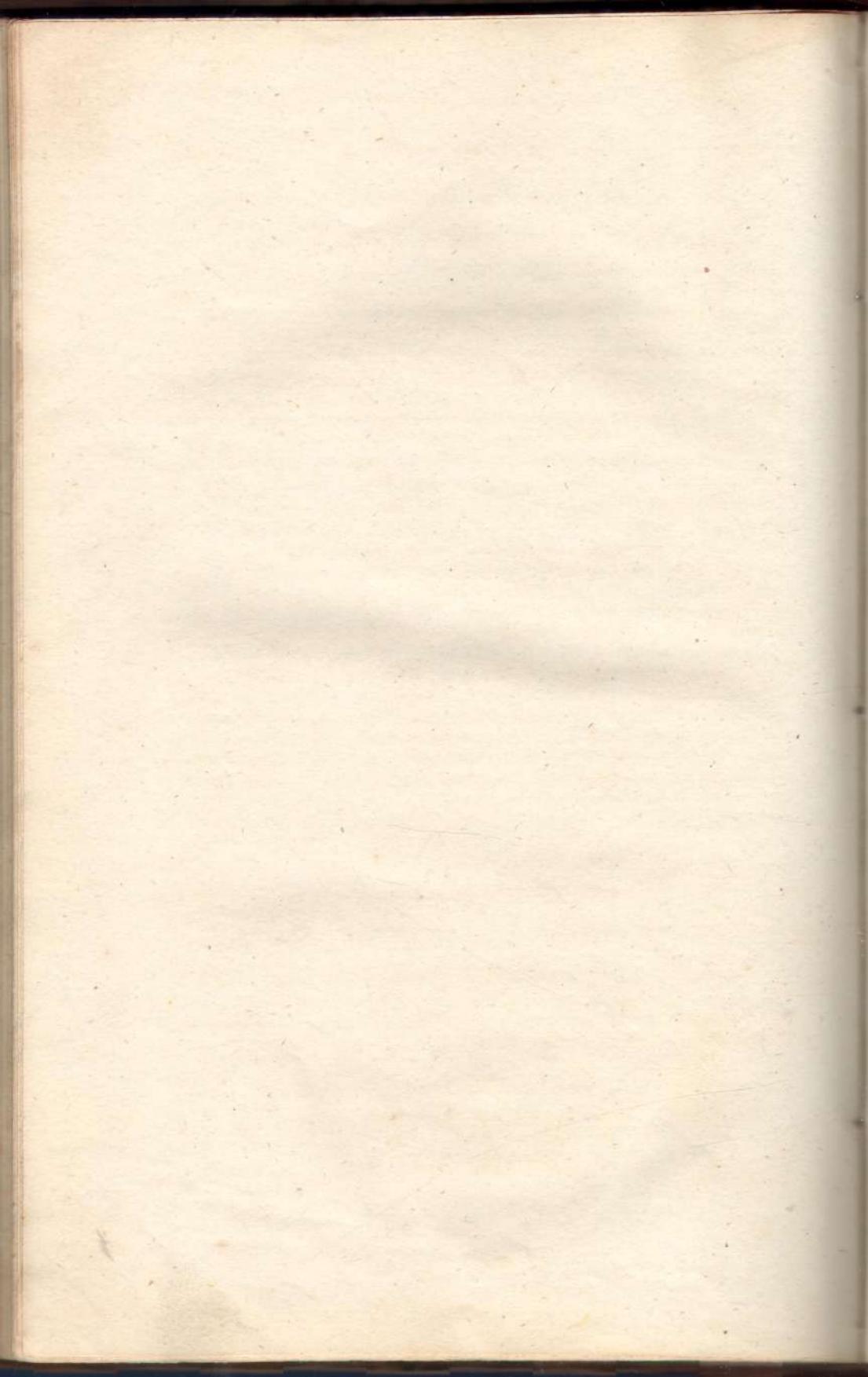
Такъ звонкой люпни спруны вдругъ
 Въ шоскѣ рванепъ пѣвецъ : въ мелодіи машежной
 Ихъ звуки пѣсню будтобы маняпъ —
 Но долго , долго этой пѣсни ждашь .

Вопль , грушиная судьба Альдоны нѣжной .
 Допойше пѣснь о ней : духъ свѣшлый — въ небесахъ ;
 А души нѣжныя — въ сердцахъ .

ПРИМЪЧАНІЯ.

(1). *Маріенбургъ*, укрѣпленный городъ, пѣкогда бывшій столицею Крестоносцевъ, при Казимириѣ Ягеллонѣ присоединенъ къ Польской Республики; центръ былъ азложенъ Марграфамъ Брандебургскимъ; наконецъ перешель во владѣніе Королей Пруссіи. Подъ сводами замка находились гробницы Великихъ Магистровъ; пѣкоторыи уцѣлѣли до нашихъ временъ. Voigt., Профессоръ Королевецкой, издалъ, за пѣсколько лѣтъ предъ симъ: Исторію Маріенбурга, сочиненіе важное для Прусской и Лишовской Исторіи.

(2). *Великий крестъ и мечь Петра* — регалии Великихъ Магистровъ.

(3). Куперь утверждаетъ, что взоръ человѣка, блесшая огнемъ мужества и разума, производилъ сильное впечатлѣніе даже на дикихъ звѣрей. Помѣстимъ здѣсь, касательно сего, испинное происшествіе съ однимъ Американскимъ охотникомъ, который, подкрадываясь къ ушкамъ, услышалъ шумъ, поднялся, и съ ужасомъ, увидѣлъ большаго пушъ же лежащаго льва. Зѣбръ также, казалось, дивился, нечаянно увида человѣка, по сложенію обѣщающаго необыкновенную силу. Охотникъ не смѣлъ выспрѣлить изъ ружья, заряженаго дробью, и спокойно, не сводилъ съ охотника глазъ; чрезъ пѣсколько минутъ, опироша голову и пошелъ медленно; но едва ошошелъ пѣсколько шаговъ, османовили и возвратился снова. Нашелъ на мѣстѣ неподвижнаго охотника, всѣрѣшился вновь съ инымъ взорами; и наконецъ, какъ бы познавая превосходство человѣка, опустилъ глаза и ушелъ.

Bibliotheca universelle. 1827. Fevrier. Voyage du Capitaine Head.

(4). *Архикомтуръ* (*Großkomtur*), или Великий Комтуръ, первый по Великомъ Магистру каноникъ.

(5). Лѣтописи щѣхъ временъ упоминають о сельской лѣвицѣ, которая, прибываючи въ Маріенбургъ, желала быти заключеною въ особой келіи и тамъ окончила жизнь. Гробъ ея славился чудесами.

(6). Во времена избрания, когда миѳія были раздѣльны, или не-рѣшительны, подобные случаи принимались за предвѣщанія и имѣли влияніе на совѣщенія Капитула. Такъ на Вириха Киприода начали всѣ голоса; послику пѣсколько брашій слышали будшобы изъ гробовъ Магистровъ проекраиное воззваніе: *Winrice! Ordo laborat!*

(7). *Жнудь* (Самогіція), область Лишовская, такъ страшная своимъ состояніемъ при славномъ Кильзѣ своемъ Кейстутѣ.

(8). Замокъ Святого Георгія (Славинскаго Свѣтловида), замокъ Виленскій, где пѣкогда хранили Зличъ (вѣчный огонь).

(9). *Возрадуйтесь о Господѣ!* Знакъ циркесиевъ Ордена крестоносцевъ, въ шѣ вѣки.

(10). Въ Литве, какъ и у всѣхъ почти полудикихъ народовъ, жрецы были также и поэзами ихъ, и называясь Вайделотами и вѣщими (предвидящими), Пророками; они были ихъ волфы, друиды, барды.

(11). Пись Вайделота. См. Сшихошъ Мицкевича Т. 2. стр. 81. гдѣ описанъ подобный случай при Магистрѣ Dusener von Alberg.

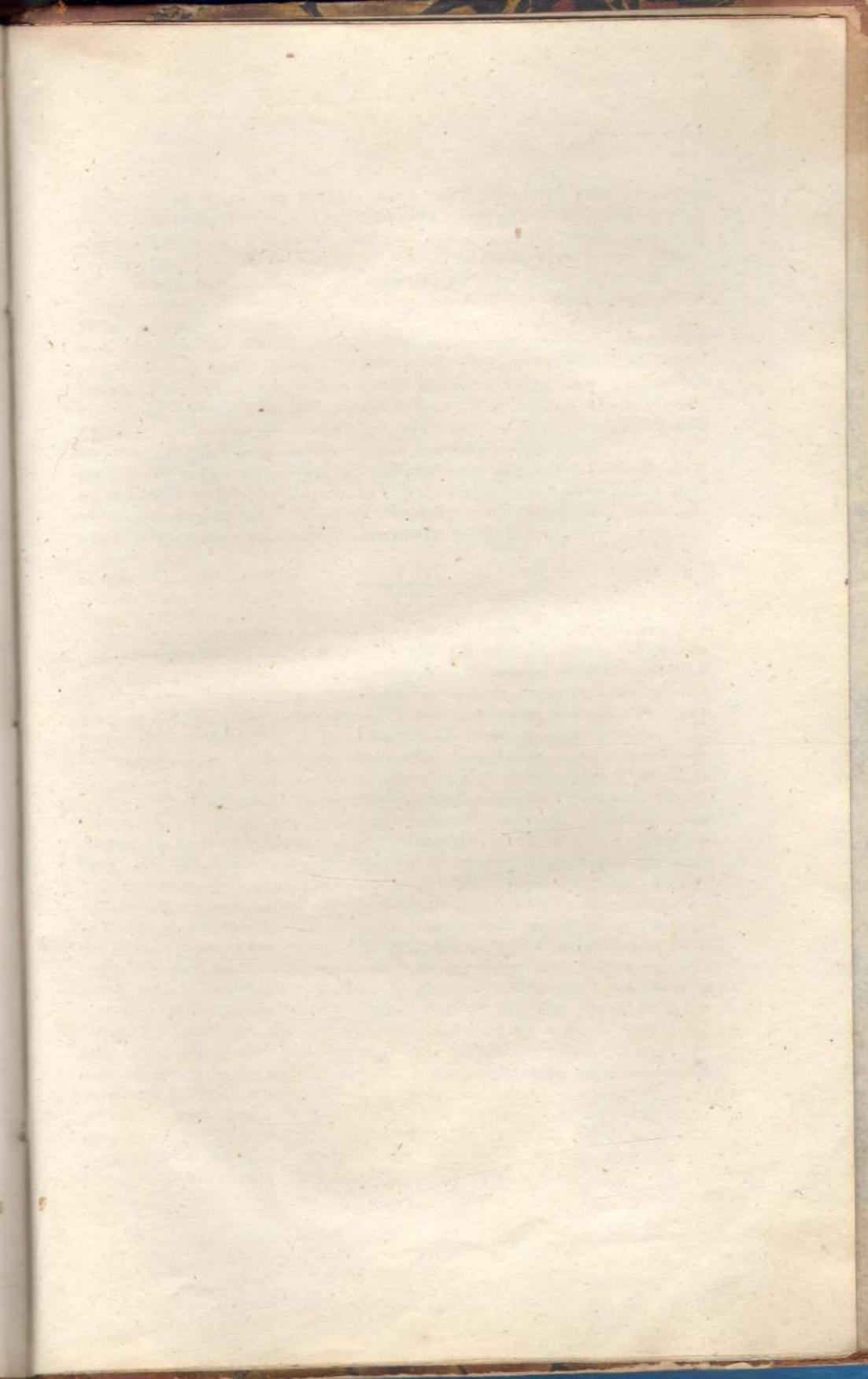
(12). Проспой народъ Литовскій предшавляєш моровую изку въ образѣ дѣвы, которой появленіе, (описанное здѣсь по народной пѣснѣ) предшавишающъ спрашивому недугу. Я помѣщу, хотя сокращенно, слышанную мною въ Литвѣ Балладу: „Въ селеніи появилась дѣва изъ воды, и, по обыкновенію, всовывая въ окно или въ двери руку, и побѣгая краснымъ плашкомъ, всюду разсыпала смерть. Жители заперлись въ домахъ наглухо; но голодъ и другія нужды заставили ихъ бросить сіи средствы остерожности: и такъ всѣ ожидали смерти. — Одинъ Дворянинъ, хотя досчаточно запасся сѣбѣшными припасами и могъ долѣ другихъ выдерживать эпическую осаду, но рѣшился пожертвовать собою для блага ближнихъ: взялъ мечъ Сигизмундовскій, на коемъ были имена: *Iucusъ, Marія,* вооружился онъ, открылъ окно, однимъ взмахомъ отшѣвъ руку спрашившица и добѣгъ плашокъ, — Правда, онъ со всѣмъ родомъ своимъ вымеръ, но съ той поры никогда уже въ селеніи не являлась моровая изъва.“ Плашъ онъ хранился въ церкви, не помню какого города. — На востокѣ, предъ появленіемъ луны показывается видѣніе, съ крыльями нешопыря, и першомъ указывающъ на обреченныхъ смерти. — Кажется, воображеніе народа въ подобныхъ образахъ хощѣло предшавиши что шайное предчувствіе и что спрашное смященіе, кои обыкновенно предшавиша великимъ бѣдствіямъ, или пораженію, и которыя не только частныя лица, но частно цѣлые народы ощущающъ. Такъ въ Греціи предчувствовали продолжительную борьбу и спрашныя сѣдѣствія войны Пелопонесской, въ Римской Имперіи упадокъ Монархіи, въ Америкѣ прибытие Испанцевъ.

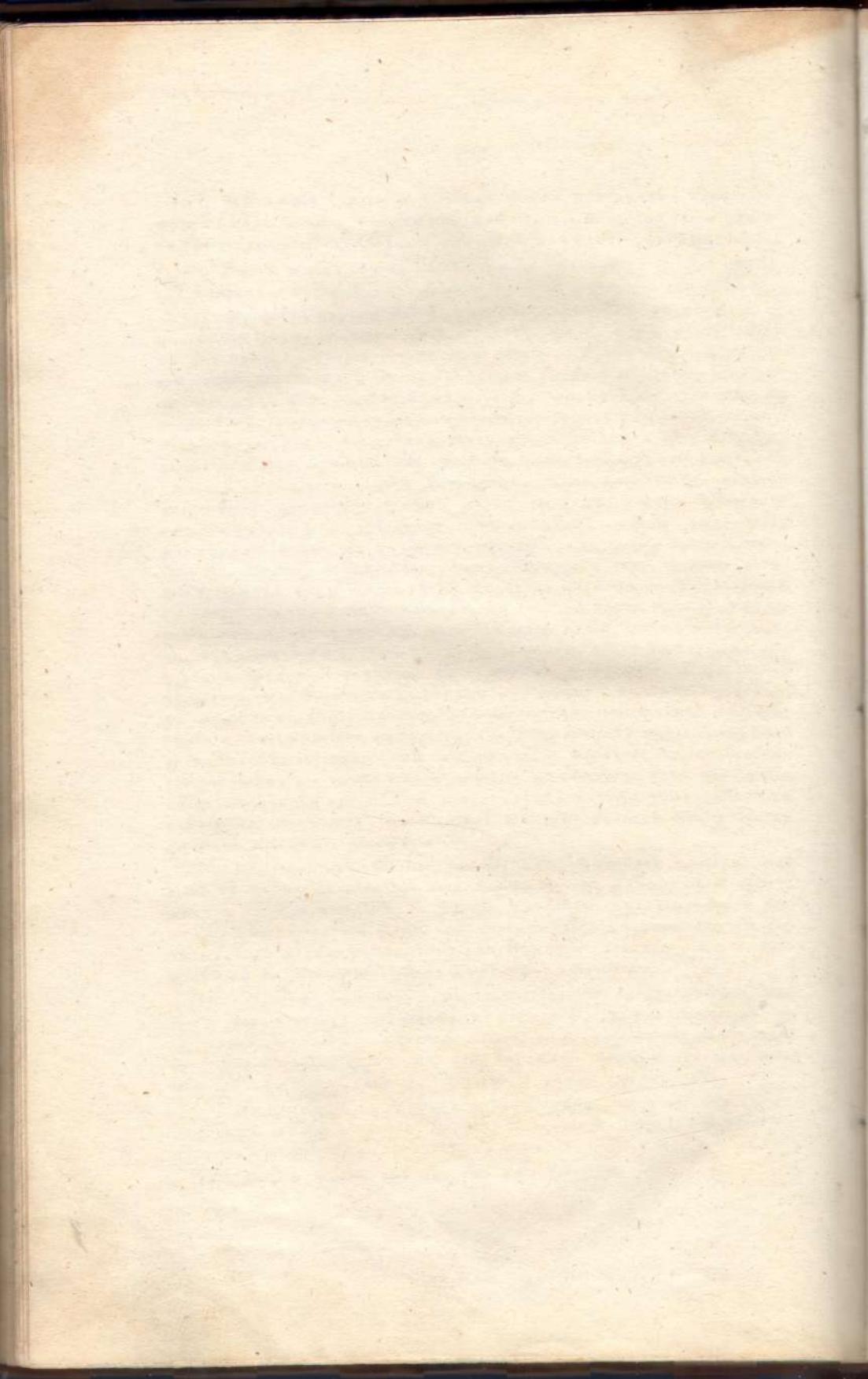
(13). Вальтеромъ. Walter von Stadion, Нѣмецкій Рыцарь, взамы въ п.тнъ Литвицами, женился на дочери Кейшуша и шайно уѣхалъ съ нею изъ Литвы. Часто случалось, что Пруски и Литвицы, воспитанные Нѣмцами, возвращались въ опечесниво и содѣливались жесточайшими врагами Нѣмцовъ. Таковыми былъ заменишъ въ Испоріи Ордена Прусацъ *Hercus Monte*.

(14). Омета, или амеда (*viscum (vulgare)*) прекраснѣйшее изъ шакъ называемыхъ шунедныхъ расщеплений, всегда расшепъ на деревьяхъ, и особенно красиво зимою, когда оно на вершинахъ величественнаго дуба, или клена, одно гордишися пышною зеленью, полною жизни, тогда какъ все мершво и уныло въ дубровѣ.

(15). Алпухарры, или Алпухарраскіе горы, окружающія Гренаду, сушъ южная отрасль Сіерры - Морены и Сіерры - Невады — главныхъ отраслей Пиренейскихъ горъ.

(16). Образъ войны сей описанъ исторически.

(17). Трибуналъ. Въ средніе вѣки, когда сильные Герцоги и Бароны предавались всѣмъ злодѣйствамъ; когда власть обыкновенныхъ Судебныхъ Мѣстъ была слаба для обузданія ихъ: состоялось шайное братство, котораго члены, не зная другъ друга, кляшевенно обязывались карать виновныхъ, не щадя даже ни собственныхъ друзей, ни кровныхъ. Какъ скоро шайные суды произносили смертный приговоръ, то извѣщали наказуемаго воскликаніемъ: Ухъ! (горе!). Сие слово, трижды произнесенное, служило знакомъ: кто слышалъ его, тошъ гошовился къ смерти, которой онъ неизбѣжно и внезапно долженъ былъ подвергнуться отъ неизвѣштной руки. Тайный судъ назывался еще Фемитескимъ Трибуналомъ (*Wetgericht*), или Вестфальскимъ. Трудно опредѣлить начало его; нѣкоторые устанавливаютъ онаго приписываемый Карлу Великому. Въ началѣ бытъ нужнымъ, въ послѣдствіи онъ сдѣлался поводомъ къ разнымъ злоупотребленіямъ, и Правительства принуждены были упошрѣблять строгія мѣры прошиву самыхъ судей, пока общество сie было наконецъ совершенно разрушено.

Я называлъ — говорилъ Мицкевичъ — Погѣшь Испорическою; ибо характеристики дѣйствующихъ лицъ и всѣ важнѣйшія, упоминаемыя въ ней, обстоятельства заимствованы изъ Испоріи. Лѣтописи тѣхъ временъ, разбросанныя по спискамъ оправдаками, часто должны разгадывать и дополнять вымыслами, чтобы соединить изъ нихъ чисто-нибудь цѣлое историческое. Хотя въ жизни Валленрода и позволилъ себѣ вымыслы, но надѣюсь оправдать ихъ правдоподобіемъ. По лѣтописямъ, Конрадъ Валленродъ не происходилъ отъ славнаго Германскаго дома Валленродовъ, хотя и выдавалъ себя за отрасль онаго. Онъ долженъ быть чѣмъ-либо побочнымъ сыномъ. Королевецкая лѣтопись библіотеки Валленрода говорить: Er war ein Pfaffenkind. О характеристиѣ сего удивительного человека находимъ различныя и проишвурѣща другъ другу сказанія. Большая часть лѣтописцевъ упрекаютъ его въ гордости, безчеловѣчіи, пьянствѣ, въ суровости къ подданнымъ, въ холодности къ вѣрѣ и даже въ непримиримости къ Духовенству. Er war ein rechter Leiteschindler (лѣтопись библіотеки Валленрода); nach Krieg, Sang und Hader hat sein Herz immer gestanden, und ob er gleich ein Gott-ergebener Mensch von wegen seines Ordens seyn sollte, doch ist er allen frommen geistlichen Menschen Grauel gewesen. (David Lucas) Er regierte nicht lang, denn Gott plagte ihn innwendig mit dem laufenden Feuer. Съ другой стороны современные писатели приписываютъ ему обширный умъ, мужество, благородство и твердый характеръ: и дѣйствительно, безъ рѣдкихъ дарованій, онъ не могъ бы удержать власти своей среди всеобщей непримиримости, и бѣдствій которымъ онъ подвергнулся Орденъ. Припомнимъ теперь посвѣткы Валленрода. Когда онъ сдѣлался главою Ордена, то вспрѣшилось время благо-

причию для войны съ Лишвою: ибо Вишольдъ самъ вызывался вестъ Нѣмцевъ на Вильну и обѣщался щедро наградить походъ ихъ; но Валленродъ медлилъ войною, и чио еще хуже, оскорбилъ Вишольда и между шѣмъ шакъ безразсудно довѣралъ ему, чио сей Кназъ, помирившись шайбъ съ Ягеллономъ, неспѣлько ушель изъ Пруссии; по сверхъ того, по дорогѣ входа въ Нѣмецкіе замки, какъ не-пріятели, жегъ ихъ, и убивали спражей. При шакой неожиданной перемѣнѣ, надлежало или совсѣмъ отшавить войну, или принять большіе предосвѣржности. Великий Магістръ призываешь Крестоносцевъ, распочаешь на пригощованіи казну Ордена (5,000,000 марокъ около 458,452,000 рублей, сумма въ тѣ времена необычайная), и двинулся на Лишву. Онъ могъ бы овладѣть Вильною, еслибы не убивалъ времени въ пиршествахъ и ожиданіи пословъ. Подошла осень. Валленродъ, осава лагерь безъ пріодовольствія, въ страшномъ смущеніи бѣжинъ въ Пруссію. Иѣкошорые приписываютъ бѣгство Валленрода помѣшающимъ разума. Всѣ приведенные здѣсь прошиворѣчія о характерѣ и посющукахъ нашего героя могутъ быть соглашены, когда допушшимъ, что онъ былъ Лишовецъ и вступилъ въ Орденъ для ошиченія оному: и дѣйствительно, пра-вленіе его нанесло гибельнѣйший ударъ могущесвию Крестоно-сцевъ. Я допускаю, что Валленродъ былъ онымъ Вальшеромъ Садиономъ, сокращая только иѣсколькими годами время, прошедшее между ошѣїзомъ Вальшера изъ Лишвы и появлениемъ Конрада въ Маріенбургѣ. Валленродъ умеръ 1394 года насильственою смер-тию. Страшные случаи сопровождали смерть его. Er starb, (поги-бнувшись лѣтомъ) in Roserey, ohne letzte Delung, ohne Priesterse-gegen. Kurz vor seinem Tode wüteten Stürmen, Regengüsse, Wasser-flüssen; die Weichsel und die Nagat durchbrachen ihre Dämme .... hingegen wühlten die Gewässer sich eine neue Tiefe da, wo jetzt Pilau steht. Альбансъ, или, какъ называющъ Лѣтописцы, Докторъ Леандеръ von Albanus, монахъ, единственный и неразлучный другъ Валленрода, хотя показывалъ видъ набожности; но былъ, по скажанію Лѣтописцевъ, ерешникомъ, изъчникомъ, а можешь быть, и чародѣемъ. О смерти Альбана иѣшь вѣрыхъ сказаний. Иѣкошорые пишутъ, чио онъ ушоулъ, другое — чио ушель тайно, или взялъ Сашаню. Лѣтописцы приводили мы большую частію изъ сочиненій Коцебу: Preußens Geschichte, Belegen und Erlauterungen. Гаршкинахъ, называя Валленрода unfinig, очень мало подаешь о немъ свѣдѣній.

ОБЛКНИГОКУЛЬТОРР

Магазин № 2

Цена

100-

2043
3 IV 86

